

В Л А Д И М И Р

К Н Е Х Т

Р 33865

**ТОВАРИЩ
РЕНЭ**

ГОСАНИЗДАТ

ЛЕНИНГРАД

ВЛАДИМИР КНЕХТ

ТОВАРИЩ РЕНЭ

О Г И З

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Ленинград 1946

ОБЩЕСТВО ГОЛОДАЮЩИХ

1

Начиная с девятнадцатого года, то есть с тех пор, как в Эстонии временно установилась так называемая «народная» республика, в местечке Мыйзама стали происходить странные вещи. Вскоре их стали называть таинственными, потому что ни полиция, ни Кайцелийт, которым принадлежало право вносить ясность в мысли граждан, не смогли оправдать свое назначение. А дело обстояло вот как.

В Мыйзама было две церкви. Как полагается в тех местах, одна из них была лютеранская, а другая православная. Прихожане поколениями исповедывали религию, избранную их прадедами, и не думали менять вероисповедание. Поэтому споров между пастырями не было, и церкви мирно располагались поблизости друг от друга, причем кладбища граничили между собою и были обнесены одинакового вида невысокой стеной, сложенной из дикого камня. Можно сказать, что пастор и священник прямо поддерживали друг друга. Известно также, что они вместе выступали по поводу расстрелов красных.

Расправа началась сразу по вступлении немцев. Захватчики нашли себе достойного помощника в лице Юрмана, бывшего царского штабс-капитана,

затем ставшего правой рукой немецкого коменданта и, наконец, капитаном эстонской армии. Этот Юрман сумел избавиться от тягот боевой походной жизни как в мировую войну, так и в гражданскую, найдя в себе призвание воевать на внутренних фронтах.

В частности, после ухода немецких оккупантов и с их благословения капитан Юрман явился организатором, а потом и неизменным начальником Кайцелийт в местечке и в приходе Мыйзама. Он явился как бы наследником мрачных дел захватчиков и насильников, приобретая известность избиениями и расстрелами, которые происходили либо явно, либо тайно, в зависимости от наличия или отсутствия официального приговора.

За спиной Юрмана стоял кожевенный коммерсант господин Пюман. Он, как и при царе и при Временном правительстве, снова стал во главе местного самоуправления и жестоко мстил всем, кого подозревал хотя бы косвенным виновником установления советской власти.

Место казни, в официальных случаях, было избрано у церковной ограды. И вот это обстоятельство и побудило пастырей к совместному выступлению против того, чтобы расстрелы происходили возле ограды той или иной церкви. Их сообщения были вполне обоснованными: во-первых, соответствующей церкви, а заодно и ее пастырю, грозила дурная слава; во-вторых, люди, подвергавшиеся казни, были разных вероисповеданий, и хотя утверждали, что большинство из них в бога не верило, тем не менее казалось неудобным хоронить возле своего кладбища членов чужого прихода. Не без помощи материальных приношений пастырям удалось убедить заносчивого и упрямого Юрмана, чтобы он производил расстрелы и хоронил казненных у кладбищенской стены на «ничейной земле», как

раз в том месте, где соприкасались церковные участки и начиналась поперечная ограда, разделявшая их территории.

В 1920 году расстрелы в Мыйзама были прекращены, всех арестованных стали отправлять в уездный город, и что с ними делали дальше, граждане Мыйзама не знали. Но страшное место у кладбищенской ограды осталось в памяти навсегда.

Надо заметить, что оба кладбища Мыйзама лежат как раз у большой дороги, по которой ездят со станции и на станцию, — поэтому не было человека, который не знал бы о том, что творили господа Пюман и Юрман. Но тем более разнеслась молва, когда во вторую годовщину восстановления власти буржуазии на камнях кладбищенской стены, как раз у страшного места пламенно покраснели свежие пятна крови.

Разумеется, слух об этом докатился до Юрмана. Последний сначала не поверил, но затем ему донесли, что народ останавливается, наблюдая необычайное зрелище, и уже начинаются опасные рассуждения. Тогда начальник Кайцелийт, собрав своих подчиненных, кинулся к кладбищу и вскоре смог убедиться, что «кровь» простой водой не отмыть. День был ясный, морозный, и под февральским солнцем кровавокрасные пятна особенно бросались в глаза. Снег вокруг был притоптан, и подозрительные следы не обнаруживались.

Стену пришлось закрасить, и так как расследование не дало никаких результатов, о происшествии на время забыли. Однако на следующий год в тот же день повторилась такая же история. Граждане, шедшие в церковь, снова ужаснулись и заговорили еще громче, ввиду чего Юрман счел необходимым посадить в «холодную» двух особенно

болтливых парней. На этот раз дело дошло до высших властей. Юрмана вызывали чуть ли не в самый Таллин, но даже под страхом наказания он ничего не смог добиться и стал дожидаться следующего года.

Еще за три дня до праздника начальник Кайцелийт организовал наблюдение за местечком и за его окрестными деревнями и хуторами, а у страшного места поставил бдительную стражу в числе двух человек, вооруженных винтовками, с приказом захватить нарушителей порядка живыми или мертвыми. Часовые старательно мерзли три дня и три ночи, а когда наступило утро праздника, сами затряслись от страха: на черном фоне кладбищенской стены, обрамленном белым сугробом, снова выступили яркие кровавые пятна.

Нужно ли говорить, что все смены караула были посажены в «холодную», а затем допрошены самым строгим образом. Юрман в отчаянии заподозрил даже предательство среди членов вверенной ему организации. Однако кайцелийтовцы могли показать только то, что в ночь под праздник по дороге мимо кладбища проходил лишь один человек. Это была старая, выжившая из ума Марта Каху. Всем было известно, что старуха рехнулась в феврале 1919 года, когда ее муж и два сына были забраны по приказу Пюмана и пропали без вести. Знали также, что Марта, если не спала, то ходила днями и ночами по местечку или по его окрестностям и, в особенности, около кладбища. Старуха неустанно искала своих и часто обращалась к прохожим.

— Они увели их ночью и, наверно, замучили... Я слышала их крики... Вы не видели их? — спрашивала Марта тихо и, словно зная, что ей никто никогда и ничего не ответит, бормотала: — Я должна их увидеть, должна... — и проходила дальше.

Она бродила по дорогам и тропинкам, а иногда и просто по полям и рощам, более похожая на тень, нежели на человека, и только горящие зрачки напоминали о неукротимой жизненной энергии, которая не позволяла этой женщине успокоиться.

В ту предпраздничную ночь старая Марта подошла к часовому и стала настойчиво повторять свой вопрос. Она так страшно смотрела на глупого парня, что тот испугался и позвал на помощь товарища. Кайцелийтовцы начали вдвоем гнать сумасшедшую, так что они могли со спокойной совестью побойться, что старуха совсем не приближалась к запретному месту.

На следующий год происшествие повторилось. И опять видели только старую Марту, которую, разумеется, опять не подпустили к кладбищенской ограде. С тех пор для властей Мыйзама стало неким странным обычаем под праздник выставлять часового к кладбищенской ограде, а затем утром присылать человека с ведром черной краски, чтобы замазывать появившиеся за ночь на камнях красные пятна.

Сначала я не знал, что вышеописанная история, рассказанная мне одним из бывших красногвардейцев, произошла именно в Мыйзама. Позднее, когда миновала опасность нечаянно подвести людей, продолжавших в условиях произвола и террора вести борьбу за освобождение эстонского народа, мне назвали место и некоторые имена. Тогда мне припомнились события, свидетелем которых я сделался, начиная свой самостоятельный жизненный путь.

Местечко Мыйзама, куда я попал в августе семнадцатого года с задачей сбора материалов для газеты «Луч», уже тогда прославилось некоторыми необычайными, весьма шумными происшествиями, молва о которых долетала до самого Таллина. Дело «о кровавых пятнах» было завершением цепи собы-

тий, и я даже догадывался о тайне этих пятен. Сейчас, когда ее можно раскрыть и когда я получил подтверждение своим догадкам, стоит вспомнить о прошлом, которое связано с настоящим.

2

Две большие дороги встречаются и поныне в Мыйзама. Одна — с севера, другая — с юго-запада.

В Мыйзама хорошо помнили, с какой стороны пришли меченосцы, давшие обет повиноваться папе и вести борьбу с язычниками. Запомнилось это на много поколений вперед, потому что беловолосые эсты и были теми самыми язычниками, которым предоставлялось право либо перейти в лоно католической церкви, либо жариться на костре во славу божию. Предки жителей Мыйзама ожесточенно отбивались от ниспосланной им благодати, но не могли противостоять пришельцам. Не помогли и леса. Один из прибывших «королевских мужей», родом из немцев, получил в ленное владение земли, которые затем стали называться Мыйзама, и построил неподалеку от церкви замок.

Если итти по дороге с севера, — теперь это будет по шоссе от железной дороги, — то сначала лягут чуть волнистые поля деревни Силла, окаймленные лесами Мыйзама. На самом повороте к местечку забелеет березовыми стволами роща. Из ее листвы выставят свои колокольни обе церкви. Подойдя ближе, можно увидеть прочную старинную ограду, а за нею, в кустах и в траве, — деревянные, железные и каменные кресты, знаки степени почтенности умерших граждан. С северной стороны местечко Мыйзама начинается Старой Мыйзама. Старая Мыйзама начинается кладбищем.

Если итти другой дорогой, то городок издалека заметен контурами острых крыш на холме, вью-

щимися над ними дымками и, в особенности, черным облаком над высокой трубой кузницы. Пешеход сходу же встречается базарная площадь с длинной крепко сколоченной консвязью и вывеска постоянного двора господина Куузика (возможно, она теперь уже снята). Дорога превращается в главную улицу. Там стоит массивный коричневый двухэтажный дом Вольного пожарного общества, прославившийся митингами «Общества голодающих» (в нем обычно собирался и кружок любителей хорового пения); бледно голубеет прочно сбитое обиталище бывшего головы, а затем уполномоченного Временного правительства господина Пюмана, красуются совсем на столичный манер широкие окна универсального магазина господина Ландсдорфа и вывески других, более скромных торговых заведений. Там, наконец, на перекрестке маленьких улочек, образовавшем подобие площади, высится Народный дом. Это здание не столь высоко, сколь обширно. Оно построено в непонятном стиле, но, главное, добросовестно.

В тот период, к которому относится наше повествование, в зале Народного дома заседал Совет депутатов, а небольшие смежные комнаты занимали его органы, существовавшие тогда еще в простейшем виде. Над странноватой по виду, горбатой крышей на коротком флагштоке чуть колебался выцветший розовый флаг. Нет, в городе еще не было настоящей советской власти, но эти два противолежащие друг другу дома, бледноголубой и белый, были центрами местной власти, о чем свидетельствовал и одинокий милиционер, уныло бродивший с берданкой за плечом от крыльца к крыльцу, мимо железного фонарного столба, воздвигнутого посреди площади.

Путь с севера и путь с юго-запада встречаются на мосту через речку Палайеги. Река невелика.

Источаемая болотами в центре страны, она течет среди низменных берегов, летом зеленеющих травой и кустарником, зимой прикрытых снеговыми, сверкающими на солнце одеялами; говорят, где-то, через большое озеро, она попадает в море. Но этого никто точно не знает. Все равно по Палайеги корабли не ходят, а течет она издавна в одном и том же направлении, и куда бы она ни впадала, хорошей рыбы в ней не поймать... Река делит местечко на две части — старую, где стоят две церкви, где вдоль берега лепятся маленькие угрюмые домики, и новую, застроенную более весело и богато, по вечерам сияющую огнями домов и одинокого железного фонаря на площади.

Предок барона фон Тизенхаузена построил на холме замок, прельстившись лугами и лесами, которые раскинулись на левом берегу реки. Селения Силла и Мыйзама дали даровые рабочие руки и спины. Но рабы были непокорные, царство божие их не прельщало и не побуждало к смирению и почтению. Они всегда были готовы взяться за ружья или просто за вилы и дубины, а то и с голыми руками бороться за право жизни. В этой борьбе древний род баронов фон Тизенхаузен должен был даже временно отступить. Замок Мыйзама был заброшен, но крестьяне вместе с прочими крестьянами Эстляндии были подвергнуты «милостям» сначала короля шведского, а затем императора всероссийского.

Шведский король лишил эстонцев прав на землю, а с 1713 года помещики получили право сечь крестьян розгами; с 1760 года — ссылая в Сибирь.

С 1762 года суды перестали принимать жалобы крестьян на помещиков. А в следующем веке «закон» провозгласил свободу крестьянина, выкинув его окончательно с земли.

Так произошла «птичья свобода» эстонских крестьян.

Конечно, барон фон Тизенхаузен вернулся. Он отстроил для себя новый дом подальше от мрачной славы предков. Замок Мыйзама тяжким памятником врос в холм. Уже кустарник заполнил его двор, и многие кусты превратились в деревья. Уже провалилась крыша. Доски, закрывавшие окна, стали рассыпаться. Но еще осталась Старая Мыйзама, свидетельница былых восстаний. С каждым годом ее домики ниже и ниже пригибались к земле. Однако она не думала молодиться. Там жили степенные ремесленники, которые из поколения в поколение передавали имена смелых борцов, и последним среди славных имен был их согражданин, портной Мильк, бросивший вызов самому царю.

Старая Мыйзама гордилась своею старостью и степенностью. Не она ли построила этот прочный мост через Палайеги? Не она ли перебросила на тот берег новые улицы, заселив их своими выходцами? Не ее ли дети, если не считать случайных пришельцев, вроде коммерсанта Ландсдорфа, развесили почтенные вывески?

Но забыты заслуги Старой Мыйзама. Новая Мыйзама слегка презрительно поглядывает за реку. Старая Мыйзама отвечает тем же, и даже депутаты в Совете уселись порознь.

Все это отчетливо возникало у меня в сознании под впечатлением короткого рассказа старика-извозчика.

Мы подъезжали к Мыйзама по шоссе со станции вечером. Как полагается, сначала развернулись волнистые поля деревни Силла, а за ними леса Мыйзама. Те самые леса, в которых прятались ограбленные, забитые, изнуренные бесконечными войнами эсты; глухие и болотистые чащи, куда они бежали от расправы немецких помещиков.

В безмятежный летний вечер, когда кузнечики прекращают свое звонкое, деловитое трещание, когда даже ветер ленится шевелить листву, тихо лежали озаренные пологими лугами холмы. Растопырив замершие крылья, беспомощно стояла одинокая мельница. Рядом белела прочными, как крепость, стенами, краснела острой крышей мыза Кюн. Мир и покой царили над страной в этот вечерний час; и они были обманчивыми, как и сотни лет тому назад. В то время, вероятно, так же задумчиво стояли леса и рощи, так же тихо лежало пустынное поле. Пыль клубилась от шага лошадей. Лучи солнца вызывали блеск на концах копий. Вот так, как сейчас... Но из пыльного облака показалась группа всадников в обыкновенной современной офицерской форме. Дальше виднелась серозеленая масса солдат. Не было стройности в их рядах. Не было никаких копий; и солнце отнюдь не играло, но только неровно и тускло светили его лучи, преломляясь на щетине штыков. Ряды колебались без всякого ритма. Загорелые лица глядели невесело. Никто не нес знамени.

Пришлось съехать в канаву и переждать, пока протопчут тяжелые ноги, протянутся, встряхиваясь на выбоинах, обозные повозки.

— Отправляют... Должно быть — на фронт...

Извозчик сказал с сочувствием, но было трудно определить, кому он сочувствовал: солдатам или тем, кто отправлял.

— Это тот самый батальон, который стоял в Мыйзама? — спросил я.

— Тот... Запасный.

Старик был молчалив. Не трудно было понять, что жизнь не давала ему радости. Всю дорогу он горбился. На вопросы отвечал после долгого молча-

ния, как бы вдруг просыпаясь. С трудом удалось узнать, что его зовут Пихо. И только однажды он немного оживился. Возле большой мызы, у ворот которой стояли, горячо рассуждая, люди, — их было много и все крестьяне, — старик что-то забормотал, а потом, не дожидаясь моего вопроса, пояснил не то с досадой, не то сердито, что тут происходит забастовка, но что из нее ничего не выйдет. Из сварливого ворчания нельзя было понять его истинных мыслей. Теперь, при виде проходившего батальона, он вновь заговорил первым. Может быть мой облик стал ему внушать доверие, а может быть здесь он находил больше причин переживать и волноваться. Так или иначе, по мере приближения к Мыйзама он стал разговорчивее, и я, в стремлении скорее понять особенности жизни в этом краю баронов, попытался вызвать старика-извозчика на откровенность.

— А ведь солдаты могли бы помочь нашему делу, — сказал я.

Мы проехали сажен сто, когда старик решился ответить:

— Выходит, самим надо...

Он вдруг усиленно задергал вожжами. Лошадка стала недовольно помахивать головой и хвостом, а старик, подстегивая ее, добавил уже совсем сердито:

— Виро и сын его, председатель, то же говорят... А говорить-то легко.

Это было почти признание. Первые слова сочувствия, в чем я так нуждался и в чем еще сомневался, когда выезжал из Таллина. Хотя там меня и обнадеживали, но кто знал, что можно было ожидать в глуши, в какой-то Мыйзама. Резкий переход от шумного города к тихой, заброшенной в даль от кипучей людской жизни сельской местности не-

вольно порождал волнение. В Таллине уже прогремели первые выстрелы и теперь шумели схватки рабочего Совета со своими врагами. А здесь так странно было ехать среди засыпающих полей, мимо притихших лесов, навевавших мысли о старом.

Беспорядочно прошагавший батальон вернул к действительности. В моем положении это было хорошо. Чувства одиночества и сомнения, усиленные было мрачным поведением старика-извозчика, стали сразу рассеиваться, а несложный, но более искренний обмен мнениями, дал новый толчок мыслям. Значит, и здесь революция совершала свой величественный марш (я был достаточно молод и не закален опытом, чтобы не чуждаться манеры выражать мысли несколько высокопарно, что, впрочем, отвечало духу времени).

— Закурим, отец, — дружески предложил я. — Да подгони лошадку. У меня в горле пересохло. Воды негде напиться?

— Корчму проехали... Вот и кладбище видно. Потерпи, теперь близко.

Лошадка, чуя близость дома, сама по себе ускорила шаг. Въехали в березовую рощу.

— Хоронят кого-то, — указал старик кивком головы. — Это, должно быть, Мягги. Я ему давно говорил, что он помрет раньше меня.

— Отчего же он умер?

— Он был злым выше всякой меры. Как рассердится, так у него внутри и заболит. Печенка не выдержала. В последний раз я поругался с ним у Куузика.

— Из-за чего же?

— Я ему говорил, что должна быть одна власть, то есть Совет...

— А он?

— А он был недоволен, что председателем Со-

вета стал Виро... По-моему, это он из зависти, почему не его сын в Совете... Мало ему иметь кузницу...

— Большая кузница?..

— Большая. Кроме сына два ученика работали... А знатно хоронят. Ведь он в свое время против баронов ходил... А после пороли. Тут же в Мыйзама.

Слабый ветерок донес звуки оркестра. Вечерний луч, проскользнув сквозь листву, обнаружил красные пятна не то знамен, не то плакатов.

— Переждем, — сказал Пихо и поднял руку к обвислым полям серой, не то от пыли, не то от времени, шляпы. Старик снял ее и принял сосредоточенный вид. Хотя он и ругался недавно с кузнецом, все же это был его давнишний приятель.

— Хорошо хоронят, — еще раз подтвердил извозчик и даже обернулся ко мне. — Не каждому так достанется.

В его глазах мелькнула искра зависти. Да, этот угрюмый старик, сухой, долговязый, с длинными белыми прядями волос и с носом пуговкой, искренно завидовал, глядя на процессию, которая заворачивала внутрь кладбищенской ограды. Еще бы! Впереди шли священник и дьякон и пели что-то молитвенное. Дальше плыли две золотые хоругви с церковными изображениями, а следом за ними — два красных плаката, яркими белыми буквами возвещавшие о смерти славного борца за свободу Андреса Мягги. За хоругвями и плакатами солидные друзья покойного несли красный гроб. Потом шагали родные, соседи, знакомые. Шествие завершал оркестр пожарной дружины. Отменно начищенные трубы изливали торжественные звуки революционного марша «Вы жертвою пали»... Церковный колокол начал заунывно звонить... Да, было чему позавидовать. Его старый приятель, с которым они

вместе принимали участие в борьбе за республику, умер как добрый православный эстонец. А похоронят ли так его, бедного бессемейного человека?

— Это он от зависти ругался, — вздохнул Пихо. Надел широкополую шляпу. Тронул вожжами. Лошадь мотнула мордой и охотно побежала под горку. Уже виднелись домики Старой Мыйзама.

Извозчик качнул головой вправо:

— Туда — к Тизенхаузенам и в казармы, — пояснил он и, помедлив, спросил: — А вас куда?..

— В Совет, — промолвил я нерешительно, вспомнив, что час довольно поздний.

— Ну, так я свезу к Виро. Вам к нему надо?

Как видно, мой кучер был ходячим справочником местных дел. Я не стал сомневаться и, доверившись, попытался сосредоточить мысли на предстоявшей новой для меня работе, но ничего не получалось. Теплый вечер, душистый воздух, необычайно свежий после города, бледное засыпающее небо рассеивали внимание, открывали картину безмятежного покоя, и, созерцая ее, хотелось верить, что и жизнь человеческая здесь так же проста и хороша.

Показалась речка, мост, дальше зелень городского сада и высокая угловатая черепичная крыша большого дома. В реке дрожали отражения золотистых облаков и густого кустарника. Прибрежная трава купала помятые длинные стебли. У моста на двух столбах стояла широкая доска для объявлений. Там висел желтый плакат, окантованный синечерно-белой полосой. Строгими черными буквами от имени Эстонского военного бюро сообщалось, что у местного начальника милиции производится запись в национальный эстонский полк.

Наша повозка остановилась перед скромным серым домиком. На скамеечке у самых ворот сидела темноволосая миловидная девочка. Неторопливо и даже с важностью она подняла голову от книги, которую читала, и внимательно посмотрела в нашу сторону. В облике девочки было столько достоинства, ее взгляд был столь строг и серьезен, что я невольно засмотрелся. И так мы молча минуту-две созерцали друг друга: девочка меня, я — девочку.

— Приехали, — пояснил, наконец, Пихо и тем вынудил меня задать нелепый вопрос, так как ответ был очевиден.

— Здесь живет товарищ Виро?

— Мы все здесь товарищи Виро, — наставительным тоном сказала девочка, опуская книгу на голые колени. — Кого вам, собственно, надо?

Не требовалось пояснений, что это была маленькая хозяйка дома, причем она считала ниже своего достоинства встать и подойти.

«Заноза», подумал я и добавил:

— Того, который председатель. Я бы хотел прежде всего...

Но девочка вдруг оживилась. Захлопнув книгу, она вскочила и не дала мне договорить.

— Не вы ли будете товарищ из Таллина? Пауль говорил еще вчера. Он получил письмо... Ну же, вылезайте... У нас есть место переночевать... А как дела? Хорошо или плохо? А у нас ничего хорошего. Я все-таки надеюсь на вас.

Она уже ухватилась тонкими, но крепкими, смуглыми от загара руками за ремень чемодана.

— Тише! Надорвешься. А чего же хорошего ты ждешь?

— Что-нибудь должно быть. И отец и брат говорят, что надо перетряхнуть старые сеники. Но

ведь они говорят не про наши сеники, — мы их и так перетряхиваем. Но если вы в самом деле тот товарищ из Таллина, я вам скажу, в чем дело... Я не такая дура!

Девочка тараторила, делая хитроватую рожицу. Она не забывала помогать втаскивать вещи и деловито командовала:

— Ставьте большой чемодан в угол. В маленьком у вас что? Если белье, ставьте наверх. А теперь пройдемте в другую комнату. Стойте... я вытру ноги. Мама только вчера пол вымыла. Думала, приедете. Да и вы вытрите получше. Смотрите, как запыхались сапоги... Господи! Какая я глупая! Вам надо прежде умыться.

Она не уgomонилась до тех пор, пока я не уселся на единственный в этом доме мягкий стул, покрытый куском пестрой полинялой ткани, заменявшей чехол. Вероятно, в нем проводил немногие минуты отдыха глава семьи. Так как он в настоящий момент отсутствовал, я счел возможным устроиться поудобнее, а моя собеседница придвинула для себя простой табурет. Она уселась, почему-то (вероятно, подражая матери) вздохнула, оправила сбившиеся волосы и поведала вполголоса, что дело идет, конечно, не о сениках, а о богачах.

— Я не люблю их. Они учатся плохо, а учителя всегда ими довольны. Марту Тийк ни за что не хотели принимать учиться из-за того, что нет приличного платья. А откуда нам взять его?

Девочка солидно, рассудительно развела руками, испытующе посмотрела мне в лицо. Я невольно улыбнулся: напускная серьезность не могла скрыть шаловливые, по-хорошему плутоватые искорки, мелькавшие в ее зеленоватых глазах. Она же, уловив мое благорасположение, засмеялась в свою очередь и скроила хитроватую гримасу.

— А вы знаете, как я вывернулась? — продол-

жала она свои рассуждения о несправедливости на земле. — Мы попросили на время жакет и шляпку у Линды Сутть. Два дня поносила, а потом стала ходить в своем. Раз уж приняли, поздно выгонять.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Иренэ. А мою старшую сестру — Майэ. А брата — Пауль. Не правда ли, мое имя самое красивое? — Девочка не без кокетства вскинула взгляд и добавила: — Вы можете меня звать попросту — товарищ Рэнэ.

На этот раз я не выдержал и рассмеялся вслух. Так уморительна была эта умная рожица, преисполненная наивности, важности и многозначительности. И вдруг все это исчезло. Иренэ вздрогнула, покраснела, и голос ее сорвался.

— Разве я такая дура? Не понимаю, что вас разбирает? — Она превратилась в обыкновенную маленькую обиженную девочку, и захотелось погладить ее по головке.

— Нет, нет, ты совершенно права, милая... товарищ Рэнэ. Я очень рад, что познакомился с тобой. Имя у тебя замечательное. Меня ты можешь звать товарищ Волли. Мы с тобой будем, конечно, настоящими товарищами. И дело, конечно, не в сенниках. А где же твои родные?

— Хоронят старого кузнеца Мягги. С нашей улицы все ушли. Отец и брат его не любили, но тоже пошли. Еще бы! И вы, понятно, знаете, как прославился этот сварливый Мягги? Ну, вот, я и осталась дом караулить. Пауль сказал, что вы можете приехать.

Так состоялось мое знакомство с Иренэ. И до сих пор памятен этот летний вечер, ниспадающие сумерки, тишина дома и гибкая фигурка девочки, приютившейся на табурете у окна. Помнится умная головка с короткими темными косичками, упавшими на худенькие плечи, прикрытые белым с ро-

зовыми крапинками платьем. Слышится нежный голос с милой интонацией доверия, столь необычный для восприятия после бурных городских впечатлений того времени. До полного наступления темноты, до возвращения семьи Виро, сидели мы с Иренэ в задней, так называемой «чистой» комнате, где красовался неизбежный пузатый комод со многими ящиками, где вслухали пестрые одеяла аккуратных взбитых кроватей, где все располагало к отдыху и дружбе и этим самым вступало в противоречие с тревогой, которая звучала в детском голосе.

Стало почти совсем темно, когда Иренэ приоткрыла рот, задумалась, обхватив правое колено обеими руками и покачиваясь, а потом немного смущенно сказала:

— Я вижу, что вы настоящий, хороший товарищ. Скажите, вы можете помочь Эльмару?

— Эльмару?

— Да, Эльмару, по прозвищу Бездомному. Я все время думала, кто бы мог помочь ему. И когда узнала, что должен приехать товарищ из Таллина, я стала надеяться... Скажите, ведь вы сможете ему помочь? Ведь вы для этого и приехали? Правда?

Я невольно насторожился. Эльмар Бездомный, он же Эльмар Пыльд, в самом деле был причиной моей поездки в Мыйзама.

Девочка продолжала:

— Ведь с тех пор, как Эльмар устроил обыски, после того как Пауля выбрали председателем вместо господина Тамм, стало не так просто. Отец и брат боятся, что «они» теперь будут собирать целый полк и ничего с «ними» не поделают. Прошу вас, не говорите никому о том, что я вам рассказала. Отец меня будет ругать, а может быть и ремнем задаст. Но я же не виновата, если слышала... Так

вы не станете выдавать меня? Ну, тогда я расскажу вам по секрету... Он был очень умный и храбрый, наш Эльмар. И если бы у него было ружье, он наверняка убил бы всех баронов. Он так силен, что может взять в руки толстого человека, такого, как, например, Куузик, и бросить его на крышу дома. Честное слово, я не вру... Ну, вот вы меня перебили, а уже идут отец и мать.

Действительно, хлопнула дверь. Я встал. Иренэ только успела прошептать:

— Я обязательно доскажу вам, — как вошел хозяин дома, а за ним все остальные члены семьи.

Мы поздоровались и назвали свои имена. Я невольно смутился под внимательно-пытливым взглядом сурового на вид главы семейства Виро и начал было извиняться, поясняя цель своего приезда, но он вдруг нахмурился и заявил, что никуда гостя не отпустит. Тут же он начал усаживать меня в почетное кресло и тем самым вогнал в еще большее смущение. Пришлось с ним немного поспорить. А строгая, задумчивая Анн, мать семейства, нашла, что Иренэ встретила меня недостаточно почтительно и заботливо, пристыдила девочку и послала за водой.

Старшая дочь, очень светлая блондинка, с открытым выражением лица, сочетавшим черты отцовской строгости и материнской задумчивости, радостно, приветливо сияла глазами, но, стесняясь нарушать разговор мужчин, стала молча и быстро накрывать на стол. Пока я отвечал на вопросы и сам задавал их, появился роскошный ужин.

Мать торжественно выставила картошку в мундире и соленую салаку с рассолом. Отец, усевшись на главное место, взял в руки краюху хлеба и большой нож. По правую руку от хозяина дома сели я и Пауль, по левую — дочери. Анн, не менее мужа проникнутая стародавними обычаями, усе-

лась на другом конце стола, молча, терпеливо ожидая разрешения разложить еду. И остальные восседали чинно и безмолвно, созерцая, как отец семейства медленно нарезает овальные ломти и каждый кусок делит пополам. Старик крепко прижимал к груди драгоценный насущный хлеб. Голова старого сапожника казалась окруженной венцом — седые волосы обрамляли лысое темя.

Потом все к великой радости Иренэ, глазенки которой горели волчьим аппетитом, начали аккуратно очищать картофель от шелухи и есть, бережно обмакивая в рассол. И снова мне казалось, что нет в мире ни войны, ни революции. Вероятно, и сто лет тому назад так же сидел за торжественным ужином прадед Виро, оказывая почет редкому заезшему гостю. Никто не произносил ни слова, хотя по глазам старших брата и сестры можно было без труда заметить, что они горят желанием послушать о том, что делается за пределами Мыйзама. Покончив с картофелем, я было собрался заговорить, но в это время Анн вынесла из сеней миску с кислым молоком. Иренэ от восторга не выдержала, заерзала на табурете и потянула нос к посудине. Я заметил испуганный, вдруг померкнувший взгляд Майэ, которая успела только прошептать:

— Рэнэ!

Но уже было поздно. Отец невозмутимо протянул руку, вооруженную деревянной ложкой, и стукнул непоседу по лбу. Девочка вспыхнула и стала печальной и смирной. А я, подражая остальным, стал смущенно крошить в тарелку хлеб и посыпать простоквашу солью.

Семья Виро сидела, слитая в одно целое, созданная, сколоченная этим суровым стариком так же прочно, как и сапоги, которые он шил. Не могло быть иного положения в доме старого повстанца

Юри Виро. Он и сейчас был готов взяться за оружие, выступить за то дело, которое признавал справедливым. Никто не посмел бы перечить ему или отговаривать. Заботливая Анн приготовила бы ему мешок на дорогу, дочери помогали бы ей, а сын пошел бы вместе... Так должно было случиться, и я читал это в его глазах и во всем облике.

А после ужина, наблюдая за трудолюбивой Анн, я угадывал ее раздумье по доброму материнскому взгляду, которым она окидывала и крепкую, расцветавшую, светлую Майз, ловко, плавными уверенными движениями перемывавшую посуду, и худенькую, подвижную черненькую растрепу Иренэ, вытиравшую тарелки, и рослого озабоченного ответственностью сына, черты лица которого говорили об энергии и решительности. Мать желала, чтобы то, что происходило за стенами их дома, стало последним испытанием неумолимой жизни, которая уже один раз чуть не лишила ее любимого мужа и детей отца, которая чуть не бросила на убой единственного сына, которая издавна заставляла страдать тысячи женщин за свое несложное, с трудом и страданиями добытое счастье.

Вот как прошел первый вечер на новом месте. Я мог гордиться и до сих пор вспоминаю с гордостью, что в мою честь горела керосиновая лампа, а напоследок был подан кофе.

Потом Пауль увел меня наверх под крышу, где оказалась крохотная комнатка с чистой постелью, устроенной из топчана и сенника, с маленьким столом, на котором были приготовлены бутылочка с чернилами и ручка с пером, и с двумя некрашенными табуретами.

— Если вам понравится, — сказал чернополоый, совсем непохожий на свою старшую сестру Пауль, — вы можете здесь остаться. Мы все будем очень рады, и для работы удобнее. А сейчас ложитесь.

Но я, конечно, не лег, и Пауль не ушел. До позднего часа мы сидели при свете свечи. Я рассказал о событиях в Таллине, об июльских днях, о разгроме редакций большевистских газет. Председатель Совета с горечью поведал, что в Совете еще сидят такие пройдохи, как учитель Ребанэ, и что он, Пауль Виро, даже на день боится отлучиться из Мыйзама, так как не уверен, что Ребанэ, пользуясь своим положением заместителя председателя, не устроит какой-нибудь пакости на утешение уполномоченному Временного правительства Пюману.

— Вот они теперь сумели добиться увода батальона русских солдат, формируют свою национальную роту.

Усталость взяла свое, и мы, наконец, собрались спать. Я погасил свет и в раздумьи загляделся в окно. Когда глаза привыкли к темноте, увидел совсем близко развесистое дерево, дальше — силуэт крыши, а над ним сквозь кружево листвы — мерцание звезд. И снова этот ночной пейзаж пытался обмануть меня своей тишиной.

4

Семья Виро с утра, еще до того, как я встал, была занята обычными делами. Когда я спустился вниз, по дому уже разносились постукивания сапожного молотка. Через дверь я увидел, что отец и сын в кожаных фартуках сидели возле рабочего стола, склонив головы над работой. В открытое окно заметил невысокую, но стройную фигуру Майэ. Девушка выходила из хлева, откуда доносилась возня, хрюканье, визг. Анн с тряпкою в руке урдовала у плиты. Хозяйка улыбнулась в ответ на мое приветствие, тотчас пригласила меня к столу и пошла доставать молоко, а ко мне немедленно под-

села Иренэ. Девочка сложила руки перед собой, прилегла на них щекой, внимательно посмотрела мне прямо в глаза и сказала шопотом:

— Я все-таки должна рассказать вам про Эльмара. Иначе будет поздно.

— Хорошо, — ответил я; — сегодня же. Сейчас ты мне покажешь город, а по дороге расскажешь.

Но нам удалось поговорить только вечером. Пауль, услышав, что я встал, бросил работу и повел меня в Совет, чтобы познакомить с тем, что делается в Мыйзама. Совсем недавно он был избран председателем Совета, — после того как произошла история с Эльмаром Пыльд, и после того как удалось организовать рабочую секцию. Теперь он собирался объявить настоящую войну уполномоченному Временного правительства — торговцу кожами Пюману и баронам фон Тизенхаузенам. Однако, обладая и смелостью и верою в правоту своего дела, он сам признавался в неуверенности в отношении ближайших мер. Настоящие города, где можно было бы регулярно и быстро получать нужные указания и даже непосредственную помощь, лежали далеко; в Мыйзама еще не было оформленной организации большевиков, не было и Красной гвардии, а Пюманы грозили расправой, держали свою вооруженную милицию и хотели иметь свою, специально сформированную национальную часть.

Пауль вытащил папки с бумагами, наполненные отчетными данными, и предложил мне для начала разобраться в положении крестьян в приходе и в отдельных селениях. Глядя на кипы бумаги, я в сомнении только покачал головой и хотел было сказать, что моя задача ограничивается сбором сведений об истории батрака Эльмара Пыльд, но Виро не дал мне говорить. Он был охвачен желанием поделиться всеми своими тревожениями. Право,

этот энергичный приветливый парень принимал меня за какого-то особенного человека. Однако Пауль говорил так горячо, с таким искренним волнением, что нельзя было отказаться выслушать. И вот, под действием его простой, но весьма бурной речи, цифры действительно ожили. Они воплощались. Они начинали в свою очередь звучать и говорить. Из их рядов выступали немецкие бароны со своими управляющими, которые держали в повиновении, при помощи жестокой дисциплины, тысячи батраков. Чужими руками снимая урожай, они тем не менее с опаской смотрели, как кое-кто из бывших арендаторов избавлялся от «птичьей свободы» и превращался в хозяина. Эти настойчивые, закаленные тяготами подневольной жизни люди жадно накапливали деньги и всякого рода имущество, строили собственные дома, заводили небольшие, но доходные заводы и начинали самоуверенно раскланиваться при встречах, не сходя с дороги. Это был будущий соперник, который грозил конкуренцией баронским именьям. Но, к счастью последних, еще множество бедных арендаторов сидело на клочках земли, отрабатывая плату за землю на баронских полях, отдавая за право жизни последние гроши. В помещичьих бараках на голых досках лежали безземельные батраки, и похлопывание бича управляющего было для них очередным сигналом. Одним из таких батраков был и Эльмар Пыльд...

— Над чем вы засели? — раздался за нашими спинами вкрадчивый голос.

Я обернулся и увидел невысокого полного человека. Одет он был невзрачно, но лицо самодовольно лоснилось. В одной руке человек держал шляпу, в другой — трость. Бледножелтые редкие волосы были старательно прилизаны на прямой пробор. Жиденькие, такие же белесые усики были призваны, хотя и не совсем удачно, подкреплять

солидность облика заместителя председателя Совета, учителя местной прогимназии Ребанэ.

— Да вот, — нехотя пояснил Виро, — товарищ из Тааллина хочет познакомиться с нашими делами.

Учитель взял со стола справку о налогоплательщиках по приходу, помахал перед своим крючковатым носом и наставительно сказал:

— Полезное дело, товарищи, полезное. Не правда ли, хорошее доказательство целесообразности развития мелких, но крепких хозяйств взамен умирающих латифундий. Я, как убежденный социал-демократ, тоже собираюсь заняться сельскохозяйственными вопросами. Учредительное собрание не за горами, и мы, люди с низов, должны дать ему настоящий живой материал.

— Я боюсь, что мы не доживем до этого дня, — хмуро ответил Пауль Виро, — так как наши добрые крестьяне сами заберут и поделят землю.

— Ложное представление о действительной жизни, уважаемый товарищ! — воскликнул Ребанэ, краснея от важности и от досады. Он расправил белесые усики и заговорил о необычайной природе эстонского народа, преисполненного любовью и уважением к труду, чуждого всякому насилию. В витиеватых словах звучали снисхождение, насмешка, самоуверенность.

— Для чего шуметь, если все достигается совершенно закономерно? — Заместитель председателя величественно откланялся и ушел. И во-время! Глаза Виро потемнели. Губы судорожно сжались. Вероятно, он делал над собою усилие, чтобы не отпустить по адресу учителя пару крепких слов. И меня тоже охватило чувство раздражения. Я хотел было крикнуть: «А что вы скажете про Эльмара Пыльд?!» — но в последний момент удержался. Мне почему-то показалось, что это может повредить делу.

С большими впечатлениями вернулся я к своим гостеприимным хозяевам, а вечером постарался уединиться, чтобы передумать все, что услышал за день. Я вышел сначала в садик, но он был так мал, что спрятаться было негде. Тогда я пошел на луг. Он тянулся вдоль полевой дороги, которой заканчивалась улица. В одну сторону уходила перспектива скромных домиков, пытавшихся прятать свои крыши в зелень маленьких садов, в другую сторону расстилались почти ровные поля картофеля перемежавшиеся небольшими лугами. На горизонте темнела полоса леса. У дороги белели пушистые головки одуванчиков. Носилась роем мошкара. Две белые козочки бродили неподалеку, пощипывая подкошенную яркозеленую травку. Людей не было видно. Меня охватил теплый и душистый воздух. Облюбовав ложбинку, заросшую травой, я устроился в ней, как в постели, заложил руки под голову и погрузился в размышления, созерцая голубое пространство, раскинувшееся над мной.

Не знаю, сколько времени я пролежал, когда услышал знакомый звонкий голосок, звавший:

— Майэ, Майэ!

Через мгновение голос стал ближе, и я различил, что он стал вкрадчиво нежным, с оттенком иронии.

— Милая Майэ, ты, кажется, пошла за козами? Ни одна из них не убежала? Я пришла помочь.

Я осторожно приподнялся на локте и посмотрел на сестер. Иренэ стояла босая, смуглая, растрепанная, похожая на чертенка. Рожица была полна плутовства. Глазенки смеялись. Но она старалась говорить серьезно.

— Я уже думала: не убежала ли моя любимая Беьянка.

— Никто не убежал, — сердито ответила Майэ, снимая платок и оправляя волосы. Ее лица я не видел, но, вероятно, оно было хмурым.

— Что ж ты так долго? Ушла и пропала.

— Не твое дело совать нос в дела старших.

— Ты врешь, одной козы нехватает. Но ты не хочешь признаться. И ты ходишь сюда мечтать.

— Не болтай глупостей, Иренэ, скверная девчонка!

— Какая есть. А вот ты — дура!

— Что?! Что ты сказала?

Майэ сразу обернулась, и я увидел, как пылали ее щеки, как голубые ясные глаза стали злыми. Рука девушки поднялась с явным намерением отшлепать негодную задиру.

Иренэ отскочила и высунула язык.

— Подойди сейчас же ко мне и проси прощенья, или я пожалуюсь матери.

— А я расскажу, как ты поцеловалась с Эльмаром.

— Когда?.. — уже растерянно спросила Майэ, опуская руку.

— А вот, тогда... После того как он пригрозил Курвицу и провожал тебя домой.

— Дрянь!..

Новый прилив гнева охватил Майэ. Девушка рванулась, забывая всегдашнюю солидность, и помчалась за увертливым чертенком. От сильного движения платок сполз с головы, и желтые волосы рассыпались.

— Стой же ты... дрянь-девчонка!.. — задыхаясь крикнула Майэ.

Сестры мчались по кругу. Козы сначала подумали, что начинается забавная игра, и попробовали тоже бежать, но потом отошли на середину луга и стали испуганно озираться.

Сильные ноги Майэ взяли верх. Иренэ была захвачена в плен. Сжавшись в комочек, прикрыв

уши и щеки ладонями, она, уже не смеясь, приготовилась к наказанию. А Майэ все еще всердцах повторяла:

— Я покажу тебе, как выдумывать глупости.

— Ну, бей... — жалобно сказала Иренэ. — А все-таки ты дура... Ты разве не видишь, что мне жалко тебя.

Она была теперь такой смирной и покорной, что старшая сестра, видимо, невольно сжалилась над младшей, наклонилась, поцеловала, а потом уселась рядом на траву и стала приглаживать темные вихры волос.

— Ты бы никогда не поймала меня, если бы не камень, — угрюмо сказала Иренэ, потирая и рассматривая пальцы ног. — Ну, вот, видишь, я права. Ты — большая и плачешь. Конечно — дурочка.

— А что же мне делать? — утирая слезинки концами платка, пожаловалась Майэ. — Его стерегут милиционеры, и голыми руками не справишься. Пауль говорил, что, если бы у нас была Красная гвардия, он не стал бы долго разговаривать с этим Курвицем.

— Ой, больно! — вдруг воскликнула Иренэ. — Вот об этот камень я и ушибла ногу!

Она взмахнула рукой, и внезапно брошенный камень попал мне прямо в плечо.

— Тише! — невольно воскликнул я и встал на ноги. Девушки обернулись и поднялись в свою очередь. Майэ, смущенно оправляя волосы, заторопилась к козам и погнала их по направлению к дому. Иренэ осталась стоять на месте, хитровато улыбаясь.

— Вы слышали, о чем мы говорили? — спросила она, когда Майэ скрылась за изгородью садика.

— Кое-что слышал, — ответил я. — А теперь ты мне должна, наконец, рассказать про Эльмара Бездомного, как вы его называете.

И она мне поведала ряд подробностей в добавление к тому, что я уже узнал от ее брата.

Вот это происшествие, которое стало известно во всем приходе Мыйзама под названием истории о том, как Эльмар Бездомный отпраздновал получку.

5

Эльмар служил конюхом в имении Тизенхаузена и был известен во всей округе как самый угрюмый и мрачный парень. Он мог безмолвно работать по четырнадцати часов подряд и ничего не требовать. После событий девятьсот пятого—шестого года барон фон Тизенхаузен научился ценить подобные качества в рабочих своего имения. В особенности старик был обеспокоен подбором кучера для личного выезда. Дело в том, что в декабре девятьсот пятого года семья фон Тизенхаузенов едва не попала в руки повстанцев, так как кучер бросил сани с седоками, как только на пути появилось двое крестьян. Барону пришлось самому выходить из тяжелого положения. К счастью, он был тогда еще достаточно силен и бодр, а нападавшие были вооружены всего лишь топорами. Резвые кони опрокинули врагов и унесли хозяев от опасности. Все же без кучера было нельзя обойтись; и в дни новой революции добросовестность и неприхотливость одинокого парня-нелюдима заставили помещика остановить свой выбор на нем.

В один из майских вечеров семнадцатого года барон фон Тизенхаузен посетил господина Пюмана, который в местечке и в приходе Мыйзама являлся уполномоченным Временного правительства. Последним обстоятельством только и можно объяснить этот необычайный визит. В обычное время гордый дворянин, считавший свой род от псоврыцарей меченосцев, никогда не снизошел бы до

посещения «серого барона», скупщика и продавца кож. Но, повидимому, сидеть в одиночестве и чувствовать нарастание бурных событий стало невыносимым. По всем уцелевшим в моей памяти фактам можно утверждать, что старик, несмотря на очень преклонный возраст, сохранил энергию и не забыл правила, вынесенного из опыта семидесятилетней жизни: не медлить и своевременно опережать врага. Однако я не в состоянии изложить тему происшедшего разговора. Позднее, в материалах следствия, мне попался лишь самый общий намек на то, что речь шла о рассаднике опасных идей, каковым считался запасный батальон, квартировавший в казармах, расположенных по дороге из Мыйзама в имение Тизенхаузена.

Кулак-коммерсант — «серый барон» и помещик — «черный барон» по-разному понимали судьбы эстонского народа и поэтому но высказывали своих сокровенных мыслей, но в одном они сходились без всяких сомнений: с тех пор, как в Россию вернулся Ленин, началось слишком много разговоров, направленных против благородных и почтенных людей. Волнение охватывало не только батраков имения Тизенхаузена, но и рабочих и ремесленников Мыйзама, малоземельных мелких арендаторов и, тем более, безземельных во всей округе; и, конечно, солдаты запасного батальона не только не могли считаться благонамеренными, но, напротив, признавались «носителями микробов большевизма». Нет у меня данных и для того, чтобы подытожить результаты беседы двух важных деятелей прихода Мыйзама, но, помнится, Эльмар Пыльд рассказывал, что старый барон уехал от Пюмана в более веселом настроении. Однако последнего хватило не надолго, только до поворота с шоссе, когда сумерки и лесная тишина окружили бричку со всех сторон и стали мерещиться разные страхи.

Это была та самая дорога, на которой в пятом году произошла схватка с повстанцами. Об одной рассказано выше, но произошла и другая, почти на том же месте, однако более страшная. Была зима, декабрьский мороз. Предприимчивый Хуго фон Тизенхаузен собрал кое-кого из окрестных помещиков и убедил их перейти в наступление. Да, тогда он был еще бодр и не поддавался неврастности, как сейчас. Четверо верховых скакали навстречу их маленькому отряду. Один был в расстегнутом офицерском мундире, другой — в солдатской форме, третий — в длиннополой шубе, а четвертый — в лакейском красном фраке. Повстанцы попытались атаковать, но не ожидали отпора. Трое было убито. Четвертый (в красном фраке) был передан на другой же день в руки подроспевших драгун генерала Безобразова. Мрачные, мрачные дни! Тяжелые воспоминания... Неясные тени и контуры обрамляли путь. Казалось, кто-то должен выскочить из мрака, скоплавшегося под развесистыми кронами сосен. Это могли быть потерявшие дисциплину солдаты или распропагандированные батраки. А может быть, и этот невозмутимый на вид парень только и ждет случая, чтобы погубить своего хозяина?..

Не трудно понять настроения старика. Он, как ребенок, напуганный в младенческом возрасте, с нетерпением ожидал, когда окончится темная лесная дорога, и не сводил глаз с кучера. А тот сидел, как истукан, изредка шевеля вожжами и подавая бессловесные звуки губами, понятные ему самому да лошадям. Кони послушно внимали ритмическому причмокиванию и мелодичному посвистыванию. Казалось, Эльмар жил только своим несложным делом и думал больше о животных, чем о людях. Барону вдруг захотелось проверить, насколько события

доходят до сознания этого мрачного человека.

— Эльмар, ты видел, как солдаты и еще какие-то люди не давали нам дороги, когда мы въезжали в Мыйзема? Не говорю уже о том, что никто не захотел поклониться.

— Видел.

— Это — непристойное поведение для свободных граждан, Эльмар... Из таких людей получаются разбойники... Эльмар, я с тобой, кажется, говорю. Почему ты молчишь?

В голосе старика звучали нотки подозрения. Он продолжал смотреть в спину кучера, но Эльмар не оборачивался, сохраняя невозмутимость. Потом неожиданно сердито ответил:

— Это их дело, господин барон.

Проехали казармы запасного батальона. Лес еще теснее обступил узкую дорогу. Стало совсем темно. Колеса катились мягко и бесшумно. Хвойные заросли, источая ароматную свежесть, попрежнему встречали и провожали безмолвием; и снова казалось, что эти старые сосны и ели своими густыми колючими ветвями прикрывали что-то страшное. Старый барон вздрагивал. Вероятно ему становилось стыдно за свою слабость, но ведь уже шли слухи. Управляющий господин Либе только вчера рассказывал... И барон опять заговорил, чтобы услышать обыкновенный человеческий голос.

— Говорят, о земле хотят поднимать вопрос. Слов нет, пора помочь крестьянам. У тебя нет земли, Эльмар?

— А на что она мне?

В этот раз, несмотря на отрицательный ответ, барон уловил в словах кучера некое волнение. Старик насторожился и продолжал.

— Как на что? Зеведешь дом, скотину, жену, будешь садить картофель.

— Мне бы полбутылки на воскресенье...

Бричка слегка подпрыгнула на больших толстых корнях, змеями переползавших лесную дорогу. Впереди показалось бледное, ясное, весеннее небо с робкими глазками звезд. Барон почувствовал успокоение.

— Любишь ты выпить, Эльмар! — удовлетворенно отозвался он. — Ладно уж. За усердную работу поставлю.

— Спасибо.

Голос кучера прозвучал без радости и без признательности. Губы продолжали выводить ритмическое причмокивание.

«Бревно, — подумал, усмехаясь, барон фон Тизенхаузен. — Бревно! Он ни на что не способен. А если ему давать на водку, парня можно совсем приручить».

Так случилось, что Эльмар Пыльд, по прозвищу Бездомный, неожиданно заработал малую толику денег и без особых размышлений пришел к заключению, что они, в сущности, упали с неба и было бы глупо дожидаться еще специального приглашения. Сам хозяин сказал: «на водку». Правда, по случаю военного времени приходилось употреблять сапожный лак или политуру, но это не мешало делу. Таким образом, в субботу вечером, когда лошади вернулись с полей и хозяйство было приведено в отменный порядок, когда желчная экономка, поджимая губы, сообщила, что управляющий господин Либе и господин барон разрешают отлучиться, Эльмар заменил рваную, затасканную рабочую одежду на праздничную, украсив себя предметом, не потерявшим сходства со шляпой, и отправился в заведение Киви, что в деревне Силла, не ведая, что он шествовал по пути к славе.

Разумеется, на такие поступки, которые произошли на другой день в Мыйзама, местный Совет депутатов еще не был способен. Организация и деятельность Совета были своеобразными. Тогдашний председатель Совета, адвокат Тамм (от союза свободных профессий), его заместитель учитель Ребанэ (от объединения учителей и он же от уездного отделения социал-демократической партии меньшевиков) и член президиума подпрапорщик (фамилия не запомнилась) при поддержке большинства сразу же отправили в Петроград в правительство специальную делегацию в составе самых почтенных граждан местечка Мыйзама. Делегация поехала с великой миссией получения директив для дальнейшей деятельности Совета, который тем временем занялся выработкой устава...

Такие люди, как сапожник Пауль Виро или представитель рабочих шорной мастерской Пылендика, дядя Тийк, долго недоумевали и спрашивали, для чего нужен устав. Однако председатель, ни минуты не задумываясь, дал исчерпывающий ответ:

— Устав должен сопоставить наш революционный орган с другими общественными организациями, отвести ему законное место и придать авторитетное лицо.

Пауль Виро не имел опыта политической деятельности, и ему казалось, что все было бы можно и нужно сделать проще. Но он не имел способности переговорить таких искусных и многословных ораторов, какими оказались Тамм и Ребанэ. Собрание, на котором обсуждался проект устава, надрывалось от словоизвержений. В зале плавал дым, еще больше дурманя голову. У Пауля хватило терпения только на первые два пункта устава.

Пункт второй гласил:

«Ближайшей задачей Совета является неуклонное проведение в жизнь тех нововведений, которые признаны правительством».

Председатель особенно подчеркнул последние слова. Виро не выдержал и ушел на реку, на «бульвар», как именовался в Мыйзама общественный садик.

В те майские дни весна была в полном разгаре, и мальчишки уже болтали ногами в Палайеги; солдаты запасного батальона валялись на берегу, изо дня в день ожидая отправки на фронт; в полутемном сарае — шорной мастерской Пылендика — рабочие терпеливо досиживали одиннадцатый час, еще не теряя надежды, что их депутат Тийк скоро добьется новых законов; коммерсант и уполномоченный Временного правительства по местечку господин Пюман сердито перелистывал пухлыми пальцами листы «Почтальона», возмущаясь новыми правителями, которые не могли положить конец дерзким выходкам большевиков; а почтенная делегация везла благоволение членов Временного правительства на свободное процветание дотоле скромной, тихой Мыйзама. Дни были жаркие. Солнце в изобилии посылало лучи, как бы благословляя долгожданную свободу. Нет, конечно, не Совет депутатов руководил теми событиями, которые внезапно произошли в Мыйзама.

Правда, господам-товарищам Тамм и Ребанэ и заседавшему вместе с ними подпрапорщику впоследствии казалось, что они проявили излишнее доверие к разуму жестокого народа. Правда, товарищи Пауль и Тийк впоследствии утверждали, что все можно было предусмотреть. Тем не менее сожалеть было поздно. А затеяли все женщины. Кто мог подумать, что они окажутся самыми беспокойными и шумными? Но факт налицо. Летучие митинги на базарной площади, которых никто не

созывал, которыми никто не руководил, начались едва ли не с первых дней новой власти. Вскоре они приобрели столь бурный характер, что шум стал достигать бдительного уха начальника милиции. Бывший студент, проявлявший, однако, весьма мужественные качества и полицейские способности, несколько раз лично прибывал на базар, но ничего не мог поделать силою убеждения. Его милиционеры, носившие принадлежавшие им по праву гимназические фуражки, явно робели перед толпой и немедленно отступали, едва в воздухе начинали мелькать кульки и корзинки. Начальник милиции в конце концов предпочел не вмешиваться. Он даже пришел к заключению, что людям надо дать возможность поговорить, и сумел даже в какой-то степени убедить господина Пюмана. И в самом деле, после шумных выкриков толпа неизменно расходилась, и господин Курвиц перестал даже выходить на базарную площадь. И вот тут-то день наступил. Это случилось в воскресенье около полудня, после того как Эльмар отпраздновал получку.

7

Возвращаясь к повествованию о похождениях баронского кучера, напомним, что он направился в деревню Силла, в заведение Киви, где уже знали его привычки.

Еще с поворота на деревенскую дорогу, где размещались друг против друга церковь, школа, корчма и лавка, была заметна большая белая афиша. Ее чернильные буквы местами растеклись от дождя, но все же можно было разобрать, что уполномоченным уездного Совета рабочих и солдатских депутатов и «Земельной лиги» созывается собрание крестьян. Одновременно можно было видеть множество людей, которые толкались в дверях и даже

у окон подбеленного дома Киви. Вместе с другими Эльмар протиснулся внутрь.

В большой комнате, называвшейся залом, было тесно. За стойкой, с которой были убраны лишние вещи, уже возвышалась представительная фигура уполномоченного. В ближайшем углу с откровенным любопытством на лоснящемся от сытости лице примостился сам хозяин заведения. Остальные участники частью сидели на скамьях и на табуретах, частью стояли. Скучный свет вечеряющего неба и одна тусклая лампа отнюдь не придавали нужной торжественности. Перебиваясь с сумерками, желтоватый, широкий, но неясный круг, не задевая отбеленных стен, падал на головы и плечи сидящих и освещал благообразные черты, небольшой покатый лоб и темную бородку организатора собрания. Все с почтением взирали на его чистенький, хорошо прилаженный воротник, ловкий незаляпанный пиджак, на толстую папку с бумагами, на которую грузно опиралась левая рука. Люди сосредоточенно, терпеливо молчали, постепенно сбиваясь в плотную массу. Становилось жарко и душно. Но никто не двигался с места и не шумел. Всем хотелось услышать, наконец, что-то ясное, новое, радостное. И Эльмар ждал вместе со всеми, а потом слушал.

Нет, после он не смог рассказать, о чем говорил этот образованный господин. Собственно говоря, Эльмар хотел убраться прочь, но пошевелиться, не то что уйти, было невозможно. Поневоле он остался и стал прислушиваться. Ему показалось, что добрый господин рассказывает что-то вроде сказки про какую-то неведомую страну, где жили добрые батраки и такие же добрые хозяева, и самое удивительное — и те и другие были одинаково сыты. Где это могла быть такая жизнь? Но оратор говорил не сомневаясь. Казалось, он уплывал

в свою выдуманную страну. Опираясь пальцами на стойку, он словно тянулся к потолку, и все невольно глядели туда же, как будто там должно было открыться то чудесное, новое, которого так ждали.

Долго сидели, как зачарованные. До тех пор, пока из угла, где пребывал Киви, не раздалось сморканье. Все сразу поняли, что почтенный и слегка чувствительный корчмарь расстроился. Когда оратор нарушил паузу величественным призывом довериться представителям крестьянства, которые входят в состав нового сейма, Киви встал и высказался первым.

— Товарищ ученый господин Кампус нарисовал отличную картину нашей будущей жизни. В самом деле, как скверно устроен наш мир! Вот мы собрались и сидим здесь все вместе, и земельные и безземельные. Все мы одинаково честно трудимся, а все-таки живем плохо. Я, например, до сих пор не могу выплатить проценты моему барону, у которого арендую эту корчму. Я должен отдавать свои последние гроши. Я должен также быть аккуратным в плате моему работнику. И разве я отказываюсь? Разве я не честен? Разве не получает мой Карла то, что он законно заслужил? Карла вполне может подтвердить это. Значит, можно жить справедливо. Надо сделать так, что если хозяин сыт, то не голодает и батрак.

Многие удивились прыти корчмаря. Верно: он не соврал. Киви, действительно, аккуратно выплачивал своему работнику договоренную плату, и Карла под праздник и в праздник всегда бывал навеселе за счет хозяина. Корчмарь не боялся верить в долг даже таким безнадежным парням, как Эльмар Бездомный. Но все-таки многим не понравилось, зачем Киви говорит «мы», как бы ото всех. После него выступил длинный, сухой, как жердь.

Иаань Сукк из дальней деревни Аллику. Засунув пальцы за ремень, сдвинув шляпу на затылок, он сказал коротко и резко:

— Все это хорошо сказано. Все это очень даже хорошо, и я готов приберечь новые штаны, чтобы в приличном виде притти в эту новую страну, но не пора ли взяться за дело, чтобы поскорее прийти?

Тут Сукк вдруг вспылал и, свирепо глядя то на Киви, то на приезжего господина, закричал:

— Глупости все это! Землю давайте! Вот что! Для вас «Земельная лига», для нас «Общество голодающих»!

Что тут стало в зале! Какой крик и грохот! И даже Эльмару захотелось крикнуть, что Иаань Сукк прав, что все батраки в имении Тизенхаузена хотели бы жить лучше.

— Землю давайте! — кричали все громче вокруг.

Иаань был сед, и все знали, что он в свое время ходил в поход на баронов и чуть не умер под прикладами карателей. Поэтому большинство верило и вторило его словам, а он уже не держал пальцы за ремнем, а размахивал шляпой.

— Землю!..

— Мы возьмем ее.: Мы поделим... — задыхался, теряя голос, ученый господин Кампус. — Учредительное собрание решит это окончательно.

Потом немного утихли. Одурманенные жарой и духотой, утомленные и оглушенные криками, писали и принимали резолюцию, стали выбирать представителей в земельный комитет и опять подняли крик, так как часть хотела, чтобы туда попали самые солидные, которые не стали бы потакать пьяницам и лодырям. Наконец, разошлись... сердитые и недовольные, так как ничего определенного опять не услышали. А Эльмар остался сидеть на скамейке.

— Дай полбутылки, — хрипло сказал он Киви, появившемуся в дверях.

— Уже поздно. Пора спать. Смотри: все ушли... начал было наставительно корчмарь, но по мрачному, упрямому выражению лица понял, что Эльмар не уйдет.

— Ну хорошо, Эльмар. Я сделаю тебе одолжение. Я ценю тебя, Эльмар. Ты — честный парень и, конечно, не станешь потакать разным смутьянам.

Эльмар посмотрел на широкое, плутоватое, с напускной важностью лицо корчмаря и вдруг расхохотался дерзко и вызывающе.

— А ты забыл, Киви, как ты отобрал у меня в прошлом году за долги новые сапоги?

Лицо хозяина сразу перекошилось не то от испуга, не то от злости. Маленькие глазки сощурились, зрачки забегали. Но он быстро овладел собой. В конце концов, что особенного сказал этот грубый парень, который сам нуждался в снисхождении и в милости? Ведь он, Киви, не боялся верить в долг, и если у должника, вроде Эльмара Бездомного, не оказывалось денег, охотно соглашался брать вещами и даже отработкой. Ну, а если для доброго хозяина получался какой-нибудь ничтожный процент, то ведь это были сущие пустяки... Киви рассердился.

— Черный чорт... — пробормотал он и добавил уже громко: — Иди... иди к «товарищам»... Пускай они тебя угостят...

— Вот и пойду. И кстати расскажу про сапоги и про другое...

— Нехороший ты человек, — вдруг жалобно заговорил корчмарь, — нехороший и злой. А я тебе верил. Нельзя такие вещи продавать, а я для тебя делал.

— Нечего там... Давай... Заплачу. Барон угощает.

Эльмар бросил кредитку на привалок. Киви живо подхватил ее, посмотрел на свет, сунул в жилетный карман и скрылся за высокой стойкой. Он отцедил надлежащую порцию обработанного лака, выставил бутылку с темной жидкостью, положил в придачу пару соленых рыбок и заторопился уходить.

— И ты иди! — нетерпеливо крикнул он Эльмару. Хозяина заведения явно одолевали страх и злость. Вероятно, он проклинал и Эльмара, и долговязого старика Сукка, и ученого господина Кампуса, и тот час, когда он согласился (разумеется, за плату) предоставить свою корчму под собрание.

Эльмар понял это и нарочно медлил.

— Есть хочется, — мрачно ответил он, помолчал, рассматривая остатки рыбки, и усмехнулся. — Общество голодающих, — добавил парень, бережно спрятал бутылку в карман штанов и пошел.

Так, начав гулять с вечера в заведении Киви, Эльмар заканчивал гулянку в кладбищенской роще, а утром опохмелялся уже в Новой Мыйзама на постоялом дворе Куузика. Иначе и быть не могло, так как управляющий не допускал пьянства в имении. Невольно парень оказался в центре событий.

8

Наш герой пришел в себя под забором какого-то дома на окраине местечка. Сколько он пролежал здесь? Час, два, три?.. Эльмар не смотрел на часы, потому что их у него и не было, а солнце в то время, когда пришлось лечь, еще пряталось в облаках. А может быть, просто были сумерки. Спал он или дремал, — сказать трудно. Глаза были закрыты и не хотели открываться и теперь, хотя солнце било лучами прямо в лицо. Вероятно, Эльмар лежал бы еще долго, если бы его внимание не привлекли го-

лоса прохожих. Люди шли и говорили сердито, с явным недоброжелательством и даже презрением.

— Проходи поскорее мимо этого пьяницы.

Сначала эти слова сказал мужчина. Потом женщина, судя по голосу, злая старуха. После нее опять женщина, но уже помоложе, а ей ответил совсем молодой голос:

— Ай, какой страшный!

От услышанных слов стало досадно. Однако лень и апатия лишали сил поднять тяжелые веки. Голова кружилась от голода, а может быть и от выпитого... На мгновение он снова забылся и вдруг услышал прямо у себя под ухом шелест травы, и звонкий детский голос прокричал кому-то:

— Опять этот пьяница Эльмар из имения!

— Ну, и пойдём, — слышались в ответ певуче растянутые слова. — Не мешай человеку спать. И откуда ты знаешь его?

— Ну, да все ребята знают эту малиновую заплату. А потом он свою бутылку всегда ставит у головы.

— Какое тебе дело до этого пьяницы?

— Я его вижу здесь третий раз.

— Ну, увидите и в четвертый, — пробормотал зло Эльмар и приподнялся на локтях. Он увидел девочку лет двенадцати, с бойким, плутоватым личиком, с двумя черными косичками, в белом с розовыми крапинками платье. Поодаль стояла желтоволосая девушка, на вид строгая и даже, пожалуй, сердитая. Она внимательно смотрела, широко открыв голубые ясные глаза. Ее платье было такого же цвета, как у девочки, что выдавало в ней сестру.

— Рэнэ, — позвала старшая и повернулась, чтобы идти дальше.

— Скорее, Рэне! — насмешливо и дерзко передраз-

чил парень. — Здесь лежит пьяница Эльмар Пыльд, по прозванию Бездомный. Скорее, Ренэ! Ну, что же ты не бежишь?!

Желтоволосая девушка молча повернулась и с изумлением посмотрела на него. А Рэнэ нахмурила лобик, сдвинув брови, и сказала озабоченно:

— Ну, какой же вы грязный! Разве можно так ходить в воскресенье?

Если бы это сказал кто-нибудь другой, а не эта забавная девчонка, Эльмар наверное послал бы всех к чорту, но она покачивала головой с таким солидным и вместе с тем укоризненным видом, что Эльмару ничего не оставалось делать, как согласиться и встать. Тогда сестры пошли дальше, а Эльмар машинально двинулся вслед за ними.

Не раз, бывало, ходил он по улицам и дорогам бесцельно, спотыкаясь даже па ровном месте. В таких случаях спирт возбуждал мысли. Эльмар и любил за это вино. Он улетал в мечтах чорт знает куда. Он думал о чем-то большом, необычайном. Иногда ему казалось, что он шествует по громадному городу, который в тысячу раз больше Мыйзама. Безусловно там встречались только приятные люди. Они все были добрые и не заставляли стыдиться плохой одежды... Бывало, в голову приходило, что он открыл большую лавку. Раз в сто больше заведения господина Ландсдорфа. И там было что хотите, начиная от спичек и кончая лошадьми. Удивительные мысли приходили только тогда, когда спирт кружил голову, а сегодня этого не было. Лак уже перестал дурманить мозги. Головокружение происходило только от голода. Желудок схватывали спазмы, и сердце раздиралось от тоски. Праздник был не в праздник. Все было противно, и не верилось в диковинные сны. Какой обманщик выдумал их? Пройдет воскресный день, и снова начнется бесконечная работа. Нет просвета!

И все врал этот толстощекий в корчме Киви. Правильно сказал Иаань Сукк: «Общество голодающих».

Эльмар чуть не натолкнулся на пару, шедшую впереди. Внезапно желтоволосая девушка остановилась, обернулась и сказала:

— Ты чего пристал? Шел бы своей дорогой.

Только тогда Эльмар сообразил, что он шел все время вслед и, возможно, рассуждал сам с собою вслух.

— Я не пристал, — пробормотал он в смущении, опуская глаза под твердым, строгим взглядом девушки: — Я думал о том, что говорил Иаань Сукк.

— Вчера вечером? — спросила девушка, и ее голос прозвучал мягче.

— Да, — ответил Эльмар. — Мне думается, он говорил правильнее, чем этот ученый господин.

— Я тоже так думаю, — важно вставила свое замечание младшая. Эльмар невольно рассмеялся и спросил:

— А ты откуда знаешь?

— Я тоже слышала. Через окно, — пояснила девочка. — Только вы оба не говорите отцу. А сейчас нечего топтаться на одном месте. Смотрите, сколько народа собирается на площади. Там что-то случилось.

Девочка заторопилась и, хватая старшую спутницу и Эльмара за руки, повлекла их за собой.

— Скорее, скорее! — кричала она. — Вон, уже Марта Лузикас побежала туда.

Так состоялось знакомство Эльмара Пыльд с сестрами Виро. Вместе с ними вышел он на базарную площадь. Действительно, большая толпа, среди которой преобладали женщины, заполняла ее. Ларьки и палатки дрожали от напора и покачивались от движения людей. Однако прилавки были пусты, и за прилавками никто не сидел. Центром событий была простая телега. На ней лежал, повизгивая, связанный поросенок. Какой-то

человек, как видно крестьянин, отчаянно спорил с женщинами, тесно обступившими его повозку, но из-за криков нельзя было понять, о чем идет спор. Ведь было воскресенье, и настоящего базарного дня не было. Впоследствии выяснилось, что произошла очередная задержка с выдачей хлеба; но почему женщины ополчились на приезжего крестьянина с поросенком, осталось неизвестным. Но и эта история окончилась бы без особых происшествий, если бы не подоспел чертенок Иренэ Виро.

Как раз в тот момент, когда она присоединилась к толпе, увлекая за собой Майэ и Эльмара, женщины кричали о том, что пора добратся до спекулянтов, которые не дают хлеба, а сами жрут поросят. В это же время мимо базара, из церкви, шел сам председатель продвольственного комитета местечка Мыйзама, он же владелец колбасного заведения, господин Ленц с женой. Возбужденную всеобщим оживлением и шумом Иренэ так и подмывало что-нибудь сделать. Завидев колбасника, девочка крикнула во всю глотку, прежде чем сестра успела ее остановить:

— Смотрите, вот идет главный спекулянт!

Председатель комитета опешил и остановился, вооружаясь пенсне, чтобы разглядеть «главного спекулянта» (ведь не кто иной, как господин Ленц, должен был бороться со спекуляцией). Его немедленно окружили и потребовали объяснений. Тогда господин Ленц собрал все свое мужество и решил растолковать неразумным гражданам горькую, но непреложную истину о временных затруднениях, проистекающих вследствие тяжелых событий, которые переживает вся Россия, о необходимости терпения и сознания гражданского долга. Впрочем, как только раздался ответный гул голосов, подкреплённый визгом поросенка, достойный обще-

ственный деятель местечка Мыйзама сразу же обещал принять меры. Однако никто не поверил его заверениям; его заставили взобраться на телегу и оттуда отвечать на вопросы, которые слились в общий крик. Тогда госпожа Ленц в страхе побежала к начальнику милиции, но последний медлил с принятием решения.

Когда Эльмар разобрался, наконец, в чем дело, председатель продовольственного комитета уже израсходовал все силы, охрип и, надвинув большую серую шляпу на самый нос, умоляюще то простирал, то складывал руки. Гам оглушал его. Шумела вся площадь. Лишь небольшая кучка степенных, рассудительных мужчин стояла поодаль, востолпы. Они коротко обменивались мнениями, оценивая положение, но боялись затесаться в разбушевавшуюся толпу женщин. Рядом с ними также с интересом и явно сочувственно наблюдали за ходом событий несколько русских солдат из запасного батальона. Иногда в ближайших домах открывались окна и быстро снова захлопывались, кое-где даже прикрываясь занавесками, — от площади начинались дома вполне благонамеренных граждан. Все это было так бестолково, — и крики толпы, и повизгивания поросят, и давка, и беспомощные возгласы господина колбасника, — что Эльмар рассердился и, побуждаемый общим подъемом, закричал:

— Стой! Стой! Замолчите! Я ему покажу! Я знаю, что делать!

При этом парень так взмахнул кулаками, что стоявшие рядом женщины в испуге шарахнулись в стороны. На самом деле Эльмар ничего не знал, — откуда же было ему знать? Но раздражал уса-тый долговязый Ленц. Хотелось даже стукнуть по его высокой дурацкой шляпе; и если бы не тесная толпа, мешавшая продвинуться вперед, этот акт несомненно совершился бы, и, возможно, события

развернулись бы в более быстрых темпах. Но удалось только взмахнуть руками и закричать. Тем не менее густой голос прозвучал неожиданно решительно и властно.

К удивлению Эльмара, гам стал утихать, сменился недовольным бурчанием, потом вовсе прекратился, а кто-то рядом вполголоса заторопил!

— Ну, говори же, говори!

Вероятно, это была та же неугомонная Иренэ, но Эльмар ни на кого не смотрел. Он даже не видел площади. Головы превратились в цветное поле вокруг. Они вдруг обступили со всех сторон, загораясь множеством глаз. «Говори же!» — звали глаза. Их нетерпеливое злое выражение подтверждало, что люди готовы не только слушать. А оборванный, неумытый Эльмар Бездомный уже занял место господина Ленца, возвышаясь над толпой с видом победителя, как долгожданный человек, который действительно знает, чего хотят люди.

В голове у него больше не было дурмана, но мозг горел желанием сказать такое, чтобы все поняли, как думает он, Эльмар, чтобы все убедились, что он вовсе не пьяница и задира, но знает не хуже Иааня Сукка, что надо делать.

— Женщины! — крикнул во всю глотку парень. — Я хочу жрать, как и вы, как ваши ребята. Чорт меня возьми, если я ел что-нибудь со вчерашнего дня. А вчера мне дали на обед кусок черствого хлеба и хапу-пийма! — такую прозрачную, что сквозь нее был виден стол.

— У меня ни куск̄а нет дома!.. — завизжал голос справа.

— Молчи, дура! Надо не орать, а доставать.

— Достань!

— Достану... Слышите вы, женщины, чорт по-

¹ Кислое снятое молоко.

бери... Теперь — свобода? Свобода. И мы можем требовать своего. С голода помирать, что ли? Воевали, воевали, — что получили? Свободу? А где эта свобода? Снова «птичья свобода»!..

Кто мог думать, что на площади Мыйзама совершатся такие события? Кто мог думать, что Эльмар, по прозванию Бездомный, фамилию которого уже давно забыли, устроит такой бунт?

— Пойдемте в Совет! — закричал Эльмар. — У нас там есть депутаты.

И толпа женщин ответила решительно:

— В Совет!

— Мы заставим выпотрошить сундуки и комоды купцов! Довольно прятать муку и сахар!

Толпа ответила воинственными возгласами.

Что делали в это время господа Пюман, Ландсдорф, Ленц и другие? Впрочем, до них очередь дошла не сразу. Эльмар все-таки хотел действовать, как он говорил, по правилам. Он не верил членам продовольственного комитета, которые носили красные банты и были озабочены тем, чтобы граждане ели поменьше, он не верил, тем более, и уполномоченному Временного правительства. Но был еще Совет, где, кроме чужих господ, вроде адвоката Тамм, находился недавно избранный Сукк.

Если там были еще другие, такие же толковые, то дело должно было кончиться удачей. Эльмар вел толпу. Она шла без знамени, но кулак главаря временами поднимался вверх как знамя.

9

Издали толпа могла показаться простым шествием людей. Меньше всего было там красного цвета, и впереди никто не нес ни плаката с лозунгом, ни флага. Чернели женские платки; и даже не было лишнего крика. Председатель Совета депу-

татов никак не думал, что эта демонстрация выступит с антиправительственными требованиями.

Впереди, словно кавалерийский авангардный отряд, бежала кучка ребят. Далее с видом командира шагала, припадая на правую ногу, коренастый могучий парень в возмутительно обтрепанной, пыльной одежде. Рядом с ним шла девушка. Ее светлая, золотистая голова не была прикрыта платком, а белое с розовыми крапинками платье подчеркивало свежесть и молодость. Тем не менее она была, кажется, единственной, которая шагала с плотно сжатыми губами, решительно и твердо, как солдат. Возле нее, вприпрыжку, размахивая метлой, подобранной на базаре, бежала Иренэ, чувствующая себя героиней дня. Вслед за ними, обгоняя и толкая друг друга, устремлялся десяток особо энергичных женщин. Своими резкими немолкавшими голосами они поддерживали воинственное настроение остальных. Эти женщины были живым плакатом. Не требовалось никакой надписи, чтобы разобрать на их исхудалых лицах пережитый страх за своих близких, погибших или пострадавших на фронте, душевную боль за голодных детей, усталость и подавленность от безрадостной жизни. С первого взгляда становилось понятным, что они были готовы, если только понадобится, за неимением оружия драться голыми руками.

Толпа во главе с новоявленным вождем, отнюдь не известным господину адвокату товарищу Тамм, подступала к крыльцу, плотно окружив выход из Совета. Председатель испуганно оглянулся назад. За дверью поспешно спрятался учитель Ребанэ; зато вылезало улыбающееся лицо черноволосого Пауля Виро. Улыбка сапожника была радостной и, как показалось господину Тамм, зловещей. Сердце его упало, но он взял себя в руки и как мог спокойно и твердо спросил:

— Что вам угодно, граждане местечка Мыйзама?

— Вот он скажет! — взвизгнула одна из злых женщин.

Сразу наступила мертвая тишина. Эльмар почувствовал от внезапной перемены обстановки робость. Но на него глядели женщины, и в особенности внимательно желтоволосая, с большими глазами, а девчонка с метлой стояла, даже приоткрыв рот. Гордое сознание своей значимости возвратило решимость. Слова вырвались сами собой.

— Мы хотим есть... То есть хлеба, картошки, ну и другого... Дайте гражданам есть и пить. Вы можете сделать это. Для того вас и выбирали. Вы должны это сделать...

— А вы кто? — строго спросил Тамм. — Кто дал вам право выступать в качестве депутата?

На мгновение парень смешался. Вопрос был неожиданный. Но вид у этого господина был слишком высокомерный, чтобы с ним говорить спокойно.

— Мы... Мы... — закричал Эльмар, стараясь придумать что-нибудь разительное; опять, к счастью, вспомнился Иаань Сукк, и Эльмар выпалил:

— Мы — Общество голодающих! Вот!

— Вы! Вы должны... Мы — Общество голодающих... — прокричали вперевод женщины и громче всех Иренэ, ободренная улыбкой брата, продолжавшего стоять в дверях. Ее метла стукнула и закачалась перед самой бородой председателя.

— Мы будем ходить по городу и требовать хлеба до тех пор, пока вы не дадите его. Или мы сдохнем у ваших ворот.

Эльмар так напугал благонамеренного адвоката, что тот лишился дара свободной речи, потерял свой орлиный вид и только умоляюще смотрел на решительного представителя массы.

— Послушайте... Послушайте... Вы впадаете

в анархию. Недопустимо в этот трудный час... когда родина...

— Нечего ссылаться на родину!..

— К чорту!

Брань обрушилась на растерявшегося адвоката. Ах, как ему хотелось отдохнуть сейчас в качалке дома...

— Позовите нам представителя от безземельных Иааня Сукка, мы скорее столкнемся!

Тамм обрадовался.

— Вы бы раньше об этом сказали... Товарищ Ребанэ, есть у нас такой?

— Его сейчас нет в Мыйзама. Он в приходе...

— Ах, вот как! Жаль... Может быть, вы, товарищ Ребанэ? Оказывается, они не со мной хотят говорить.

Но лицо учителя исчезло за дверью. Председатель беспомощно развел руками и покорно опустил голову в ожидании нового потока грубых слов. Вот тут-то и вышел вперед Пауль Виро, смеясь и гордо подбоченясь. Расстегнутый ворот светлой холщевой рубахи открывал такую же, как у Эльмара, крепкую шею и грудь. Толпа решительно двинулась к двери, к своему настоящему депутату, подтверждая требование новоявленного «Общества голодающих». Так случилось, что Совет депутатов местечка Мыйзама был вынужден нарушить «пункт 2-й» своего устава и организовать обыски в богатых домах, лавках и складах.

Все участники демонстрации тут же предложили свои услуги. Солдатская секция Совета тоже с немалой охотой приняла участие, немедленно призвав на помощь солдат, скучавших на берегу речки и толкавшихся на базарной площади. Сразу Эльмар и Пауль составили пятерки, и в тот же день обыску были подвергнуты особо подозрительные дома. У господина Ландсдорфа нашли под по-

лом мыло и сахар, у Куузика — ящики с мясными консервами, на которых стояла военная метка; но самым скандальным было то, что задняя комната дома, где заседал продовольственный комитет, оказалась забитой мешками муки и крупы. Что за шум поднялся около дома! Сбежался весь город. Даже пришли степенные ремесленники из Старой Мыйзама. Колбаснику Ленц не попало только потому, что он спрятался у начальника милиции.

После этого решили пройтись по самым богатым домам — и прошлись не без результатов. Даже уполномоченный Временного правительства господин Пюман, несмотря на горячие доводы президиума Совета, был потревожен в своем бледно-голубом уютном обиталище и лишен двадцати пяти пудов свиной грудинки.

Вот как Эльмар Бездомный отпраздновал получку. Разумеется, он не вернулся в имение Тизенхаузена. В то воскресенье семнадцатого года он стал знаменитостью в городке и даже в уезде, и через несколько дней о нем узнали в столице, потому что разъяренный господин Пюман счел долгом послать соответствующее телеграфное донесение:

«Комиссару Временного правительства Северо-Западного фронта.

Копия. Губернскому Комиссару Временного
Правительства.

Группа злоумышленников, женщин и малолетних, совместно с вооруженными солдатами запасного батальона, под предводительством безземельного крестьянина Эльмара Пыльд учиняет грабежи в городе. Обнаглевшие, бесчинствующие элементы врываются в квартиры частных граждан и совершают незаконные обыски в торговых заведениях. Местный Совет не только не препятствует, но ока-

зывает прямое содействие. Граждане местечка настоятельно просят вашего вмешательства для скорейшего водворения твердого законного порядка. Одной из важнейших мер считаем необходимым удаление рассадника и опоры анархистских выступлений — запасного батальона. Задачи поддержания надлежащего порядка и охраны революционных завоеваний с полным успехом смогут выполнять национальные формирования, верные Временному Правительству.

*Уполномоченный Временного
Правительства Пюман».*

Это было 15 июня, а 16-го некие удалые молодые люди, приходившиеся сродни всем самым почтенным гражданам Новой и Старой Мыйзама, ворвались на митинг в дом Вольного пожарного общества, где «Общество голодающих» подводило итоги своей работы, и пытались схватить Эльмара. Однако, прежде чем храбрые юноши пробрались к столу президиума, их намерения были разгаданы. Нападавшие были окружены и прижаты к стене. По крайней мере сотня рук тянулась к ним с намерением бить, щипать, царапать и рвать.

Если бы не Виро, представительствовавший от Совета, дело кончилось бы плохо для ретивых юношей.

— Довольно! — вмешался громовым окриком сапожник.—Бросьте пачкать руки об эту мразь, товарищи женщины! Вытолкайте их вон. А вы, молодые, но скверные ребята, подите и скажите вашим папам и мамам, что если они хотят остаться на свободе, то пускай бросят свои затеи.

— Напрасно, — пробурчал Эльмар, — надо бы как следует набить морды. . . Ладно! Скажи им, Пауль, что я сам явлюсь в милицию. По крайней мере будет законно. А сейчас в самом деле некогда.

Захваченных хулиганов выпустили, а после митинга вождь «Общества голодающих» действительно отправился в милицию.

Милицейское управление помещалось почти напротив, через улицу, и все собрание решило сопровождать своего знаменитого лидера. Эльмар сумрачно, но уже не поднимая кулаков, снова выступал впереди пестрой женской толпы. Не отставая ни на шаг, преданно и вместе с тем плутовски заглядывая ему в глаза, рядом шагала черноволосая Иренэ, приговаривая:

— А Майэ-трусиха не пошла, и я знаю почему. Знаю!

Пауль Виро весело поглядывал с крыльца пожарного дома, оставаясь на всякий случай в резерве. С ним вместе стояла Майэ. Однако помощи не потребовалось. Хромой парень, в сопровождении своих телохранительниц, невозмутимо поднялся на второй этаж, прошел в комнату начальника милиции и, пока господин Курвиц успел сообразить, сказал весьма внушительно и даже свирепо:

— Это я — Эльмар Бездомный, председатель «Общества голодающих». А ты — мерзавец и укрыватель воров, а может быть и сам вор. И больше я с вами разговаривать не намерен.

Так же невозмутимо повернулся и вышел. Женщины стайей хищных птиц устремились за ним, и даже у шалуньи Иренэ не было смеха в глазах.

Следовало бы посмотреть вытянутую, испуганную рожу бывшего студента, ныне начальника милиции местечка Мыйзама, господина Курвиц. До сих пор он любил похвастать своим сходством, по его мнению, с Шерлоком Холмсом, но на что был похож этот скандал? Кто, как не начальник милиции, знал, что вести по улочкам Мыйзама распространяются скорее, чем по телефону.

Так завершился первый круг бурных событий в Мыйзама. Заговорили о переизборах Совета или, по крайней мере, его президиума, о предстоящем уходе запасного батальона на фронт, о большевиках, которые обнаружались среди депутатов Совета; о том, что господин Курвиц нарочно не принимал мер, для поддержания порядка, а также о том, что Эльмар Бездомный стал по вечерам провожать Майэ Виро до угла переулкa, не доходя дома сапожника. К удивлению многих последняя новость никакой сенсации не произвела. И тогда даже самые отъявленные тугодумы поняли, что тихий ручей незамысловатой жизни начал разливаться, наполняясь бурными струями, вливаясь в бурный поток, который неумолимо, все больше и больше охватывал страну. Да, господин Тамм, и господин Ландсдорф, и господин Пюман, и многие другие теперь со всей полнотой поняли, как глупо было надеяться на собственные силы. Прав, тысячу раз прав был старый барон, который снизошел даже до того, что стал сам ездить к Пюману. Большая политика требовала надежной ориентации и не менее надежной организации. Следовало по-настоящему собирать силы. К счастью, — утешали себя отцы местечка Мыйзама, — это были всего лишь первые стычки. Главный бой предвиделся впереди. Большой план складывался в головах самых почтенных людей Мыйзама. Ответный удар должен быть решительным и смести с лица земли все эти Советы и засадить, куда следует, всех нарушителей законного порядка.

Так намечали сделать потом, а пока «отцы города» решили смыть оскорбление, нанесенное публично им, а также начальнику милиции, заодно наказать главного зачинщика и обезглавить «Общество голодающих».

Через день после своего торжественного и многозначительного визита в милицию Эльмар шел из

дома Вольного пожарного общества, где только что были намечены меры в помощь Совету по борьбе с саботажем (носились слухи, что купечество хочет объявить протест путем временного прекращения торговли).

Был вечер, располагающий к прогулкам, и парень был не один, хотя по своему сердитому виду и не походил на влюбленного. Действительно, рядом с ним также молчаливо и со строгим видом шагала Майэ Виро. Едва они повернули с площади за угол, как у забора дома милиции их остановили. Двое ражих молодцов с милицейскими значками встали поперек дороги. Эльмар сразу понял, в чем дело. Сильным ударом оттолкнув одного из них, он пропустил Майэ вперед и только успел крикнуть: «Беги!» — как молодцы, обладавшие опытными полицейскими ухватками (этих людей в Мыйзама до сих пор не видали), вдруг подцепили парня под руки и, вывернув их назад, ударили несколько раз здоровенными кулаками по голове.

Эльмар рванулся. Наклонив голову, как бык, поддал одному в подбородок, но вырваться не смог. Дюжие дяди были специально выписаны из Тарту господином бывшим студентом Курвиц по особому распоряжению господина Пюмана и других «отцов города». Это было первое дело, и молодцы хотели выслужиться. Они сволокли оглушенного парня в подъезд. Сразу же захлопнулись двери. Эльмар только успел расслышать звонкий женский крик. Потом он провалился куда-то вниз в темноту...

Подробности рассказанной истории стали мне известны, разумеется, после того, как удалось познакомиться с самим героем. А в тот вечер, когда Иренэ Виро поведала мне общий ход событий, у меня еще только сложилось горячее желание повидать председателя «Общества голодающих». Но

с тех пор, как Эльмара Пыльд схватили милиционеры, прошло много недель. Может быть его уже не было в Мыйзама?

— Что же с ним сделали дальше? — спросил я свою собеседницу, которая грустно смотрела вдаль, на темнеющий небосклон.

— Не знаю.

— Сидит до сих пор?

— Да, — уверенно сказала она.

— Но кто-то мне говорил, что его увезли в уездную тюрьму.

Ирсэн насторожилась, подумала и добавила тоном обиды:

— Пожалуйста, не торопитесь. Я же еще не кончила, а вы уже наверное, как и все, думаете, что я дуручка. Слушайте: всю эту историю, кроме Майэ, видела еще Марта Кеппман, которая живет по соседству с милицией. Марта высунулась в окно и закричала так, что ее услышала Линда Сутть. Вдвоем они закричали еще громче, и им стала помогать Майэ, хотя ей больше хотелось плакать.

— Понятно, — сказал я. — Потом они стали кричать втроем, вчетвером и больше. Все громче и громче. Не правда ли, товарищ Рэнэ?

— Откуда вы знаете? Так оно и было. Разумеется, все мы побежали к милиции. Кто успел, схватил палки или метлы, даже топоры. С нашей улицы я прибежала раньше всех.

— Какая ты быстрая!

— Еще бы! Даже мальчишки не могут угнаться за мной. Когда я примчалась туда, там уже Марта Кеппман так ругала милиционера, охранявшего двери, что он не мог рта открыть. Потом милиционер спрятался и закрыл дверь. Что нам делать? Линда Сутть сказала, что надо дверь рубить топором. А кто-то выдумал, что надо принести соломы

и шжечь. Это было бы очень глупо. Тогда получился бы пожар, и Эльмар мог бы сгореть. И тут...

Девочка глубоко вздохнула и сложила ладони, как бы удивляясь собственному рассказу.

— Представьте себе: пришли солдаты. Русские солдаты. Они обозвали нас дурами и сказали, что нечего зря кричать. Солдаты достали камней и так запустили в окна, в ту комнату, где сидел сам господин Курвиц, что только звон пошел по всей улице.

— Молодцы, — похвалил я.

— Я тоже так думаю. Но было бы лучше, если бы у нас были красногвардейцы. Уверю вас. Они просто пошли бы и задали Курвицу такого... Все-таки начальник милиции испугался. Сначала он пригрозил стрелять, а солдаты обозвали его очень нехорошо, — я даже не могу сказать, как, — и сказали, что тогда сбросят всю милицию в речку. Тогда Курвиц стал вежливым и заявил, что он Эльмара отправил в уездную тюрьму. И даже предложил солдатам посмотреть дом.

— Ну вот, видишь.

— А я этому не верю.

— Завтра же поеду в уездную тюрьму, — сказал я.

— Как хотите, — обидчиво поджав нижнюю губу, ответила Иренэ.

Мы посидели некоторое время молча. Наконец она сказала:

— Вам незачем ехать. Брат сам собирался поехать узнавать. А я вам докажу, если...

— Что если?

— Если вы в самом деле за Ленина.

— Да, я за Ленина. А в Мыйзама много таких?

— Ну как же! Вся наша улица за Ленина, а вот дальше — не знаю. Однако дядя Тийк тоже за Ленина.

Но тут наша беседа была прервана Паулем. Он действительно собирался в уездный Совет и хотел перед отъездом переговорить со мной о делах. Мы снова ушли наверх, в мою уединенную комнатку, и просидели там до ночи.

Я все-таки попросил председателя Совета навести справки об Эльмаре Пыльд. Иренэ была права. В отсутствие Пауля в моем распоряжении было несколько дней, которые можно было использовать для лучшего знакомства с Мыйзама и его окрестностями. Может быть обнаружили бы еще какие-либо интересные подробности движения среди безземельных. Возможно, даже об Эльмаре Пыльд.

— Его должны судить, — ответил Пауль. — Иначе это было бы форменное беззаконие. Я узнаю в городе, когда будет суд. Надо во что бы то ни стало поддержать парня, хотя он и дикий...

На следующее утро мы расстались. Я занялся записями и набросками, на время отложив мысли об Эльмаре, не подозревая, что мне придется встретиться с ним скорее, нежели я предполагал. Об этой встрече стоит рассказать, тем более, что с ней связана другая, не лишенная интереса история.

10

Каково именно начало дела, нашумевшего на весь уезд, никто не запомнил. Антона Тельдсеппа, который должен был знать больше всех, в живых не осталось. А все соседи утверждали, что начало положено историей, известной старожилам и до сих пор, — о том, как сын Антона, Михкель, продал за трешницу своему приятелю Иааню Маазику собственную невесту. Некоторые злоехидные языки при этом намекали, что с этого же дела началась и неудача политической карьеры учителя Ребанэ. Но, разумеется, такие утверждения являются пре-

увеличенными, хотя, несомненно, события нарушили излюбленное равновесие господина Ребанэ. Но здесь мне, как видно, не избежать небольшого отступления от основной линии повествования, раз уже снова пришлось упомянуть это имя. А оно, надо сказать, пользовалось в то время еще значительным уважением и даже некоторой славой, и не только потому, что профессия учителя сама по себе должна вызывать достойное уважение. Вот как это произошло.

В начале своей карьеры учитель Ребанэ особенных талантов не проявлял. Скорее всего причиной тому служила неопытность, нежели скромность. Однако уже после трех лет педагогической практики, получив однажды небольшое взыскание со стороны начальства за излишне свободное толкование истории государства Российского и его остзейских провинций, господин Ребанэ вдруг обрел некую прозорливость и сумел повести курс истории столь ловко, что устранил всякие трудности в понимании самых сложных вопросов. При этом не было ни одного случая (если, разумеется, родители проявляли должное уважение к способностям и намекам педагога), чтобы воспитанницы прогимназии местечка Мыйзама остались на второй год в том же классе из-за дурной отметки по истории. Некоторые злые языки утверждали, что этот важный перелом, обозначивший господина Ребанэ как незаурядного человека среди других педагогов Мыйзама, не случайно совпал с днями, когда учитель переехал в дом вдовы виноторговца Лехмуса. Говорили, что, если бы Ребанэ не доказал своей солидности фактами, то не видать ему уюта под крылышком госпожи Лехмус. Впрочем, рассказывали и другое: якобы Ребанэ ни за что не хотел покидать своей скромной холостяцкой комнатки у глухого, чахоточного телеграфиста Клааса, где учитель был окружен

более чем достаточными, почти материнскими заботами толстенькой, не потерявшей свежести Эльзы Клаас; будто бы вдова Лехмус воспользовалась тем, что супруги Клаасы были в кирхе, и насильно увела учителя к себе и окружила бдительным надзором. Думаю, что эти две версии возникли именно вследствие особенностей системы, придуманной господином Ребанэ: он не возражал и не поддерживал там, где положение требовало решительных мер и полного голоса и где не видел непосредственной угрозы себе. И в данном случае он полагал, что если первая версия говорит о его солидности, то время способствует укреплению романтической славы, которая (в умеренных дозах, конечно) нужна-де каждому общественному деятелю.

Как бы то ни было, уважаемому педагогу жилось неплохо. Слава начинала медленно, но верно сиять вокруг его белесой головы; и, видя уважение со стороны окружающих, господин Ребанэ стал невольно думать о себе много и хорошо. Он даже додумался до того, что вскоре после падения старого режима, поднимаясь одним приятным утром ото сна, заявил своей подруге жизни:

— Хилья, теперь каждый уважающий себя человек, так сказать, определяет свою платформу.

— Какую тебе еще надо платформу! Разве мой дом плох? — недовольно процедила сквозь шпильки, зажатые в зубах, жена (в ее понимании платформа была связана с какими-то строительными работами).

— Политическую... свое мировоззрение, так сказать. Теперь это можно.

— Ну, и опять получишь нагоняй, — презрительно метнула молнию пронизательная мадам, созерцая в зеркале свое грозное великолепие.

· Да, я был преследуем царизмом. Я пострадал за истину, — не менее величественно отпарировал господин Ребанэ. — Душою и мыслями я был, так сказать, всегда с угнетенным классом. Теперь свое временно избрать достаточно солидную и, так сказать, авторитетную партию. Тем более, что моя кандидатура выдвинута от обывателей в местный Совет депутатов.

Решимость учителя в данном случае была необычайной и могла сбить с толку кого угодно, но только не Хилью.

— Попугай, — невозмутимо откликнулась она, заканчивая манипуляции перед туалетным столом.

— Я, так сказать, весьма левых убеждений, моя милая. Я пошел бы к большевикам, но кое-что там мне не подходит. Все-таки я сторонник чистого социал-демократического учения.

— Смотри, будет худо — не спущу! Да имей в виду, дом остался на мое имя.

«Корова», — хотел сказать оскорбленный в своих помыслах учитель, но благоразумно воздержался.

Все-таки он решил сделать по-своему. Через два дня после разговора съездил в уездный город и купил кучу книг. На первом же заседании Совета он так блеснул знаниями и так внушительно ссылался на самого Маркса, что сразу же был избран заместителем председателя Совета. С тех пор многие стали почтительно именовать его «товарищ господин Ребанэ» (или наоборот: «господин товарищ Ребанэ»), так как, несмотря на объявленную свободу, все же не решались равняться с ним. Слава дома Ребанэ воссияла, и даже премудрая Хилья отказалась от мысли сжечь книги, которые нарушили строгий порядок обжитого уютного домика. Вот в такой-то примечательный момент жизни и пришлось мне встретиться с «господином

товарищем Ребанэ». В этот период он явно гордился найденной им, как он утверждал, формулой:

«Для чего шуметь, если все достигается совершенно законно?»

Смена председателя Совета, адвоката Тамма, происшедшая после ареста главара «Общества голодающих», когда был избран Пауль Виро, не только не поколебала позиции учителя, но, напротив, укрепила его во мнении, что, если бы господин Тамм был более разумен и сдержан, то он не лишился бы своего поста. Да, действительно, заместителя председателя Совета переизбрали, и он не мечтал о большем, понимая, что на посту председателя в такое бурное время усидеть было бы трудно. Ребанэ предпочитал ограничивать свои обязанности проставлением в самых необходимых случаях подписи на бумагах и в протоколах, а также замещательством председателя при ведении заседаний Совета. И так он плыл по течению революции и, может быть, плыл бы еще долго, если бы не эта история с Тельдсепами и не эта неугомонная девчонка сапожника Виро.

11

Когда в шестидесятых годах прошлого столетия в далекой стране, лежавшей за океаном, вспыхнула гражданская война, многие небогатые арендаторы, едва выплачивавшие установленную аренду, вдруг с небывалой выгодой стали продавать лен. Дед Иааня Маазика никогда не был дураком и всегда умел ладить со всеми, даже с бароном. Распознав, в чем дело, он засеял льном большую часть земли и оказался не в накладе. И хотя пришлось нанять батрака, тем не менее он рассчитался и с бароном за аренду, уплатил все долги, и даже решил достать земли побольше. Антон Тельдсепп не имел ни клочка

и мог только вздыхать, видя, как растет наследство его приятеля Маазика, которого он уже не решался называть приятелем. Но Виллу Маазик был добр и справедлив к своему другу. Он взял его к себе работником. А потом, когда Антон Тельдсепп задумал жениться, дал ему за пустяковые проценты в долг на обзаведение. Так и случилось, что сыновья Ило и Антона сначала вместе валялись в песке на дворе, потом вместе ходили в церковную школу и, наконец, вместе влюбились в дочь священника, Юли.

К этому времени сильно постаревший Антон Тельдсепп задумал поправить свои дела, раздобыв собственный кусок земли. И — вот что значит истинная дружба! — старый приятель Виллу Маазик, который уже смело раскланивался с самим баронсом, не только охотно отпустил его (ведь в довершение к преклонному возрасту Антон стал страдать болями в животе), но даже рекомендовал помещику-барону как надежного человека. Таким образом Тельдсепп заарендовал у фон Тизенхаузена полдесятины, а подростшего сына оставил до солдатчины у Маазика. Выгода была двойная: Михкель не ел зря хлеба и мог отработать остатки долга. Антон Тельдсепп был очень честен и очень упрям. Ему хотелось закончить жизнь под своей крышей, а также, хоть немного, хотя бы под конец жизни, порадовать свою скромную, трудолюбивую Альму.

— Продержимся года два, — не раз за ужином утешал он иссохшую жену, измученную работой в баронском имении. — За лето Михкель отработает последний долг, а там, может, и война кончится...

Альма сидела, потупив глаза. Она не верила, что может наступить — и притом так скоро — простая, хорошая, спокойная жизнь. Мелкие слезинки ска-

тывались прямо на ложку, которая слишком долго размешивала кислое молоко. И, глядя в миску, Альма думала: их жизнь так же пуста и солонa, как эта хапу-пийма, и так создано богом, и никто не может изменить этого, и напрасно Антон тешит себя.

— А я сделаю! — сердито стучал кулаком Антон, когда жена пыталась высказывать свои сомнения.

Но дело подвигалось плохо. Только тогда, когда свергли царя, когда среди крестьян начались открытые и откровенные толки о земле, которую, якобы, скоро отберут от баронов, Антону показалось, что теперь-то уж настала пора пойти вдоль помещичьих угодий и приметить кусок получше. Разумеется, хотелось подобрать так, чтобы поудобнее было прирезать к тому, который считался почти его.

Как известно, молодость любит легкомысленные радости жизни, несмотря ни на какие суровые обстоятельства. Пока отец думал, передумывал и толковал с соседями, Михкель погуливал с белой, как снег, гладкой и мягкой, как воск, Юли. Уж так повелось в роду Тельдсеппов, что все они были статные и красивые. Юли потихоньку приходила к парню в кусты на берегу речки, да так ловко, что никто и не распознал про это. Бедовая была эта девчонка Юли. Ну, а Михкель тоже промаха не давал. И так, несмотря на трудные времена, они постигали радости жизни и были довольны друг другом. Но Юли была богатой невестой и славилась красотой и нарядами. Что же тут было удивительного, если находилось немало желающих погулять с ней и если одним из вздыхателей оказался молодой Маазик. Он долго обхаживал девушку и намекал на крепкий, просторный дом отца и на свой новый пиджак, привезенный прямо из Таллина,

и очень удивлялся, почему Юли не хочет с ним встретиться наедине. Парень подолгу смотрел в зеркало, но не мог согласиться, что его одутловатая физиономия, украшенная тонким, но с широкими ноздрями носом, хуже других. Все же он приметил, что Юли на вечеринках охотнее всего отплясывала с Михкелем, хотя тому не то что конфет, даже орехов не на что было купить. Иаань очень завидовал Михкелю и даже хотел пойти жаловаться отцу, но потом решил быть добрым приятелем и уладить дело полюбовно.

— Слушай, Михкель, я досмерти хочу погулять с Юли. Иначе жить не могу, — признался однажды Иаань. — Пожелай, что хочешь, а устрой мне девчонку.

— Я бы непрочь устроить, — соврал, ухмыляясь, Михкель, — да она сама прогонит тебя.

Но Маазик был уверен в себе и настаивал:

— Мне бы только встретиться наедине.

— Хорошо, — согласился Михкель, — только деньги вперед.

— Сколько? — осторожно осведомился Иаань.

— Три рубля.

Богатый наследник слегка поморщился, но торговаться побоялся. Они живо уладили дело, и Михкель сказал:

— Сегодня вечером у попа гости, и Юли будет занята, но когда начнет темнеть, ты все-таки приходи к кустам, как раз против окна той комнаты, где живет девчонка. Да одень вот эту шляпу. Только шляпу потом верни.

Иаань удивился и даже обиделся.

— У меня шляпа лучше твоей. Смотри, через твою рвань муку просеивать можно.

В ответ Михкель только усмехнулся и так посмотрел на Иааня, что тот сразу прикусил язык,

догадавшись, что тут дело не простое. Надо прямо сказать, что, если Тельдсеппы брали силой, красотой и смелостью, то Маазики издавна славились хитростью и изворотливостью. А упорны были и те и другие.

Иаань взял подозрительный на вид головной убор, а дальше все вышло так, как обещал Михкель. Юли, заметив маячившую за кустами знакомую шляпу, выскочила в окно и кинулась в объятия своего милого. Счастливый, восхищенный Маазик даже растерялся, а потом поспешил обнять долгожданный предмет любви, но было уже поздно. Юли узнала его, вывернулась из неуклюжих рук, и молодой Маазик ушел с сильно поцарапанным лицом. При этом шляпа упала, скатилась в речку и утонула. За утерю Михкель, разумеется, получил от отца знатную трепку. Антон Тельдсепп утих только тогда, когда увидел трехрублевку. Деньги он, конечно, отобрал, и его сыну пришлось бы ходить до самой зимы в рабочей соломенной шляпе, но дальнейший ход событий избавил парня от этой неприятности.

Иаань Маазик возненавидел Михкеля Тельдсеппа так, что две ночи не мог спать спокойно. Да и кто может чувствовать себя хорошо, когда каждый встречный интересуется, чья кошка ободрала тебе рожу. И, вероятно, долго мучился бы неудачник, если бы не выдался случай отомстить и привести семейство Тельдсеппов в полное иступление.

Дело в том, что Маазик-отец, приумноживший свое богатство, используя некоторые выгоды военного времени, решил приарендовать еще кусочек земли, а Маазик-сын надоумил его прибрать к рукам участок Тельдсеппов.

— Это самое лучшее, что ты можешь сделать, — убеждал сын отца. — Через нецелю Яков день, и ба-

рон сможет объявить, что не будет возобновлять договора с Тельдсеппом, а ты ему еще расскажи, как Тельдсепп подбивает соседей поделить баронскую землю. Пускай сдохнет неблагодарная свинья! Видно, забыл, сколько оказано ему благодарений!

Маазик-отец нашел совет сына неплохим; и в самом деле, барон согласился: таких бунтарей не стоило держать под боком.

Уже накануне Якова дня управляющий, встретив случайно Михкеля, сказал:

— Передай отцу, что господин барон не хочет возобновлять договора. И чем скорее вы уберетесь с земли, тем для вас будет лучше.

Антон Тельдсепп сначала не поверил этому предупреждению, но управляющий повторил его на следующий день уже самому Антону.

— Это не по закону, — попробовал возражать бледный от страха и от боли в желудке Антон.

— Вы еще не выплатили всего, что положено, и к тому же, сидя на земле барона, занимаетесь подстрекательством на возмущение честных крестьян. Вы вот говорите: «Революция!» Ну, так и для нас после революции старые порядки не обязательны.

Немец говорил невозмутимо и с нарочитой небрежностью помахивал стэком. Рыжая лошадь, на которой восседал господин Либбе, била копытом и вертела задом так, что Антон должен был все время сторониться и даже сойти с дороги. Тельдсепп еще больше волновался и раздражался — и от этого совсем растерял нужные слова. Оставался один жизненный довод, казалось, понятный без лишних объяснений; и он прозвучал печально, как мольба:

— Но ведь еще не убран урожай!

— Барон дает срок шесть недель.

— Этого мало.

— Дело твое. Мы сумеем найти закон! И тебе не поздоровится.

Бледный, сгорбленный пришел домой Антон. Жена не стала и спрашивать. Антон тяжело сел на табурет, опустил голову. Альма, приложив край передника к глазам, беззвучно заплакала. Михкеля не было при этом. Он убирал сено у Маазика.

Все-таки упрямый Антон не пожелал уйти с земли.

— Я сделаю по-своему! Я прав, — твердил он даже по ночам.

Взгляд становился у него страшным, и жена даже стала думать, что он рехнулся.

К тому времени, когда я прибыл в Мыйзама, срок, назначенный бароном, истек, и события развернулись внезапно и неумолимо.

Однажды в Мыйзама приехал управляющий имением Тизенхаузенов, явился к самому господину Пюману, который, как известно, был уполномоченным Временного правительства, и от имени барона попросил выслать на хутор Тельдсеппа милиционеров. По приказу господина Пюмана и от собственного усердия, довольный, что наконец-то нашлось достойное для него дело, начальник милиции господин Курвиц послал четверых молодцов с винтовками. Как я уже упоминал, Пауля Виро в эти дни не было в Мыйзама. Мой товарищ, наверное, последил бы за действиями Курвица. Но получилось так, что некому было вмешаться. Впрочем, за председателя Совета оставался учитель Ребанэ; однако он, как впоследствии объяснял, был погружен «в изучение марксизма и не мог отвлекаться обычными фактами текущей жизни». Поэтому на следующий день милиционеры беспрепятственно выехали по назначению. А едва они отправились, в Мыйзама прискакал верхом и даже

без седла крестьянин, член сельского земельного комитета. Второпях он остановился посреди главной улицы, на углу площади, и свирепо посмотрел вокруг.

— Где председатель Совета? — прокричал посланный, обращаясь к первому попавшемуся гражданину.

— Председатель Совета? — переспросил гражданин, задумываясь над вопросом.

— Ну да!.. — завопил всадник: — Не черного чорта мне нужно, а председателя Совета.

— Его в городе нет, — откликнулась подошедшая девочка.

— За него учитель Ребанэ, — добавил, поразмыслив, гражданин.

— Очень хорошо, но если у вас дело важное, то лучше всего идти к кому-нибудь другому, — встала бойко девочка, покручивая кончик косички и внимательно разглядывая приезжего.

— Да к кому же, чорт побери, ехать?! — заорал тот.

Гражданин развел руками и покачал головой, а девочка сказала:

— Пойдемте со мной к одному товарищу из Таллина. Он все знает.

— Скорее! У Тельдсеппа может произойти несчастье, — нетерпеливо, но уже спокойнее сказал всадник. — Куда ехать?

— Туда, в самый конец, последний дом налево! — крикнула девочка и побежала. Всадник, сбив шляпу на затылок, поскакал в указанном направлении. Полы его пиджака разлетались. Галопом, на какой только была способна его лошадка, он подлетел к воротам, у которых я наблюдал его стремительную скачку.

— Это вы и есть из Таллина? — крикнул мне крестьянин. — Прикажите, да поскорее, чтобы мили-

цию задержали. Иначе будет убийство. И едем вместе. Тельдсепп закрыл и завалил все двери и окна и сказал, что земли не отдаст.

Конечно, мне было очень лестно, что меня считают за большого человека, который «все может», но, к сожалению, я не мог. К тому же я еще не был в курсе здешних дел, а поэтому прежде всего спросил:

— Какой Тельдсепп? Зачем и кто посылает милицию?

И пока крестьянин пояснял мне суть дела, прибежала запыхавшаяся Иренэ.

— Вы один можете помочь делу, товарищ Волли, — заговорила она торопливо, схватив меня за руку. — Только поедemте скорее. Я сейчас побегу к извозчику Пихо. Я видела — он дома. А вы собирайтесь. Если бы Пауль был дома, он сразу бы поехал. Я знаю очень хорошо!

Она умоляюще, почти со слезами на глазах, смотрела на меня; и сурсвый крестьянин явно доверчиво ожидал помощи. Я невольно был охвачен желанием помочь.

— Беги, — согласился я, — а мы все-таки пройдем к заместителю председателя Совета.

Мы почти ворвались в уютное обиталище учителя, но, в ответ на мой вопрос и мрачное подтверждение представителя сельского земельного комитета, Ребанэ безнадежно развел руками и заявил, что, согласно уставу Совета, он не имеет права мешать законным действиям правительственных властей.

— Да какой же это закон? — раздраженно заговорил крестьянин, краснея от волнения и досады. — По нашим законам срок арендных договоров бывает в Юрьев день, а в Яков день только предупреждение. Тельдсепп прав. Едем! Мы там на месте разберем.

— Ехать незачем, — ответил Ребанэ, раздражаясь в свою очередь. — Я и так знаю, в чем дело. Никто не виноват, кроме самого Тельдсеппа, в том, что он не выплачивал своевременно долгов, да еще занимался анархической агитацией. И весь ваш комитет надо привлечь к ответственности за потакание! Да!

Тут господин Ребанэ почувствовал, что, вопреки своим правилам, выразился слишком резко. Его бросило в жар, а потом сразу в холод. Это было видно даже по цвету лица. Он прервал речь, но сумел овладеть собой и, расправив белесые усики, добавил как бы умиротворяюще:

— Для чего шуметь, если все достигается совершенно законно!

Но мы не уходили.

— Ехать незачем, — боясь смотреть в глаза, повторил Ребанэ.

Я ощутил дрожь, почувствовал, как перехватило дыхание. Забывая, что этот толстенный, хитроватый человечек имеет все возможности выставить меня из своего дома, я оперся о письменный стол обеими руками, приблизил лицо к лицу учителя и сказал, вероятно, очень неприятным голосом:

— Вы сейчас же отдадите соответствующие распоряжения, товарищ заместитель председателя, и немедленно выедете на место происшествия. От имени газеты «Луч»...

Ребанэ вздрогнул, попятился и забормотал:

— Да что вы меня пугаете... Вам здесь не Таллин! Кроме того, я... вовсе не отказываюсь... Я готов... Идемте вместе к госп... то есть к товарищу Курвиц...

Конечно, мы опоздали. Когда старик Пихо высадил нас на дороге у домика Тельдсеппа, расправа уже совершилась. Мальчишки мчались за фельдшером и священником. Охваченный волнением, я даже не удивился, когда, вбежав во двор, заметил

возле себя Иренэ. Разумеется, было не до нее: от двери оставались одни доски и щепки. У крыльца, валялась скамейка со сломанной ножкой. На траве, у колодца, хрипел и вздрагивал раненный в грудь Михкель. Двое крестьян выносили из дома Анто́на. Глаза арендатора были закрыты, но в руках был крепко зажат топор. Антон прижимал его к груди.

— О!.. — всхлипнула Иренэ и схватила меня за руку.

— Видите, — сказал раздраженно учитель: — налицо вооруженное сопротивление властям.

Милиционеры стояли отдельной группой у сарая. Двое гимназистов и двое молодцов, специально нанятых в уезде. Рядом стоял немец-управляющий, с вызывающим видом похлопывая стэком по гетрам. Крестьяне с окрестных хуторов толпились у взломанных дверей, откуда уже выносили раненую Альму. Суетливо распоряжался старый Маавик. Когда мы вошли во двор, он торопливо подошел и зашептал, униженно заглядывая нам в глаза:

— Подумать только! Они перестреляли их, как уток. Какой дурак этот Антон! И я лишился теперь хорошего работника.

— Кто приказал стрелять? — спросил я.

Толпа промолчала, но глаза всех обратились в сторону группы у сарая. Гимназисты стояли красные, низко надвинув фуражки, не будучи в состоянии смотреть прямо в лицо людям, винтовки вздрагивали в их руках. Двое других милиционеров нахально улыбались и щелкали затворами, делая вид, что не слышат вопроса. Господин Либс, поглаживая свободной рукой бакенбарды, вглядывался прищуренными глазами в Ребанэ и в меня. Вероятно этот вызывающий взгляд и не позволил мне остаться безучастным.

— Я повторяю, — снова заговорил я, делая шаг вперед, — кто дал приказ стрелять?

Я чувствовал, как дрожали мои губы, но не слышал своего голоса. Душили гнев и чувство бессилия перед совершившимся.

— А ты кто такой? — презрительно спросил управляющий. — Я буду разговаривать только с представителями законной власти.

Этот баронский лакей издевался. За его спиной ободряюще щелкали затворы винтовок. Он мог одним жестом разогнать всю толпу. А Ребанэ продолжал молчать, как бы в раздумьи поглаживая усики.

— Они отказываются отвечать... — продолжал я, уже обращаясь к толпе. — Есть ли свидетели? Я уполномоченный газеты «Луч».

Мне вдруг стало страшно. Почудилось (а может быть и в самом деле было так), что люди отходят, прячутся друг за друга...

— Есть ли свидетели? Мы составим акт...

Я не закончил. Внезапно на дороге показалась толпа, ворота распахнулись, и во двор ворвались люди в соломенных шляпах, вооруженные косами, вилами, топорами и даже лопатами. Это были труженники-земледельцы, обладатели скромных хозяйств, позванные кем-то на помощь их бедняге-соседу. Производ «черного барона» вызвал у них единодушный грозный крик:

— Где здесь проклятый черный чорт?!

Это относилось к управляющему. Увидев его, они разразились потоком отборных ругательств и, видимо, были готовы учинить самую жестокую расправу, если бы на пути не оказались посторонние в лице Ребанэ и меня. Крестьяне остановились и на мгновение умолкли. В ответ на их вопросительное молчание, с надрывом, почти с отчаянием, прозвенел детский голос Иренэ:

— Что же вы стоите и смотрите, товарищи!

И они поняли этот возглас как призыв.

Не успели милиционеры зарядить винтовки, не успел наглый человек в бакенбардах отойти под их прикрытие, как уже крепкие руки лишили всех пятерых способности сопротивляться. Топоры и вилы нависли над их головами.

После этого составили акт, и арестованные самоуправцы были отправлены в уездный город, раненые в Мыйзама. С трудом умеряя волнение, охватившее меня, я направился к нашей повозке и тогда снова увидел Ирэнэ. Она сидела на краю канавы, на траве, опустив голову и зажав виски обеими ладонями.

— Рэнэ... Товарищ Рэнэ, — позвал я, но она не двигалась с места.

Тогда я обнял ее за плечи и приподнял. Девочка дрожала и не хотела отнять руки от головы.

— Неужели это все было? — тихо спросила она. — У меня очень болит голова.

— Пора домой, — ответил я ей как можно спокойнее и повел к повозке. Там, заняв больше половины пространства, восседал Ребанэ.

— К чему было затевать это шумное дело? — зло процедил он сквозь зубы. — Имейте в виду, что вы можете ответить...

Я не находил больше ни охоты, ни сил вступать в споры. Вдруг ощутил усталость и голод. Оглянулся вокруг и заметил, что уже наступил вечер. Солнце садилось в оранжевом зареве. Легчайшие облака веером разбежались по небосклону. С реки тянуло прохладой. Развесистые березы стояли вдоль дороги, тихие, недвижимые, как нарисованные. Под одной из них стояла полная рослая девушка в пестром платье. Ее глаза и щеки были красны от слез, и в руке она комкала платок. Девушка встретила и проводила нас боязливым, испытующим взглядом.

— Юли, — пробормотал старый Пихо. — И о ком бы ей плакать?

И это были единственные слова, которые он произнес в течение дня.

12

На следующее утро, направляясь в Совет, чтобы продолжать свою работу по изучению материалов прихода Мыйзама, я увидел, что Иренэ сидит при- тихшая и грустная. В руках у нее была книжка, но она смотрела в окно. Я подошел и положил руку на ее худенькое плечо. Она ласково прижалась головой к руке.

— Отец и мать очень сердятся на меня, товарищ Болли, — призналась она.

— Я знаю.

— Мне запретили выходить на улицу.

— Жаль.

— А мне очень надо.

— Хочешь все знать? — попробовал я пошутить, но она нахмурилась еще больше.

— Посиди дома, а вечером мы с тобой поболтаем, — утешил я ее и сдержал слово.

Когда отобедали и посуда была перемыта, когда старый Виро занял место в кресле у окна и приступил к чтению свежего номера «Луча», а его жена устроилась с шитьем рядом, Иренэ проскользнула в мою комнатку, и мы уселись у открытого окна. Большой клен, росший перед окном, густой листвой предохранял наши глаза от яркого зарева, которое разлилось по западному небосклону. На стены, на стол и на кровать падали светлые узоры. Комнатка казалась особенно уютной и веселой; но и тут Иренэ не изменила своего настроения. Войдя и усевшись, она прежде всего посмотрела на меня очень внимательно и, сразу уловив мое намерение, предупредила строго-наставительно:

— Не успокаивайте меня, пожалуйста, как маленькую. Сегодня я уже знаю, что все так и было, как мы видели.

— Хорошо, — согласился я. — Но как это случилось, что ты оказалась там вместе с нами?

— Я бежала за вами, а часть пути удалось проехать, прицепившись сзади брички. Но это очень неудобно, когда надо ехать далеко. Я очень устала и чуть-чуть не упала.

— Это ты послала ко мне крестьянина, который прискакал верхом?

— Я. А разве я плохо сделала?

— Надо было послать прямо к учителю или еще к кому-нибудь, кто мог бы помочь.

— Вы можете сделать это лучше всех. Пауль так вас ждал. Вот, говорит, придет товарищ из столицы и поможет нам.

— Он говорил в другом смысле. Но где ты встретила этого человека на лошади?

— На углу площади...

Тут она вдруг запнулась и покраснела. Подумала и добавила вполголоса:

— Я давно хочу сказать вам кое-что. Побойтесь, товарищ Волли, что не скажете никому.

— Честное слово!

— Очень хорошо. Слушайте: я была у Эльмара. Девочка произнесла последние слова с многозначительной расстановкой. Видя мое полное и серьезное внимание, она пояснила:

— Я носила ему еду. Не так давно я нашла его. Я каждый день или, по крайней мере, через день ношу ему что-нибудь. Я делаю это потихоньку, чтобы никто не увидел, никто не узнал. Иначе Эльмару будет плохо. Его могут увезти в другое место или убить. Он предупредил меня об этом и просил не ходить. Но я все-таки хожу, потому что я его очень люблю; потому что я знаю, как

пролезть к окну с решеткой, которое скрыто за кустами смородины. И если бы я была сильная, как он, я бы помогла ему убежать. Я и то стараюсь читать про разных рыцарей и героев, которые убегали или другим помогали убегать из заточения.

— Ты очень хорошая и смелая девочка, — пробормотал я, искренно восхищенный.

— Я хочу быть такой же, как мой отец. Он давно пошел бы и освободил Эльмара, но он один не может. Его тоже могут схватить. Я поэтому и дома не говорю. Пускай я буду одна виновата, если узнают. А вот теперь вы приехали и должны помочь. А то мне трудно становится доставать еду Эльмару. Я прячу кое-что от своего завтрака и ужина.

— Хорошо, — согласился я. — Когда приедет Пауль, я поговорю с ним, а до тех пор буду тоже припрятывать кое-что для Эльмара. Но зато ты должна есть все, что тебе дается. Только при этом условии, товарищ Рэнэ.

— Очень хорошо!

Она вся просияла, стала вдруг шаловливой, закружилась по комнате в танце и вдруг сорвалась.

— Козы! козы! — закричала она. — Я совсем забыла! Майэ опять будет браниться.

Пулей вылетела из комнаты, и через мгновение ее темная головка мелькнула на дворе.

Таким образом мы с Иренэ вступили в заговор, составили небольшой план действий и сделали первую вылазку к дому милиции. Для этого мне пришлось покривить душой перед добрыми, честными стариками и попросить отпустить Иренэ со мною погулять перед сном.

Мы прошли к площади и замедлили шаги у забора, ограждавшего территорию дома милиции. Моя спутница быстро осмотрелась, сдвинула висевшую на одном гвозде доску ограды и исчезла. На мгновение я услышал шуршание ветвей. Очевидно

она пряталась в кустах. Я не стал задерживаться, чтобы не привлекать внимания, а пошел к месту условленной встречи. Минут через десять она подбежала ко мне, раскрасневшаяся от волнения, сияющая от счастья.

— Я ему сказала про вас, — прошептала она, беря меня за руку. — А он просил передать вам, что вы хороший парень.

В тот вечер мы сделали замечательную прогулку и дошли до заброшенного замка Тизенхаузенов. Это дало повод Иренэ рассказать мне про рыцарей. Мы даже забыли о времени, о том, что уже приближалась ночь. Из-за молодой поросли деревьев и бурно разросшегося кустарника вздымались мрачные стены, которые, казалось, не прогревались солнцем даже в самые жаркие дни. Сейчас, в вечерней мгле, они казались особенно холодными. Нам не захотелось портить своего настроения созерцанием их мрачности. Мы тихо пошли назад, оставляя за собой картофельные поля мызы Кюн и кладбищенскую рощу с белыми стволами берез. Дали таяли во мгле. Тени лежали неопределенные. Только над замком ясно светило небо, и оттого островерхие крыши выступали четким силуэтом, пока их не закрыли деревья садов Старой Мыйзама. Зеленоватое сияние, распространявшееся с северо-запада, гнало мрак, но не могло справиться с мглой. Она расплзалась низко над землей, влажной прохладой освежая щеки. Пыль на дороге поднималась словно нехотя, и было странно видеть ее клубы, медленно расплзавшиеся вокруг ног. Две сосны стояли на повороте к мосту. Узкая изъезженная и исхоженная дорога бледной лентой пролегла меж темных деревьев. Мы шли, мечтая о новых рыцарях, которые должны были обязательно притти, чтобы освободить Эльмара.

Наша прогулка была слегка испорчена встречей с учителем Ребанэ. Он попался нам у выхода из городского сада. Шел он в сопровождении своей мощной супруги. В ответ на мое приветствие поклонился подчеркнуто вежливо и нарочито улыбнулся. В этом поклоне и улыбке чувствовалась фальшь, но я никак не подозревал, что за ними, крылось прямое предательство.

Насколько можно себе представить, дело обстояло следующим образом.

После происшествия на хуторе Тельдсеппа, потрясенный до глубины души учитель был болен два дня. Все-таки он нашел в себе достаточно сил нанести визит господину Пюману, чтобы поведать о случившемся.

— Прошу заметить, — заключил заместитель председателя Совета свое повествование, — я отнюдь не сторонник метода действий господина барона и нашего начальника милиции, но я советовал бы обратить внимание на этого приезжего мальчишку-большевика. В противном случае я не могу ручаться за то, что произойдет в Мыйзама. По долгу совести, так сказать, как представитель народа, предупреждаю вас.

— Знаю, — буркнул коммерсант, поскребывая затылок, — но как его отсюда выкурить?

Ребанэ хитровато усмехнулся, но немедленно принял серьезный и даже печальный вид:

— Мне очень прискорбно, так сказать, констатировать, что уполномоченный газеты «Луч» позволил себе действия, которые привели к убийству отца и сына Тельдсеппов и едва не вызвали расстрела спровоцированных им крестьян из соседней деревни.

Пюман приподнялся в кресле и от удивления раскрыл рот. Потом снова сел, помолчал и спросил:

— Вы это серьезно, господин Ребанэ?.. Ваши сведения достоверны? Но ведь это существенно меняет дело! В акте говорится иначе...

— Но акт был составлен и подписан, когда добрых два десятка молодцов наводили на нас дула винтовок и размахивали вилами и топорами.

— Вы готовы показать это под присягой?

— Зачем же именно я? — скромно потупил глаза учитель. — Найдутся, вероятно, достаточно мужественные и сознательные крестьяне, вроде Маазика, который всегда проявлял самое близкое участие к бедному семейству соседа.

— Я прикажу сегодня же произвести расследование, и мы его так или иначе уберем.

Не высказывая своих помыслов до конца, важные деятели Мыйзама расстались и, повидимому, немедленно приступили к действиям.

Прежде всего учитель решил «разоблачить подозрительного большевика из Таллина», используя для этого очередное заседание Совета депутатов. Я был приглашен туда, но мне не понадобилось оправдываться. Рабочая секция и представители безземельных были уже настолько хорошо осведомлены о происшествии на хуторе, что даже самые тихие и сдержанные депутаты свистели и стучали, когда учитель пытался произнести свое обвинение. Я возвращался домой, окруженный группой друзей, чувствуя себя победителем. Было радостно видеть и сознавать, что моя поездка в эти края не прошла даром. С этими мыслями я уснул, далекий от подозрений, что Ребанэ попытается что-нибудь предпринять. Утром я даже забыл думать о нем и по примеру предыдущих дней направился к Совету для изучения интересовавших меня материалов. Однако у крыльца меня встретил сам начальник милиции Курвиц с двумя дюжими милиционерами, в которых я, к своему удивлению,

узнал молодцов, принимавших участие в убийстве Тельдсеппов. Они нагло щурили глаза, разглядывая меня с откровенным злорадством.

— Это он? — спросил официальным тоном Курвиц.

— Он, — подтвердили полубандиты.

— Задержитесь, молодой человек, — обратился ко мне их начальник. — И пойдёмте с нами. У меня есть предписание арестовать вас по делу об убийстве на хуторе Тельдсеппа.

— Чей приказ? Покажите мне его, — спросил я, главным образом для того, чтобы выиграть время и сообразить, что случилось.

— Уполномоченного Временного правительства товарища Пюмана, по ходатайству управляющего имением Тизенхаузена гражданина Либе, незаконно подвергнутого вами аресту, — с улыбкой сообщил Курвиц, уставив на меня оловянные глаза и, видимо, наслаждаясь произведенным эффектом.

Я оглянулся. На площади было пусто, и даже мимо никто не проезжал и не проходил. Бежать было невозможно.

— Не беспокойтесь, — продолжая улыбаться, добавил начальник милиции. — Мы дадим знать, кому надо. А пока будет происходить следствие, вам придется посидеть у нас. Извините, больших удобств нет, но таков порядок. Марш! —скомандовал он и важно пошел вперед. Через минуту тяжёлая дверь отделила меня от улицы, а еще через одну увесистый кулак втокнул меня в полумрак подвала. Я едва не полетел, оступившись на узких, сырых кирпичных ступенях, больно ударился о косяк другой двери и услышал у себя за спиной грубый хохот.

— Этот парень так спешит, что готов собственным лбом прошибать стены, — крикнул конвоир. —

Эй, хромой чорт, принимай гостя! Вдвоем будет веселей.

Я снова почувствовал удар между лопаток и почти упал на руки высокого человека. Он поддержал меня, а потом молча указал на ворох соломы, приглашая сесть.

Сквозь маленькое оконце, пересеченное толстыми железными прутьями и закрытое ветвями кустов, с трудом пробивался свет. Но его много и не требовалось, чтобы разглядеть низкое подвальное помещение, превращенное в тюремную камеру. В ней не было ничего, кроме вороха соломы, брошенной у стены, грязного ведра в углу, издававшего зловоние, и полуразбитого ящика, на котором лежал кусок хлеба.

— Вы тот, о котором говорила Рэнэ? — глуховатым голосом спросил мой товарищ по несчастью. Я кивнул головой, в нервном напряжении не находя слов для разговора.

— Ну, конечно, — как бы с удовольствием признался он, разглядывая меня. Я увидел приветливые, почти ласковые голубые глаза, которые казались сердитыми только от темных нависших бровей, от продолговатой складки, которая разъединяла их на переносице. Давно небритая щетина усов и бороды и взлохмаченные, неподстриженные волосы придавали парню дикий вид и старили его. На самом деле ему было, наверное, немногим больше двадцати лет.

— Эльмар Бездомный? — спросил я в свою очередь и протянул ему руку.

Так состоялось наше знакомство, которое мы впоследствии не раз вспоминали. У нас оказалось много времени, чтобы рассказать друг другу о себе, и мы успели это сделать в первый же день пребывания в подвале. Я нервничал и пытался ходить из угла в угол, а Эльмар подсмеивался и уверял, что

первые дни он даже бил кулаками в стены и пытался выломать железные прутья окна.

— А потом? — спросил я. — Ведь ты сидишь здесь больше месяца. Можно сидеть и два, и три, можно заболеть, умереть, и никто не узнает. Ведь никто, кроме Иренэ, не знает, что ты здесь. Все считают, что тебя отправили в уездную тюрьму.

— Это им невыгодно, — рассмеялся Эльмар. — Я бы тогда порассказал об их делах. Люди, которые колеблются и не знают, что им сейчас делать, даже хозяева, и те пошли бы с нами. Я сам просил Рэнэ пока молчать. Я лучше буду здесь, пока наши соберутся с силами. А без силы ничего не сделаешь.

— У наших нет оружия, а запасный батальон увели, — возразил я. — Вам лучше требовать суда.

— Нет, тогда меня ушлют, а я хочу быть здесь. А оружие будет, — уверенно сказал Эльмар и тряхнул копной волос. — Я им еще покажу! Я все передумал и решил, что иначе и быть не может. Если уж я пошел на это... А ведь раньше для меня... да что там! — было бы на водку под воскресенье...

К ночи, когда стемнело, у окна зашуршали ветви, и светлое пятно руки показалось между прутьями. Вслед за этим показалось личико девочки.

— Скорее бери, — прошептала Иренэ: — Я потихоньку убежала. Меня отец выдерет, если узнает.

Тут она увидела меня, и глаза ее расширились.

— Значит, вы тоже здесь! Что же мне теперь делать, Эльмар? Дома беспокоятся, никто ничего голком не знает.

— Когда придет брат, скажи. Пускай даст знать о нем, — он указал на меня, — в Таллин.

Мы точно, поровну поделили кусок хлеба и две картофелины, принесенные девочкой, и улеглись

на соломе. Эльмар напоследок утешал меня, что обо мне безусловно позаботятся в Таллине.

— Да что там! И мне может удастся вылезти заодно, — добавил он, почему-то вздохнув, и вскоре захрапел. Как видно, он не мог допустить, чтобы из-за него кто-нибудь подвергался неприятностям, а тем более опасностям. И уже никак не рассчитывал, — впрочем, так же, как и я, — что эта ночь будет последней ночью в подвале. Но случилось именно так. Вероятно было около полудня, когда раздался стук отпираемого замка и скрип засова. Мы переглянулись.

— Это за мной... На допрос... — сказал я, стараясь овладеть собою, чтобы встретить испытание хладнокровно.

— Ну, выходи! — выкрикнул злой, грубый голос. Я двинулся к двери.

— Оба! Да поживей! — повторился окрик.

— Выходите, товарищи, — позвал уже знакомый приветливый голос, и в полумраке лестницы я узнал смеющееся лицо Пауля Виро.

Это было необычайно, и, даже выйдя на улицу, мы с Эльмаром не могли сообразить, что случилось.

Перед нами стояла толпа; мужчины и женщины что-то говорили и даже кричали, но громче всех кричала Иренэ:

— Вот они! Я говорила, что они здесь!

Ее-то мы сразу узнали, и радостный крик девочки привел нас в себя. Тогда мы заметили светлую голову и большие сияющие глаза Майэ, увидели десятки приветливых, радостных лиц и разглядели, что впереди толпы, окружив все здание, где помещалось учреждение господина Курвица, стоят люди в обыкновенном гражданском платье, но вооруженные винтовками.

— Красная гвардия? — спросил я у Пауля.

Он гордо оглянулся вокруг, кивнул головой, и мы пошли в Совет, сопровождаемые внушительным эскортом и предшествуемые вертушкой Иренэ. На крыльце белого дома нас встретил учитель Ребанэ. На этот раз он никого не приветствовал, а молча последовал за нами.

— Я больше не нужен вам, товарищ Виро? — спросил он. — Мне сегодня нездоровится. Я бы хотел посидеть дома.

Его лицо от досады или от гнева, или просто от волнения неприятного свойства покраснелось, и жиденькие усы казались особенно белесыми. Виро его отпустил, и учитель поспешно ретировался. Надо думать, что у него были причины чувствовать себя неважно.

Позднее я узнал, что из следствия по моему делу ничего не вышло, так как свидетели оказались ненадежными, а хитрые Маазики сказались больными.

14

На этом можно кончить рассказ о моей поездке в тихое местечко Мыйзама и вместе с тем о первом круге событий, которые связаны с историей «Общества голодающих» и его лидера Эльмара Пыльд, по прозвищу Бездомного. Мой новый друг оказался прав: нас выручила сила, вернее даже — внешние признаки силы, так как она еще не была организована.

Когда мы собрались в доме Совета, и я, закончив короткий рассказ о моих злоключениях, еще раз начал высказывать благодарность моим освободителям, Пауль Виро только ухмыльнулся и сказал:

— Вот его благодари.

При этом он указал на плотного человека с бри-

той головой, одетого в солдатскую форму, но без погон. Живые, насмешливые глаза совсем не шли к угловатому, словно вытесанному топором лицу, нарушая его воинственную серьезность, но зато они невольно вызвали доверие. Когда бывший солдат Каро подошел ко мне, то без лишних объяснений я понял, что он свой человек и не случайно привезен Паулем из города.

— Спасибо! — обратился я к нему, протягивая руку.

— Рад стараться, — ответил он полушутя. — Но, честное слово, если бы не эта шустрая девчонка, я не рискнул бы вступать в сложные отношения с милицией. Я человек в Мыйзама новый, а товарищи, которым роздали оружие, еще не умеют с ним обращаться. Если бы у Курвица были настоящие солдаты, дело могло бы кончиться хуже.

— А разве я соврала?! — слышался полный обиды голосок.

Все рассмеялись и, продолжая отпускать шутки по адресу Иренэ, стали расходиться по домам. Товарищ Ренэ, Эльмар и я пошли вместе, взявшись за руки.

Дорогой девочка сначала гордо и молча поглядывала на нас и, наконец, сказала:

— Все подсмеиваются надо мной, и вы тоже хотите быть такими же. Я вижу по вашим глазам, а все-таки я была права. А каково было мне разговаривать с этим противным Курвицем!

— Ты разве ходила к нему? — спросил я.

— А то как же!

От изумления мы остановились и недоверчиво воззрились на спутницу. Она тотчас реагировала с обидой в голосе:

— Ну вот, опять не верите! Что мне с вами делать?

— О чем же ты говорила с Курвицем? — задал вопрос Эльмар.

— Я спросила его, что ему надо от вас обоих, и что требуется сделать, чтобы освободить вас. Он в ответ только захохотал и велел мне уходить прочь. Я не хотела, но он взял меня за плечи и стал толкать, а вдогонку крикнул, что освободит только в том случае, если его, Курвица, захотят расстрелять. Вот я и сказала Паулю и Каро, что Курвиц трус и боится оружия. А когда я проходила через его канцелярию, то видела, что у них стоят только пять винтовок — и все незаряженные. А Пауль привез больше двадцати. Скажите же, разве я была не права? Зачем же в таком случае смеяться?

Нет, она ошиблась. Мы больше не смеялись над ней, но хвалили, а чтобы успокоить нашего маленького товарища, перевели разговор на учителя Ребанэ. Эльмар грозил оторвать ему голову, но сделать это не удалось, хотя судьба стала явно изменять «достославному политическому деятелю».

Без ошибки можно представить ту сцену, которая разыгралась в доме учителя, когда он вернулся из Совета домой.

— Но я еще покажу им! — бушевал не особенно громко господин Ребанэ, шагая из угла в угол и грозно расправляя усики.

— Я сама тебе покажу! — откликнулась из соседней комнаты госпожа Ребанэ.

— Если они посмеют вести анархическую политику и дальше, я их убью цитатами, — не унимался учитель, хватаясь за брошюру Каутского.

— Давно тебе говорила, брось валять дурака! Шел бы лучше помочь.

Прелестная Хилья, надев белоснежный фартук и засучив рукава, энергично месила тесто и полагала, что муж с успехом мог бы заняться чисткой картошки, пока она возится с хлебом.

— Я тебе говорю! Небось, обед будешь жрать?

Господин Ребанэ с деланно озабоченным видом пригнулся к столу, делая выписки. Не глядя, видел страшную физиономию, красную, широкую, с обвислыми щеками. Нет, это уже не была прежняя Хилья, которая нежно называла его «моя личичка» и «мой толстенный». Там стояла фурия, живой укор, возмездие... Тесто чавкало под крепкими руками; казалось, мадам Ребанэ уже кого-то шлепает, чиня неумолимую расправу.

— Ты совершенно не понимаешь важности момента... — попробовал протестовать Ребанэ. — Ты совершенно безграмотна политически. Что ты мне вчера притащила с базара?

Учитель имел в виду случай, ставший известным всему местечку, когда его строгая жена купила вместо необходимой для него социал-демократической газеты самый настоящий большевистский «Луч».

— Отвечай мне: давно ли ты якшаешься с большевиками?

Ребанэ вдруг нашел зацепку, чтобы припугнуть жену, и даже попытался петушиться.

— Будешь много болтать, без обеда останешься, — отрезала нежная Хилья. — Плевала я на ваши газетки. Я вот вымажу тебе рожу тестом!

Дело принимало совсем нелепый оборот. Господин Ребанэ тяжело вздохнул и начал медленно складывать книги.

— Имей в виду, — более миролюбиво, но достаточно зловеще сказала госпожа Ребанэ, видя кротость мужа, — начальница прогимназии мне уже намекала на твое двусмысленное положение.

— Ты говоришь правду?..

Толстый том вдруг выскользнул из пухлых пальцев и шлепнулся на пол. Потрясенный до глубины души, заместитель председателя Совета скинул пиджак и, засучив рукава, поплелся на кухню. Впрочем, на другой день он уже не был заместителем председателя Совета.

Через два дня после своего освобождения я уехал в Таллин. Разумеется, меня провожали тепло и с искренним сожалением, и в числе провожавших были не только члены семьи Виро, но и почти в полном составе рабочая секция Совета.

Пауль поставил в повозку мой чемодан. Извозчик дернул вожжи, зачмокал губами и поехал вперед. Эльмар и я зашагали вслед. У калитки стояли остальные провожавшие во главе со старым Виро. Тогда Иренэ сказала:

— Я тоже хочу проводить, — и, чтобы ее отпустили, быстро добавила: — Майэ пойдет со мной. Мы вместе вернемся.

— Иди, — сказал Пауль, так как отец и мать промолчали.

И сестры догнали нас. Старшая — раскрасневшаяся от всем понятного смущения. Младшая — шаловливая, задорная, деланной веселостью прикрывавшая свою печаль.

За мостом через Палайеги мы крепко жали друг другу руки, долго стоя возле повозки, которая уже начала покрываться дорожной пылью. Седой Пихо безмолвно, терпеливо ждал конца разговоров. Нерысоко стоявшее солнце, просвечивая сквозь облачную дымку, бросало неяркий ровный свет на нас, как будто желая внести успокоение в наши взбудораженные чувства. Напрасно! Больше не верилось в тишину окружающих роц и полей. Казалось, даже

домики старой Мыйзама настороженно смотрели сквозь листву своих садигов.

Эльмар без конца напоминал мне о необходимости моего приезда в Мыйзама. Конечно, я обещал. Я не мог не сделать этого, глядя на суровую улыбку самоотверженного парня, на доверчивые, полные благородства светлые глаза скромной девушки Майэ, на умоляющую рожицу товарища Рэнэ. Но я сам мало верил в то, что мне придется их снова увидеть и пережить вместе с ними новые потрясающие события.

НАВСТРЕЧУ СОБЫТИЯМ

1

События осени и начала зимы семнадцатого года на время отвлекли мое внимание от Мыйзама. Но я не забывал своих друзей. Тем более, что дело Эльмара Бездомного явилось для меня хорошим толчком в работе, позволив ощутить свои силы. Я с увлечением шел и ехал туда, где мог найти свежий боевой материал для нашей редакции. Невольно образ жизни стал полупоходным. Моя маленькая комнатка у Нарвского шоссе, к большому огорчению заботливой хозяйки, стала терять жилой вид. Многие добрые знакомые обиделись на невежливого молодого человека за пренебрежение к их приглашениям. В результате почта совсем не была отягощена моей корреспонденцией. И можно себе представить мое радостное удивление, когда в один тусклый декабрьский день в моих руках оказался листок бумаги, судя по косым линейкам, вырванный из ученической тетради, исписанный крупным детским почерком. То ли я устал, то ли просто не мог справиться с очередной заметкой, но сумрачное настроение требовало разрядки. Это письмо, от которого сразу повеяло хорошей дружбой, позволило забыть муки неудачного творчества, а теплота навеянных воспоминаний оживила меня.

«Дорогой товарищ Волли!»

Я очень скучаю, что вас нет здесь среди нас. Вы рассказали бы нам много хорошего, а то здесь ничего толком не знают, хотя и делают умные лица. И даже говорят какое-то трудное слово «национализация». Я списала его в письмо с газеты, а то запомнить и написать никак не могла. А что это значит, мне никто объяснить не хочет. Только смеются. Наверное, сами не знают, а еще притворяются. И еще у нас никак не могут прогнать баронов. Они сидят и пьют кровь бедных людей. Я не видела, как они пьют, но Пауль говорит, что так оно и есть, и придется с ними покончить. Теперь Пауля слушают не только в Мыйзама, но и дальше, почти везде. В деревне Аллику кто-то предложил даже Красную Гвардию устроить, а нашелся другой, который сказал, что война и так надоела. Пауль говорит, что этот человек очень не-сознательный. Я тоже так думаю, потому что боюсь баронов. В деревне сильно поспорили, а баронов очень сильно ругали. Это хорошо. Вероятно, поэтому барон сидит в своем имении и завел сильную охрану. Почти как солдаты. Мартин Лаане утверждает, что у них есть даже пушка, но он глупый мальчик, и я не верю. Потому что пушка должна стрелять снарядами, а их в Мыйзама даже нигде не купишь. Еще у нас тоже был переворот. Я даже думала, что будут стрелять, потому что Пюман и учитель Ребанэ всех пугали национальной ротой. Но рота проспала, а потом туда поехал Пауль и еще один товарищ, который настоящий большевик и приехал к нам из уездного города. Они так сказали солдатам, что те даже ответили: «Очень хорошо. Да здравствует советская власть». А Эльмар после рассказывал, что все-таки многие солдаты были злые, а офицеры их успокаивали

и говорили, что надо подождать более удобного времени. Ой, какие хитрые эти офицеры! Они все приезжают в гости к Пюману. Я сама видела. А Юрман, про которого говорят, что он полунемец-полуэстонец, все возит кататься Пюманшу. Я тоже подсмотрела и показала ей язык. А после, как случился переворот, Пауль запретил Пюману быть главным и пригрозил посадить под арест.

Противный Курвиц все-таки убежал. Теперь милицией командует Ояр, и милиция стала другая. Там все наши красногвардейцы, которых научил стрелять раненый солдат Каро. А еще на почте сидит и командует дед Пуна. И все они называются комиссары. Вот как у нас теперь. И если бы вы приехали, все были бы очень рады, а я больше всех. Я и так всему хорошему радуюсь, но все-таки я боюсь, что бароны пришлют своих солдат и убьют Пауля, Ояра, Каро и других наших. Кто-то уже наклеил на заборы такую афишу, и я, конечно, не спала целую ночь. Все думала, а потом решила написать Вам письмо. Вы в Таллине все знаете, и что надо сделать, чтобы победить баронов.

Посылаю Вам большой, большой привет и желаю всего хорошего. Я пишу потихоньку от всех, поэтому никто не передает поклонов, но я-то знаю, что и Пауль, и Майэ, и все передали бы. Жду ответа.

Товарищ Рёнэ».

Милая девочка даже не забыла поставить дату. В нижнем углу последнего листка значилось: «15-го ноября».

В каждом содержательном письме, как бы коротко или пространно оно ни было, обычно «между строк» существует второе. Случается, очерк о прекрасном путешествии скрывает собой тихие слезы: сердитое послание, преисполненное самых суровых

слов, таит невыразимую заботу; обыкновенные житейские просьбы свидетельствуют об отчаянии; а в извещении о печальных событиях сквозит радость. Бывает по-разному. Поэтому я всегда перечитываю письма не менее, как по два раза, в особенности тогда, когда получаю вести от близких сердцу людей. Многого можно узнать «между строк»; и тетрадные листки, исписанные рукой товарища Рене, не могли быть исключением. Напротив, уже при первом чтении, несмотря на простоту и наивность изложения, они оставили осадок беспокойства. В тот же день, перед тем как лечь спать, я вновь, внимательно вдумываясь в каждую фразу, перечитал их и постарался воссоздать в памяти облик девочки, пишущей это письмо. Она возникла в моем воображении в белом с розовыми крапинками платье, с оголенной, смуглой от загара стройной шейкой, с маленькой хорошенькой головкой, чуть склоненной набок, с черными косичками, — какой я встретил ее летом. Но лицо представилось мне грустным, озабоченным. Нет, разумеется, такой она была не при первой встрече, а на другой день после убийства Тельдсеппа, когда я видел ее сидевшей дома у окна. Тревожное заботливое чувство звучало в детских словах, — тревога отражалась в глазах возникшего образа. «..и я, конечно, не спала целую ночь. Все думала, а потом решила написать Вам письмо...» Должно быть, вернувшись из школы, забралась под крышу в бывшую мою комнатку и (под предлогом выучить уроки), выводя огрызком карандаша крупные буквы, торопилась, пока не спустились сумерки зимнего дня, рассказать о своих волнующих мыслях. Несомненно, тревога и беспокойство сквозили между строк с самого начала письма, хотя там и сообщались, на первый взгляд, приятные новости: местечко Мыйзама уже установило

власть Совета, и он начал проводить новую политику, но что-то мешало, что-то беспокоило, а может быть и пугало моих товарищей, во главе с Паулем Виро бросивших вызов баронам и создавших опорную точку советской власти среди вражеского окружения. Конечно, моя милая товарищ Рёне не сама выдумала треволения, но чутким сердцем и наблюдательным умом уловила беспокойство старших. И вот — письмо... Оно лежало передо мной и звало туда, где, в ожидании новой хозяйской руки, простирались заснеженные, отдыхавшие после летнего труда поля, где, как форты неприятельской крепости, притаились крепко сложенные, каменные баронские мызы, ревниво оберегая захваченные земли. Оно звало к мужественным, самоотверженным товарищам, которые выручили меня из рук врага, а сейчас, вероятно, готовились к последней схватке. Каковы были силы сторон?

Чем дольше размышляла я над письмом Иренэ, тем больше оснований видел сделать выводы об опасном положении в Мыйзама. Ко времени получения письма флаги советской власти развеялись лишь в Таллине, Нарви, Тарту и только что были подняты в Роквере. Мыйзама, лежавшая ближе всего к Вильянди, уподоблялась крошечному островку среди моря перед надвигавшейся бурей.

Однако я не был волен бросить свою работу в Таллине. Несколько раз перечитав письмо товарища Рёне, улыбаясь возникшему милому образу, мысленно успокоил ее полушутливыми ответами, но времени изложить их на бумаге не оказалось. Наступившее утро принесло с собой важные новости, которые потребовали уже не письма, а телеграммы. Она и была послана в адрес Пауля Виро с припиской передать поклон Иренэ.

Дело было так. Не успел я разложить свою очередную работу, как вызвали к самому редактору.

Не давая никаких разъяснений и не обращая внимания на мои вопросительные взгляды, он повел меня в штаб Красной гвардии и представил довольно высокому худощавому человеку. Не трудно было узнать большой открытый лоб, сосредоточенно-внимательный взгляд, продолговатое лицо с впалыми щеками, с чуть сдвинутыми бровями, характерные складки плотно сжатых губ. Сам Виктор Кингисепп стоял передо мною. Умный и строгий, полный внутренней силы, несмотря на болезненность. До сих пор мне приходилось видеть его только издалека, на митингах и собраниях, где он неизменно блистал неукротимым огнем воли и непреложной ясностью мысли. Этого человека по заслугам считали непревзойденным агитатором, не знавшим поражений в бурных словесных схватках семнадцатого года. Его спокойный сарказм, ядовитая ирония, холодная логика вызывали у противников припадки ярости; и товарищи рассказывали, что не раз жизнь Виктора Кингисеппа висела на волоске. Но рабочие оберегали своего лидера. Взволнованный от гордости быть рядом, стоял я теперь лицом к лицу с лучшим большевиком Эстонии, не просто агитатором, но государственным деятелем, членом Исполнительного комитета Советов, руководителем внутренних дел и финансов, организатором Эстонской Красной гвардии. Всем своим обликом он выражал, как всегда, полное спокойствие, но упорный строгий взгляд, повергавший меня в невольное смущение, горел чуть уловимым нервным огоньком нетерпения.

— Мне сказали, что вы летом были в одном месте, где хорошо известно имя, помеченное вот здесь, — заговорил товарищ Кингисепп, протягивая исписанный лист плотной бумаги. В верхней части документа был вытеснен не то герб, не то вензель, украшенный баронской короной.

Мне показалось, что, действительно, в красивом орнаменте было что-то знакомое. Однако, растерявшись от неожиданной встречи, я смутился и, должно быть, представлял собою неважное зрелище, так как внезапно услышал тот же твердый, спокойный голос: — Это эмблема дома баронов фон Тизенхаузенов...

— Мыйзама!.. — вспомнил я: — Мыйзама!.. Их имение в этом приходе. Бумаги с такими знаками я видел в делах Совета.

— Очень крупные, влиятельные помещики. Очень крупные, — повторил, кивнув головой Кингисепп. — Расскажите все, что знаете о них. Садитесь и закуривайте.

Мы сели, и я, как мог старательнее, описал мою летнюю поездку в Мыйзама. Кингисепп слушал, не прерывая; лишь его тонкие длинные пальцы иногда нервно постукивали по краю стола. Только тогда, когда я умолк, последовал единственный вопрос:

— С тех пор вы не получали известий из Мыйзама?

Я стремительно схватился за карман. К счастью, письмо Иренэ было при мне. Кингисепп внимательно прочитал его и, казалось, нашел все понятным.

— Славная девочка, — тихо и ласково сказал мой собеседник, и промелькнувшая улыбка на мгновение озарила строгое лицо добротой.

— И посмотрите, как правильно подметила, что делается в тех местах. С нами идут не только безземельные, но и люди с кое-каким достатком. Тем более обидно, что некоторые из крестьян думают, что можно отсидеться, глядя со стороны.

— Теперь прочтите письмо барона и скажите ваше мнение, — обратился ко мне Кингисепп; и я прочел следующее:

Мой милый сын!

Если бы ты только знал, как я волнуюсь! Я не могу нормально ни есть, ни спать. Меня снова и снова начинают нервировать события, происходящие и у нас и у вас. Здоров ли ты, мой мальчик? Говорят, что в Петербурге уже идет настоящая междоусобная война. Правда ли это? Не угрожает ли нам опасность? Закрепились ли на островах войска? Здесь в глуши так трудно ориентироваться, а Д., хотя и обещал сообщать обо всем, но до сих пор не наладил этого. У нас пока была только демонстрация, но и этого было достаточно, чтобы П. потерял дар речи. Национальная рота избрала нейтралитет. Это плохой знак. В наши бурные дни не может быть нейтралитета. Это вина твоего друга Юрмана. Я приму меры, чтобы этого не было, но, ради бога, передай Д., чтобы ускорил вращение своего механизма. Каждую минуту я жду неприятных событий, в результате которых мы можем навсегда расстаться с тобой, мой дорогой, единственный сын. Дай хоть короткую весть о себе, мой родной. Милый Отто, умоляю тебя: приезжай!»

Я попросил разрешения прочесть документ еще раз; тогда, сопоставив его с письмом Иренз, ясно представил себе старика Хуго-Августа-Вильгельма фон Тизенхаузена; всемогущего барона, когда-то чуть ли не собственноручно чинившего кровавые расправы над строптиемми, ныне потерявшего уверенность в своей силе и засевшего под охрану наемников, возглавляемых управляющим Либбе. Наверное руки барона тряслись, когда он писал эти неровные строки. Он трепетал перед будущим и ждал какой-то обещанной помощи. Но старый волк сделал непростительную ошибку, написав свое пе-

слание на бланке с вензелем. Это обстоятельство, несомненно, и выдало подозрительный характер нежного «семейного» письма. Впрочем, оно было отправлено еще тогда, когда почта была в руках заговорщиков, а может быть специальный человек привез письмо туда, где его захватили наши люди.

— Кто такой Юрман? — спросил Кингисепп.

— Командир национальной роты.

Кингисепп одобрительно кивнул головой.

— Национальные части... — сказал он задумчиво; подошел к карте, висевшей на стене и испещренной условными, понятными ему одному знаками, и провел указательным пальцем по четырем пунктам.

— Хапсалу — первый полк, Раквере — второй, Вильянди — третий, в Тарту — запасный батальон. Боюсь, что эта расстановка сил сделана со смыслом. Судя по письму Тизенхаузена, черные бароны хотят опереться на серых баронов. К тому же войска кайзера, о которых, несомненно, беспокоится Тизенхаузен, действительно закрепились на островах, совсем рядом с нами...

Не закончив, Кингисепп вернулся к столу и заговорил, обращаясь ко мне, уверенно и повелительно, так что я невольно встал:

— Надо найти этого еще неясного Д. Уже третий раз попадается эта буква. Повидимому, он здесь. Мы будем искать его в Таллине. Но, может быть, легче найти следы в провинции. Тем более, что Д. располагает целым механизмом, как пишет барон. Я поручаю вам отправиться в Мыйзама, проинструктировать товарищей и собрать все возможные материалы. Собирайтесь. Завтра с утра зайдите за мандатом и инструкциями.

Так случилось, что я все-таки смог выполнить обещание, данное мною моим друзьям у моста через Палайеги.

И вот снова неразговорчивый Пихо подвозил меня к Мыйзама. Но на этот раз не было зеленых рощ, — снежная пелена расстилалась вокруг; поля и луга лежали вымершие; чернели обнаженные от листвы деревья, и только по-старому высились колокольни двух церквей и деревянный мост гостеприимно приглашал переехать через реку. Была зима, хотя и не особенно суровая. Она откровенно показывала скромную внешность домиков, которые возникли передо мною, вытянувшись в ряд. Она прикрыла воды Палайеги ровным белым ковром, и если бы не мост, то, пожалуй, нельзя было бы и узнать, что это река. Она сорвала зелень садов, которые выглядели теперь некрасивыми и ненужными. Нет, на этот раз ничто не располагало ни к фантазиям, ни к воспоминаниям, ничто не говорило ни о мире, ни о спокойствии. И даже старый Пихо был угрюм и молчалив по-особенному. Какие-то заботы подавляли и его, хотя он, в ответ на мой вопрос, заверил, что все благополучно.

В городе внешне ничего не изменилось. Только над Народным домом колебался обыкновенный красный флаг да у железного фонарного столба шагал красногвардеец в стареньком пальто, подпоясанном солдатским ремнем, и с красной повязкой на левой руке.

Иренэ встретила меня у площади. Она шла торопливым шагом, разгоряченная, взволнованная. Увидев сани Пихо, стремительно подбежала и вдруг, вероятно вспомнив, что она на улице, на виду у посторонних, потупила глаза и торопливо, по всем правилам хорошего воспитания, присела и сказала:

— Здравствуйте, товарищ Волли!

Я пожал ее маленькую горячую руку и уса-

дил в сани рядом с собой. Сияя от радости, она на мгновение прижалась щекой к моему плечу и прошептала:

— Я так и знала, что вы приедете, когда получите мое письмо... В самом деле, оно не такое уж глупое? — осведомилась затем она, принимая серьезный, почти солидный вид.

Так как я высказал полное одобрение, девочка оживилась и поведала мне, что в Мыйзама начинают проводить национализацию.

— В имениях? — спросил я.

— Нет, в самой Мыйзама. В имения надо посылать Красную гвардию. Иначе ничего не выйдет. А у нас Красной гвардии мало. Поэтому Пауль решил начать здесь. Завтра будут отбирать у Ялакаса мельницу.

Стоит ли описывать встречу, которую устроила мне семья старого повстанца Юри Виро? Нужно ли рассказывать о том, как мы шестером вновь чинно восседали за столом, как заботливая Анн усердно потчевала меня «капса-пудру»¹ с настоящей свининой, как внимательно слушали все члены семейства привезенные мною новости и как хотелось им услышать что-то хорошее, что могло бы развеять сомнения, укрепить надежду на счастливое будущее. Мне кажется, все это понятно и без специального описания. Поэтому отмечу только новое, что бросилось в глаза. Уже из самых коротких замечаний, высказанных во время застольной беседы, я понял, что Пауль со своими товарищами стали сдержаннее, осторожнее, потеряв прежний, знакомый по летней встрече задор, который иногда можно было назвать даже отчаянным. Когда, размлев после дороги от тепла и еды, я отпросился в свою прежнюю комнатку и лег на топчане, мой

¹ Густой суп из кислой капусты, крупы и свинины

первый вопрос к Паулю был об этом неожиданном для меня настроении. Мне помнится, я даже упрекнул товарища за то, что он, став настоящим государственным деятелем, хотя бы и в масштабе одного прихода, слишком рано потерял энергию и революционную страстность. Разумеется, это было сказано полушутя, но и одного подобного замечания было достаточно, чтобы убедиться в том, что мои слова задели очень больное место. Пауль вспыхнул; даже в наступивших сумерках было видно, как краска залила его лицо.

— Легко говорить, — пробормотал он, — Меня никто не учил управлять государством. Правда, после твоего первого приезда из Таллина присылали одного опытного товарища. Он много помог нам, и в Совете навел порядок, и партийную ячейку организовал, потом уехал. Оказывается, в октябре было только начало. Наделать можно много, да что из этого выйдет? Если бы я не был председателем Совета, то может и не стал бы так раздумывать. Ну, а зачем ты приехал?

Я пояснил цель прибытия, показал документы. Пауль стал еще серьезнее, еще больше нахмурился и пространной речью закончил наш разговор.

— Вот видишь, — сказал он. — Бароны что-то и где-то готовят. Что — об этом можно догадаться; а вот — когда? У нас полсотни в Красной гвардии не наберется, а в казармах сидит целая рота серых баронов и тех, кто с ними. Что же удивительного в том, что Пюман до сих пор воображает, что может распоряжаться попрежнему; а Тизенхаузену и не думают расставаться со своим именем. А снаружи все тихо. Ревком власть установил без всякого кровопролития. Не обманчиво ли это спокойствие?..

Мой товарищ на мгновение умолк, опустил голову, уперев подбородок в кулаки, посмотрел на меня исподлобья и сам же ответил:

— Конечно, обман и военная хитрость.

Мне показалось, что его взгляд, брошенный в мою сторону, был полон упрека, но может быть это было и не так... Сумерки сгустились. Пасмурное небо усиливало тьму. И, чтобы рассеять тяжесть впечатления, я попросил света. Надо было что-то сказать, чтобы устранить сомнения и колебания и у моего товарища и у меня; но фразы, слагавшиеся в мозгу, получались неискренними и трафаретными. И Пауль хорошо сделал, что позвал сестер.

Майэ и Ренэ пришли вместе, осветив каморку огарком свечи. Они сели, обнявшись, как-то ловко уместившись на одном табурете. Желтый свет слабо озарил их миловидные лица, и на этот раз сестры показались мне очень схожими между собой. Не было обычной задумчивости и застенчивости у Майэ, а болтушка Иренэ спрятала свою плутоватую усмешку. В противоположность брату обе были одинаково веселы. Мы заговорили о предстоящем рождестве и о том, как устроим назло Пюману елку на площади, как раз напротив его бледноголубого дома. Молодость брала свое. Никакой елки, конечно, устроено не было, а в нашей наивности мы получили возможность убедиться уже на следующий день.

Иренэ не ошиблась. Национализация мельницы состоялась. Совет решил национализировать ее как весьма крупное предприятие, важность обладания которым имела значение не только для местечка, но и для всего прихода.

Господин Ялакас безусловно числился в рядах самых почтенных граждан Мыйзама. Все его предки занимались мучным делом, но это не мешало господину Ялакас быть тощим, как жердь. Казалось, он иссох от желчи и злости. Даже могущественные бароны фон Тизенхаузен избегали с ним ссориться, так как он не постеснялся бы не

только сказать по адресу баронов пару самых неуважительных слов, но и отказать в перемолде зерна. Авторитет господина Пюмана тоже не был достаточно высок для этого своенравного Ялакаса. Стоит ли пояснять, что он не признавал никакой революции и тем более советской власти? Достаточно того, что господин Ялакас в ответ на все вопросы и увещевания возражал:

— И я и мои предки давали муку на весь приход, даже в уездный город, но для этого не требовалось никаких революций, а только руки и голова.

Так говорил, улыбаясь и почесывая бородку, злоехидный Ялакас; он отлично понимал, что в ту тяжелую зиму, первую зиму после революции, мельница была крайне нужна. Рассчитывая, что Совет не рискнет пойти на остановку мельницы, хозяин не стеснялся заставлять рабочих работать больше восьми часов, выплачивая прежние гроши. И даже тогда не поверил мельник в силу новой власти, когда председатель Совета явился к нему лично и предъявил ультиматум. Ялакас халуйски гнул спину перед Паулем, нарочито беспомощно разводя руками. На длинном лице корчилась насмешливая гримаса. А наутро, когда срок ультиматума истек, вход во двор Ялакасов оказался наглухо запертым.

Мы с Рене подошли тогда, когда толпа рабочих, собравшись у ворот мельницы, обсуждала дальнейшие способы действий, когда бойкий, еще совсем молодой парень Унтъ залез на высокий забор и производил разведку. В окне хозяйского дома виднелась злорадная физиономия самого Ялакаса.

— Я ему покажу язык! — крикнула в негодовании моя спутница, и мне пришлось ее пристыдить.

— Зачем вы жалуете их? — недовольно возразила она, но притихла, удовлетворенно наблюдая за действиями рабочих, которые тащили с соседнего двора бревно.

Чувство осторожности все же не покидало Пауля, который вышел из толпы и направился к окну, где виднелось лицо мельника. Пауль был явно смущен встреченным сопротивлением.

— Не стесняйся, — сказал я ему.

— Ладно, — ответил он. — Это начало войны в открытую. Надо по всем правилам...

— Он тебе покажет правила! — в нетерпении закричала Иренэ, грозя кулачком в красной варежке, а Пауль, подойдя к окну, сказал громко и важно:

— Эй, гражданин Ялакас! Срок истек. Открывайте, пока не поздно.

Но ответа не последовало.

Тогда ворота задрожали и загудели от мощного удара. Толпа сопровождала боевые действия дружным криком, а моя спутница прихлопывала при этом в ладоши. Господин Ялакас не выдержал и выскочил на крыльцо без пиджака. В окнах показались испуганные лица членов его многочисленного семейства. Мельник уже не смеялся. Бледный, с трясущимися губами, он кинулся к здоровенному грузчику Лийку, который орудовал ломом.

— Прочь! — взревел парень и занес оружие над головой хозяина.

Он не ударил его, но Ялакас сам, вдруг обесилев, упал в снег. Его сразу же утащили под руки и довольно неучтиво, под одобрительные и насмешливые крики толпы, втолкнули обратно в дом. После этого мельница была беспрепятственно занята и пущена рабочими в ход. Однако на этом дело не кончилось.

Поздно вечером, когда рабочие разошлись по

домам, когда мы с Паулем, Майэ и Рёне снова сидели при свете огарка в комнатке под крышей, делясь впечатлениями истекшего, бурного для Мыйзама дня, над домом Ялакаса показалось пламя. Оно поднялось внезапно ярким факелом на черном фоне облачного неба и сразу окрасило его багровым цветом. Немедля все, кто мог, побежали к месту пожара, но было поздно. Пока добежали, пока дружинники прикатили свои обледенелые бочки, огонь уже пожирал драгоценное зерно. Огненный столб поднялся высоко над Мыйзама, и вершина его, как у фонтана, падала вниз, рассыпаясь сверкающим дождем. Потом рассказывали, что этот страшный смерч был виден во многих соседних мызах и деревнях и даже на станции.

Хлеб спасти не удалось. Радовались только тому, что пожар удалось потушить и огонь дожрал, кроме мельницы, только один дом Ялакаса. Когда хватились бывшего хозяина и его семьи, то оказалось, что они исчезли. Болтали, что Ялакасы сгорели вместе со своим добром, но это, как показало будущее, было неверно.

Следующий день пришел сумрачный и грустный. Все понимали, что пожар мельницы грозил голодом, и никто не решался сказать об этом вслух. Старый Виро, насупившись, ни на кого не глядя, заколачивал гвозди в чьи-то каблуки. Анн тяжело вздыхала, Майэ и Рёне помогали ей по хозяйству, молча посматривая на меня, как испуганные овцы. Пауль долго ругал себя за то, что не распорядился поставить у мельницы надежную красногвардейскую охрану. Да, это был очень тяжелый, незабываемый день, и мы даже не разговаривали друг с другом. Когда, после ужина, я уходил к себе наверх, на темной лестнице меня удержала за рукав тоненькая цепкая лапка. Моя маленькая приятельница прошептала:

— Неужели «они» все такие злые? Ведь у нас теперь долго не будет хлеба.

— Привезут, товарищ Рэнэ — ответил я как можно бодрее и погладил ее по головке.

— Я тоже так думаю, — тихо откликнулась девочка, но на этот раз в ее голосе не было уверенности. Я почувствовал, как слезинка упала на мою руку.

3

Я рассказал печальный эпизод с мельницей не только для того, чтобы показать, как еще неопытны были мои товарищи из Мыйзама. Собственно, с этого несчастного пожара и начались происшествия, имевшие прямое отношение к моей поездке в Мыйзама. Их описывали затем в виде историй о том, как мадам Пюман влюбилась в штабс-капитана Юрмана и что из этого получилось.

Материалы следствия, произведенного после ареста упомянутого сердееда Юрмана, показали следующий ход событий.

Начались они тогда, когда стояли последние теплые вечера. Скоро бури с западных морей должны были принести ветер, сырость, дождь и холод. Война все еще продолжалась, и немцы внезапно заняли Ригу. И те, кто ожидал призыва, ходили невеселые, все чаще и чаще заглядываясь на плакат, украшенный сине-черно-белой окантовкой. Плакат висел у моста, а кроме того другой, подобный первому появился и на здании управления милиции. В те дни прошел слух (его передавали, разумеется, по секрету), что национальные полки не будут посылать на фронт, но оставят в Эстонии; и действительно, первый эстонский национальный полк, отправленный было на фронт, внезапно был задержан

и пути на станции Валга, высажен из вагонов и с музыкой прошел через Мыйзама в направлении Хапсалу.

Этот полк предателей родины, который впоследствии вошел в авангард немецких войск, ворвавшихся через замерзший пролив на эстонскую землю, не просто продефилировал по улицам, но сделал в местечке остановку на отдых. Он прибыл к вечеру под праздник. Почтенные отцы города решили устроить митинг и, таким образом, продемонстрировать «гордость нации», как выразился учитель Ребанэ. На этом сборище самые важные граждане, вполне уверенные, что по преклонному возрасту или вследствие тяжелых болезней им не придется вставать в ряды бойцов, всячески проявляли свою активность, убеждая нерешительную молодежь идти добровольцами, «рыцарями смерти», — так провозгласил адвокат Тамм (после своего провала в Совете он иногда позволял себе подвизаться на собраниях, в более безопасной обстановке).

А командир полка, красуясь выправкой, многозначительно закончил:

— Против любого врага!

И вот тогда на трибуну поднялся штабс-капитан Юрман и заявил, что, несмотря на смертельные раны, полученные им на фронте, он готов еще раз пожертвовать своей жизнью. Офицер показал всем свое круглое, мясистое лицо, украшенное шрамом на правой щеке, и руку, подвязанную на черной косынке, а третью рану попросил принять на веру, так как она приходилась где-то под гимнастеркой. Музыка грянула туш, и мадам Пюман почувствовала, что ее сердце сладостно защемило. Ведь это был тот самый бравый молодой человек, который в начале лета поселился в Мыйзама и учтиво раскланивался с ней и ее мужем при ежевечерних встречах в городском саду.

Полковник тут же назначил Юрмана командиром роты, которая должна была сформироваться в приходе Мыйзама, после чего оба получили приглашение на ужин к уполномоченному Временного правительства. После митинга полковой оркестр целый вечер играл «на бульваре», народ глазел на сытых, одетых в добротное обмундирование солдат, а те важно рассказывали по саду и главным улицам, пристраиваясь к самым красивым девушкам. Офицеры же сидели в гостях в самых хороших домах и пили кофе.

Семья Пюманов, а с нею полковник и Юрман, провели чрезвычайно приятный вечер. Полковник оказался отличным собеседником; к тому же он был неплохо осведомлен в политических событиях и доказывал неизбежность развала русского фронта. В связи с этим Юрман получил приказание немедленно собрать роту в казармы, заняться обучением и ожидать дальнейших распоряжений от главного штаба. Но где находился этот главный штаб и кто там был начальником, сказано не было. А может и было, да Юрман, сделавший приличествующие случаю возлияния и увлеченный мощной красотой мадам Пюман, забыл. Он усиленно прислушивался к воркованию пышной хозяйки дома и сам старательно демонстрировал свое влюбленное состояние. Дотоле твердокаменная госпожа Пюман после ухода гостей не выдержала и поспешно подошла к трюмо. Нет, эта мужественная женщина, умевшая управлять всем сложным хозяйством и в том числе свободолюбивым мужем, не плакала (ее сын по возрасту еще мог оставаться дома); она только издала несколько звуков носом, не без труда скрыв его в батистовом платочке.

— Я верю, что наша жизнь в безопасности, — заявила она при этом супругу, нежно схватывая

его, как бы большими клещами, в свои объятия и пылко прижимая сильно напудренное лицо к голому темени.

Она верила в Юрмана, — мадам Пюман так и призналась позднее на следствии. «Да, — говорила бывшая жена главы местечка Мыйзама. — Мысленно я благословляла смельчака на подвиг, но только мысленно, а что касается роты и всего остального, то, будучи всего-навсего женщиной, в таких делах не разбиралась».

Но так или иначе, Юрман правильно понял и прямые указания и косвенные намеки полковника, не менее правильно оценив, что успех дела сулит великий почет и звание национального героя. К тому же числиться раненым было не так уж просто. В конце концов мог найтись знающий человек, который выдал бы нехитрую тайну его шрама, полученного на студенческой дуэли в двенадцатом году в Германии, а на руке и под гимнастеркой вообще никаких следов не было. Командование же ротой открывало приятную возможность не расставаться с уютной квартиркой в тихом местечке Мыйзама, снятой у красивой, хотя и не первой молодости, Хильды Падар, муж которой без вести пропал в самом начале войны и которую теперь за глаза называли экономкой Юрмана. А добровольцев, пополнивших роту, со всего уезда собрали и поместили за городом, в бывших казармах запасного батальона.

Высокий забор окружал некрасивые бревенчатые строения. Из-за деревянных зубцов были видны лишь верхушки деревьев и небо. Ограды не было только с одной стороны, где пределом служила река. В том месте, суженная берегами, она текла быстро; круто поворачивала; всюду вихрились водовороты, даже зимой оставляя промоины. Только отчаянному человеку пришлось бы в

голову переправляться в этом месте вплавь. Инженер, который строил казармы, имел в виду именно запасный батальон и ничего более. Поэтому он заботился, главным образом, о том, чтобы для дезертиров не было лазеек. Так и случилось, что из всех построек, возникших в девятьсот пятнадцатом году на этом пустынном берегу Палайеги, самыми крепкими были офицерский флигель да забор, а самыми безрадостными — сколоченные наспех бараки, которые громко именовались казармами. Встер дул в них через оконные рамы, через злую конопатку стен, дождь и талый снег студеными каплями и даже струйками падали на верхние нары; плохо пригнанные срые доски пола пропускали влажное дыхание земли.

До революции люди приходили сюда из разных концов России, из разных губерний, пополняя собою маршевые роты, уходившие под Двинск, а может быть и дальше — в болота Белоруссии или на поля Галиции. Осенью семнадцатого года туда стали прибывать люди, среди которых преимущественно были хорошо откормленные, добротнo одетые парни; они только что покинули уютные родительские дома; где начисто вымытые полы прикрывались цветными полосатыми дорожками, а занавески украшали светлые окна. Разумеется, свое новое обиталище они оценили с мрачным юмором:

— У нас коровы лучше живут, — говорили одни, а другие отвечали, многозначительно усмехаясь:

— Мы не позволим долго над собой издеваться!

Они что-то знали, в чем-то были обнадежены эти добровольцы, но держали язык за зубами и не то подозрительно, не то пренебрежительно посматривали на сумрачных, унылых солдат, весь облик которых свидетельствовал о том, что они пришли служить ради куска хлеба. Были и такие. Но их

держали в разных отделениях и взводах, поодаль друг от друга. Унтер-офицеры особенно внимательно прислушивались к их разговорам.

Такова была вооруженная сила, командование которой принял неунывающий круглолицый штабс-капитан Юрман. А привез его из Мыйзама на ротной бричке не кто иной, как Эльмар Бездомный.

4

Тут уместно сказать, что Эльмар Пыльд, из-за которого я в свое время приехал в Мыйзама, ко времени моего вторичного приезда благополучно пребывал в пресловутой национальной роте — единственное место, куда его приняли на службу, — и по свей хромоте был приспособлен к нестроевой должности конюха и кучера. Благодаря этому обстоятельству Эльмару удавалось даже располагать известной свободой действий, так как, помимо того, что он возил взад и вперед самого Юрмана, а иногда и других офицеров, командир роты нередко посылал его на двуколке по хозяйственным делам. Времени оказывалось вполне достаточно для того, чтобы повидаться и поболтать, а то даже и обняться с Майэ, а заодно и передать все новости о жизни роты. Однако ход событий, пожалуй, не принял бы столь своеобразного оборота, как это случилось на самом деле, если бы товарищ Рэнэ не предприняла экспедицию на пожарище мельницы Ялакаса.

Дело в том, что после пожара осталось большое количество горелого зерна, и хозяйственные люди быстро сообразили, что если оно не пригодно для муки, то вполне сойдет в качестве «кофе». Едва были затоптаны последние головешки, целый батальон ребят с кулечками и корзинками двинулся собирать остатки бывшего богатства. Разумеется, Иренэ не могла отстать от сверстников. Ее крас-

ная шапочка продвигалась, как знак авангарда. Она находила все новые и новые залежи «кофе», указывая их подругам, да и сама быстро набрала целый бумажный мешок. Но тут произошло неприятное происшествие. Дерзкий, плутоватый паренек, замешавшись в толпу сборщиков, начал выкидывать самые хулиганские штучки, то затапывая зерно в снег, то разметая его ногами. В ответ на негодующие крики мальчишка только смеялся. Озорник был старше и сильнее всех собравшихся. Поэтому никто не решался дать ему тумака покрепче, а он даже не торопился вынуть кулаки из карманов пальто.

Случилось так, что он подскочил к маленькой Мелли Пяртэль. Девочка, как черненькая курочка, копошилась в снегу, в погоне за старшими, едва успевая красными, похолодевшими пальчиками выбирать зерно, класть в берестяную коробочку да шмыгать носом. От удара ноги хулигана берестяная коробочка внезапно отлетела в сторону, и все ее содержимое высыпалось. Все кругом только ахнули. Мелли от неожиданности села в снег, подняла испуганные голубые глазки на обидчика и вдруг, поняв всю непоправимость случившегося, горько заплакала. Нарушитель порядка нарочито громко хохотал. Тогда все ребята бросили свою работу и образовали пестрый безмолвный круг. Одни испуганно или с ненавистью поглядывали на мальчишку, другие — с жалостью на Мелли.

Однако на этом дело не кончилось. Из круга стремительно выступила Иренэ и решительно подошла вплотную к хулигану. Он был на целую голову выше, но девочка так смело и вместе с тем зло посмотрела ему в глаза, что глупый смех сразу прекратился.

— Что тебе надо? — заносчиво спросил мальчишка.

— Я знаю тебя: ты Вилли Падар, сын экономки Юрмана, и никуда не спрячешься, — не слушая его, заговорила Иренэ. — Ты сейчас же соберешь зерно для Мелли.

— Как бы не так! — загоготал парень.

И тут случилось нечто невероятное. Губы Иренэ затряслись. Она скинула с правой руки варежку,хватила из своего картуза горсть зерна и метнула в лицо противника. Потом еще, еще, и, наконец, размахнувшись полупустым картузом, ударила его по голове. Это было как бы сигналом. Ребята со всех сторон бросились на врага и начали его бить, а он, ослепленный и перепуганный, кричал, не зная, от кого и от чего защищаться. Иренэ, хотя и взволнованная, но уже повеселевшая, кричала:

— Не давайте ему убежать, товарищи! Мы его сведем в милицию к товарищу Ояру!

— Нет, пускай он попросит прощения у Мелли и соберет для нее зерна в три раза больше! — кричали другие.

Это был момент моего прибытия к месту происшествия. И во-время, так как молодой хулиган уже пришел в себя и, пользуясь разногласиями среди противников, старался улизнуть.

— Продолжайте работать, ребята, — сказал я, — а мы с Иренэ сведем его, куда следует.

Спокойствие восстановилось. Мелли снова черной курочкой уткнула носик в снег, а мы вышли из толпы и направились в милицию. Тут мальчишка стал всхлипывать и что-то шептать Иренэ. Девочка обратилась ко мне:

— Он просит не водить его в милицию. Говорит, что у его матери столько настоящего кофе, что она заполнит и мой порванный мешок и коробку Мелли. Я думаю, стоит согласиться, товарищ Волли. Мать все равно отлупит его ремнем, раз уже ей придется раскошелиться. Я хорошо знаю, как это

делает экономка, то есть Хильда Падар. Вот, кстати, и дом Юрмана и сама Хильда.

Она указала на хороший, шоколадного цвета домик на другой стороне улицы, наискось от нас. На крыльце, заметая снег, стояла высокая полная женщина.

— Хорошо, — согласился я. — Действуй!

Убедившись, что деловой разговор начался, я не торопясь пошел домой и почти у ворот был настигнут Рэнэ. Девочка торжествующе глядела на меня, прижимая к груди большой картуз.

— Настоящий кофе в зернах, — объявила Иренэ. — Иначе и быть не могло: я все рассказала экомке. Здесь и на долю Мелли. Я попрошу мать обжарить. Не правда ли, так будет справедливее?

Вдоволь посмеявшись по поводу этого происшествия на «кофейной плантации» (как окрестили место пожара), мы в тот же вечер забыли его. Однако ровно через двое суток необычайное происшествие заставило вновь встретиться с прекрасной экомкой и ее сыном, но уже при более серьезных обстоятельствах.

Был темный, безлунный, беззвездный вечер. Казалось, Мыйзама натянула на себя два одеяла — снеговое и облачное. Жители экономили керосин; окна домиков были освещены скудно; от этого улицы лежали в полной темноте, которую смягчал только белый снежный покров. При свете небольшой лампочки мы, то есть Пауль Виро, комиссар милиции Ояр, начальник Красной гвардии Каро, секретарь партийной организации Тийк, входившие в состав местного военно-революционного комитета, а также я, — сидели в одной из комнаток Совета, которая служила «кабинетом предисполкома». В углу, сжавшись по-кошачьи в комочек, приютилась Иренэ, присланная матерью позвать нас ужинать. Девочка сидела смиренная, внимательная,

боясь помешать. Пришли новые правительственные распоряжения о национализации всех крупных земель и предприятий. Как должны были встретить национализацию помещики-бароны? Размышляя, мы сидели вокруг стола председателя, пытаюсь разобраться в перспективах. Я думал о таинственном Д., которого следовало искать. События грозили развернуться быстро, и меня охватывало беспокойство, что не успею выполнить задание. От воцарившейся тишины звенело в ушах. Казалось, все кругом, — и дом, и площадь, лежавшая за окном, и все улицы, — притаилось, выжидало, присматривалось. Не знаю, сколько времени продолжалось бы наше молчаливое заседание, если бы блеск огня, грохот и звон не потрепали тишину вечера.

— Нападение! — крикнул Ояр и первым кинулся к выходу, вытаскивая парабеллум.

Новый выстрел нарушил мрак и тишину, но на этот раз стекла не звенели. Было ясно, что стреляли на площади. Одновременно донеслись крики, среди которых резко выделился женский голос.

Тьма обступила нас, когда мы выбежали на крыльцо; и пока глаза привыкали к ней, какая-то женщина истерически закричала:

— Вот он, негодяй! Он спасается у своей Пюманши!

Тогда мы увидели фигуру человека, который, согнувшись, удалялся по направлению к дому Пюмана. Красногвардеец, находившийся на посту у крыльца, вскинул винтовку и дал в том направлении выстрел.

— Стой! — крикнул Пауль; и так как безавший не останавливался, сразу скомандовал: — Ояр, Каро, давайте сюда дежурный наряд! Женщину задержать!

В окнах ближайших домов показались огоньки. У калиток слышались голоса обеспокоенных

граждан. Из штаба Красной гвардии с винтовками и фонарями бѣжали красногвардейцы. Ояр и Каро расставляли их цепью против дома и забора Пюмана. Пауль схватил и держал за руку женщину, но смотрел туда, куда скрылся беглец.

— Это же Хильда Падар! — вдруг услышали мы тихий голосок Иренэ.

Действительно, это была так называемая «экономка».

Женщина дрожала не то от холода, не то от страха и волнения. Платок сполз с ее головы, коса распустилась.

— Он обманывал меня... — бормотала Хильда, судорожно сжимая концы платка.

— Я же говорила вам, — послышался тихий ответ Иренэ, и этот грустный голосок вызвал у женщины настоящую вспышку ярости.

— Лучше бы я тебе язык вырвала, змесьныш!.. — заголосила Хильда, но Пауль прикрикнул на нее и потащил за собой, прямо к подъезду дома Пюмана. Я и Рэнэ последовали за ними.

Короче говоря, дом бывшего главы местечка был подвергнут обыску. В гостиной мы нашли господина и госпожу Пюман, владельца универсального магазина господина Ландсдорфа и учителя Ребанэ. Пюман стоял, короткий и плотный, красный, как вареный рак, пытаясь придать себе величественность. Маленькие глазки достойного экземпляра племени серых баронов были полны ненависти и плохо скрытого страха. Ландсдорф встретил нас, повернувшись спиной к двери, делая вид, что рассматривает картину, изображавшую замок в горах. Учитель сидел в кресле-качалке, усиленно изучая фамильный альбом Пюманов. Мадам полулежала на диване, прижимая платок то к глазам, то к губам. Перед нею на круглом столике стояли чашки, кофейник, вазочка с печеньем.

— Вы напугали женщину... — такими странными словами встретил нас хозяин, делая жест в сторону жены. — Так могут поступать только...

— У вас спрятался стрелявший, — оборвал его Пауль. — Покажите дом, сад и двор. Иначе будете арестованы.

— Подчинитесь насилию, дорогой товарищ Пюман, — скрипучим голосом отозвался Ребанэ. — Спорить бесполезно. Они не признают неприкосновенности жилища.

— Да, если вы укрываете преступников, — отозвался Ояр, направляя красногвардейцев по комнатам.

— Кого же вы ищете? — не без ехидства задал вопрос Пюман. — Может быть вы нарисуете хоть приблизительно облик этого человека?

— Вот она знает! — в новом припадке злости закричала Хильда Падар, вырываясь от Пауля и подбегая к мадам Пюман. — И нечего искать по дворам. Ищите у нее в спальне или под юбкой!

— Негодяйка! Уберите вон эту проститутку из моего дома! — воскликнула Пюманша, зажимая уши ладонями, и противно завизжала.

Цепкие пальцы Хильды ухватили ее за волосы, и понадобилось вмешательство Пауля и мое, чтобы оттащить ее прочь от дивана.

— Кто стрелял? Говорите же! — прикрикнул на Хильду Виро.

— Он... Юрман... — прошептала женщина и, внезапно потеряв силы, опустилась на стул. — Я подсмотрела, как он собирался. Думала, к ней... он крадся... сбошел дом с другой стороны. И нигде ее не было. Потом он подобрался к вашему окну и когда выстрелил, то сразу побежал к ней. Это она его научила. Уверю вас, товарищи комиссары. Уверю... Я — бедная и честная женщина, и муж мой пропал на войне. Юрман мне все обещал и гово-

рил, что не бросит. И я бы никогда не стала учить его стрелять в окна... Это она... она...

Можете себе представить, какие физиономии стали у хозяев дома и у гостей, когда они прослушали этот трагический монолог. Пока Ояр с красногвардейцами осматривали дом, все так и стояли вокруг плакавшей женщины и молчали, боясь поднять глаза. Только мадам Пюман продолжала полулежать. Закрыв лицо обеими руками, она стонала. Мы с трудом разобрали слова:

— Это ложь... Он сам... Герой, герой...

Глядя на мрачные фигуры «отцов гсрода» и вспомнив рассказы о их деяниях, я постарался представить в своем воображении картину заговора.

В поздние осенние дни бывший заместитель председателя Совета вероятно уныло бродил по «бульвару», спасаясь от упреков своей прелестной Хильи и сетуя на трудные времена, когда люди перестали уважать таких замечательных людей, каким был он, учитель Ребанэ. Надо думать, «товарищ господин Ребанэ» в поисках уединения шел по саду медленно, с опущенной головой, как за громом почтенного родственника, пока не натолкнулся на две фигуры: одна была высокая, другая коротенькая — Ландсдорф и Пюман.

— Последние осенние дни, — вместо приветствия многозначительно заметил, приподнимая шляпу, учитель, и его знакомые насторожились.

— Что вы имеете в виду? — забеспокоились они. Ребанэ, конечно, горько усмехнулся, заложил руки за спину и поник головой.

— Вы как депутат все-таки в курсе событий, — льстиво бормотал Пюман, поддерживая учителя под руку. Ландсдорф подхватил под другую, а Ребанэ, еще более поникая головой, прошептал:

— Больше я не в силах сдерживать эту чернь...

Я столько времени жертвовал собой. Теперь должны действовать вы...

— Но мы будем просить вас... да, просить, — заторопился Ландсдорф, — чтобы вы не покидали своего поста у них.

— Вы можете принести обществу большую пользу, — подтвердил Пюман.

— Но мой авторитет ничему не поможет... Теперь будет повелевать военно-революционный комитет, — ответил учитель.

-- Как? Уже? — в один голос воскликнули почтенные спутники, соображая, о чем идет речь. Это были двадцатые числа октября. Всем троим, вероятно, очень хотелось, чтобы солнце, хоть краешком, осветило печальную Мыйзама. Но по небу сплошной, бесконечной завесой ползли набухшие дождем тучи. Сырые желтые и коричневые увядшие листья шуршали под ногами, прилипали к подошвам. За кустами у реки никто не смеялся, не пел. «Бульвар» был пуст. Трое стояли на безлюдной аллее сада, охваченные смутным чувством зарождавшегося страха перед неизвестным будущим, которое, очевидно, рисовалось им далеко не в привлекательных красках. Двое коротеньких и один длинный. Мелкие капли дождя усеивали их шляпы серебристым покровом. Ветер распахивал полы пальто. Один из них повторял:

— Нам надо поговорить, как следует. Прошу вас.

И когда они расстались, то их лица выражали не столько скорбь, сколько решимость. Несомненно, они собирались не раз. Кофе с отличным домашним печеньем создавало необходимую непринужденность. Конечно, никто не мог бы заподозрить существование какого-то заговора, глядя на попивающих кофе почтенных мужчин, в особенности на ловкого Юрмана, сидевшего с мадам Пюман на диване и увлеченного нашептыванием ей приятных

слов. Вероятно, в один из зимних вечеров эти люди решительно атаковали учителя Ребанэ и заявили прямо, что наступает момент, когда все средства хороши, и первым средством должна быть ликвидация главарей, местных большевиков, в первую очередь Виро, Каро и Ояра, а если удастся, то и других.

— Но я против насилия, — попытался обеспечить себе путь отступления хитрый учитель.

— От вас требуется только две совершенно безопасные вещи: во-первых, дать план комнат, рассказать, как и когда они там заседают. Вы еще недавно были депутатом. Вы должны знать, — грубо, прямолинейно отрезал Юрман. — Во-вторых, в случае удачи, дать свою подпись, как представителя определенной политической партии, под воззванием к населению. Остальное беру на себя. Он хлопнул себя кулаком по груди и метнул взгляд в сторону хозяйки дома.

— Ах, — воскликнула мадам, прижимая платочек к глазам: — Какие времена, какие герои!

Осторожный учитель все же, вероятно, спросил:

— А рота?

— Рота наготове. Офицеры — свои люди, ротный комитет существует только для отвода глаз, — ответил бравый Юрман, а Пюман добавил:

— Колебаться нельзя. Подумайте, уважаемый господин Ребанэ, в считанных километрах стоят наготове германские войска. Германские социал-демократы, — заметьте, через вас, как представителя социал-демократии, — протянут нам руку помощи.

— И культура восторжествует! — закончил хозяин дома, представительный господин Ландсдорф, сияя обольстительной улыбкой: — Мы покажем им, где растут у них ноги!

Тогда окончательно родился план...

Впрочем, все это только предположения, хотя

и недалекие от истины, но факт заговора впоследствии подтвердился, равно как и то, что госпожа Пюман благословила Юрмана на подвиг и даже поцеловала его в лоб.

Однако обыск в доме Пюмана никого и ничего подозрительного не обнаружил. Следы показали, что Юрман прошел через сад к реке, и это обстоятельство на время избавило и хозяев и их гостей от ареста. Но штабс-капитан оказался столь недогадливым, что не нашел ничего лучшего, как вернуться к себе на квартиру, очевидно, в расчете, что остался неопознанным. Через полчаса после возвращения он был застигнут красногвардейцами. Туда же привели и «экономку».

Хильда Падар, опустив руки на колени, не снимая шубки, сидела на табурете в кухне, не то прислушиваясь к стуку прикладов, не то думая о разбитом счастье. Ее сынок Вилли на этот раз скромно жался у двери, подглядывая, как люди с красными повязками на левых рукавах пересматривают вещи в шкафах и приподнимают большой ковер, который застилал спальную комнату. Когда товарищ Ояр коснулся тахты, паренок проявил живейший интерес; вытащенные из нее несколько пачек печатных листовок вызвали у глуповатого мальчишки реплику, полную искреннего, наивного удивления:

— Мама, а они нашли все-таки!

— Что нашли? — спросил я.

— Бумаги... которые прятал господин Юрман, — ответил парень.

— Кто их печатал?

— Не знаю.

Так печально закончилось недолгое благоденствие жены без вести пропавшего солдата Падара, госпожи Пюман и командира национальной роты штабс-капитана Юрмана. Все же меня заинтересо-

вало, как могло случиться, что Хильда заподозрила своего квартиранта в неверности. На пути домой я спросил Иренэ (она упорно следовала за нами и во время обысков смиренно поджидала меня на улице или в сенях):

— Что ты сказала Хильде, почему она тебя сбозвала змеенышем?

— Мы просто немного поспорили из-за этого негодного Вилли, — ответила девочка. — Меня разобрала злость, и я ее подразнила. Не люблю я эту «экономку».

Она шла, крепко держась за мою руку, устало опираясь на нее.

— Ну, не смейтесь больше, пожалуйста. Ведь и вам стало бы противно видеть, как этот Вилли обидел Мелли и как он хотел выставить меня лгуньей. Вы-то, небось, вперед ушли. Ну, а я-то не такая дура. Я сейчас же пригрозила позвать вас. Тогда Хильда сказала:

« — Очень нужны моему Вилли какие-то горелые зерна. Наш квартирант привозит всего вдоволь.

«Я тут вспомнила, как Эльмар говорил про то же самое и как он рассказывал, что часто возит Юрмана к Пюманам. Ну, а Пюманшу с Юрманом я сама видела в последнее воскресенье на «бульваре». Они шептались, совсем как Эльмар с Майэ. Ну, после этого меня совсем разобрала досада, я и крикнула:

« — Вы, тетя Хильда, своим Юрманом не хвастайтесь, лучше посмотрите, куда он ходит по вечерам.

«Я думала, что она меня убьет за эти слова, но «экономка» вдруг стала тихая. Подумала и ответила:

« — Если ты можешь поклясться, я тебе дам кофе, а если ты лжешь, лучше не попадайся мне на глаза!»

Иренэ вздохнула и умолкла. Наши шаги мягко отдавались легким скрипом в тишине спавшей

улицы. Было далеко за полночь. Девочка очень устала, и мне стало жаль мучить ее расспросами. Но она заговорила сама:

— Скажите, а хорошо я сделала, что поклялась? Ведь по-настоящему я ничего не знала. И мне даже стало немного жаль Хильду, хотя я ее и не люблю. Она так побледнела, а потом покраснела и стала грустной, даже голос задрожал. Что ж удивительного в том, что она подкараулила своего Юрмана? А мне-то больше всего хотелось достать кофе для маленькой Мелли, которую обидел Виали.

5

Такова эта почти романтическая история неудачной поздней любви госпожи Пюман. В результате захваченных листовок мы получили данные о подготовке контрреволюционной демонстрации, которая, в случае удачи, могла бы превратиться в свержение власти Совета в местечке и в приходе Мыйзама.

Буря неумолимо вторгалась в тихую Мыйзама. Однажды мы уселись за обеденный стол. Все было так же чинно и спокойно, как и в тот раз, когда я впервые вошел в этот дом. Только молчанье стало сосредоточеннее, и глава семьи особенно бережно нарезал ломти хлеба. При этом он делил их не на две, а на четыре части; никто не просил прибавки, а бедняжка Иренэ никак не могла рассчитывать, чтобы одного куска хватило на весь обед. На этот раз порядок был грубо нарушен тем, что отсутствовал сын. Старый Юри хмурился, но не решался выбрать председателя Совета. Всем было ясно, что его опять задерживают срочные дела.

Пауль все же опоздал немного. Он выглядел озабоченным, но, к нашей радости, повеселевшим. Читая в наших глазах затаенный интерес и будучи не в силах превозмочь охватившие его

чувства, он начал рассказывать о том, что пришел приказ о формировании отрядов Красной гвардии, которая должна быть двинута специально против баронов. В приходах, примыкавших к Мыйзама, выросло и распухало на горбах безземельных не менее десятка крупных поместий. Было где повоевать. К тому же помещики-немцы держались дружно, считая себя исконными владетельными рыцарями, и добровольно не собирались отдавать свои богатства. Они еще могли сопротивляться. Ложными слухами, страхом войны и голода, ложью о расправе большевиков над крестьянами, угрозой прихода войск Вильгельма им удавалось удерживать батрацкую силу в повиновении и ограждать от общения с земельными комитетами. В окрестных селениях «черные бароны» тоже не без успеха устрашали кое-кого из невежественных, недоверчивых, нерешительных и трусливых, не говоря о богачах — «серых баронах».

— У комитетов нет вооруженной силы отнять земли у баронов и передать их в руки безземельных. Наш городской отряд Красной гвардии слаб. Так действовать нельзя, — закончил свой рассказ Пауль.

— И что же? — строго посмотрев на сына, спросил старик.

— Мы постановили организовать новые отряды Красной гвардии. В деревнях и на мызах есть люди, которые возьмутся за оружие, и не только безземельные. Правительство выделяет средства. Нужны добровольцы.

В разговоре наступила долгая пауза. Старый Юри вдруг отложил ложку и обеими руками оперся о край стола. Мы невольно загляделись на него. Казалось, он сейчас заговорит. Но он только поднял голову и строго, как бы проверяя правдивость слов сына, посмотрел ему в глаза. Пауль терпеливо, стойко выдерживал взгляд, не произнося ни

слова (отец не любил, чтобы ему мешали думать). Потом Юри Виро встал, подошел к двери рабочей комнаты, так же задумчиво оглянул стол с оставленной работой и инструментом, вошел, снял с табуретки кожаный фартук, свернул и положил поверх инструмента.

— Анн! — позвал он.

Женщина появилась в дверях, тихая, готовая к исполнению приказаний любимого мужа. Ее серые глаза, уже выдавшие много грустного, смотрели ясно и не выказывали ничего, кроме заботы и преданности. Я посмотрел на старика и увидел, что он перестал быть сутулым; лицо и вся фигура Юри Виро были полны мощи, решительности и стремления; казалось, седые волосы развевались ветром.

— Ты уходишь? — спросила Анн.

Она сразу, по первому движению, поняла желание мужа, так как ждала этого уже месяцы.

— Пора. Теперь пора, — ответил Юри и, подумав, добавил: — Приготовь мне большие сапоги и шубу. Не забудь кружку.

Анн промолчала, все вещи лежали наготове.

— Хлеб и сахар давать будут? — спросил старик.

— Будут, — откликнулся Пауль: — и жалованье определено в пятьдесят рублей.

— Я и без денег знаю, что надо делать.

Конечно, старый Виро не забыл своего похода в девятьсот пятом году; и Анн хорошо помнила, как надо снаряжать бойца-партизана. Мать позвала дочерей. Майэ и Рёнэ стали усердно укладывать вещи, чистить и без того чистые сапоги, мыть и так уже мытую кружку.

Юри Виро молча оделся. Закинул за спину походный мешок. Жена и дочери подошли прощаться.

Старик поцеловал родных, а мне пожал и сильно потряс руку.

— Куда итти? — спросил он у сына.

— Не торопись, — попробовал уговорить Пауль, — отправка не сразу.

Но Юри, погладив напоследок голову прильнувшей к нему Рэнэ, пошел не оглядываясь. Семья провожала его до ворот. Анн с дочерьми долго стояла, глядя, как снова уходит на войну любимый суровый Юри. Соседки выглядывали из окон и подходили спросить, куда пошел старый Виро. А когда узнавали, то спешили сказать другим. Тогда многие мужчины, прослышав, что сапожник уже двинулся в поход, также пошли записываться в отряд. Жены и матери, сестры и дочери начали осматривать и чинить одежду и обувь, готовить в дорогу мешки.

Мыйзама шла на войну.

— Я тоже пойду, — в тот же вечер сказала светлая Майэ.

— Ты еще совсем девчонка, нельзя! — сердито крикнула Иренэ.

А Пауль, погруженный в раздумье, ответил ласково и примиряюще:

— Не шуметь, девочки. Все будем нужны.

Тихая Анн ничего не сказала. Она только покачала головой не то отрицательно, не то с сожалением и пошла накрыть рабочий стол мужа газетами, чтобы Юри нашел его по возвращении в том виде, как оставил.

6

В листовках и воззваниях, которые были найдены на квартире Юрмана, по адресу большевиков и Советов изливались потоки лжи и брани. Развязно говорилось о самостоятельной демократической Эстонской республике и вместе с тем намекалось на то, что «истинные сыны не останутся одни перед лицом цивилизованного мира».

Авторы прикрылись безликой подписью «Комитета спасения родины и революции». Мы догадывались об их именах и знали, что сами по себе эти люди не были способны сражаться с оружием в руках. Значит, какая-то сила стояла за их спиной, коль скоро враг тоже готовился перейти в наступление. По мере того, как вновь сформированные отряды Красной гвардии уходили в глубь страны, Паулем Виро и мною все более овладевало беспокойство. Внезапный удар по Мыйзама в одно мгновение мог бы свести на-нет все достигнутые успехи.

— Надо разоружить национальную роту, — сказал я, наконец, председателю Совета, — надо захватить имение Тизенхаузена. Почему вы этого не сделали?

— Мы решили начать с более отдаленных районов, откуда можно ожидать больших неожиданностей. За Тизенхаузенами мы следим, а если пошлем туда красногвардейцев, то в городе не останется никакой охраны. Нападением на имение мы можем только вспугнуть дичь.

— А рота?

— Она держится нейтрально, хотя национальные части — это сила «серых баронов». Мы не можем решиться на войну без поддержки из Таллина, но там, вероятно, силы нужны больше, чем для какой-то маленькой Мыйзама.

Итак, мы выжидали. Дни и ночи стали одинаково тревожными. Мы даже спали, имея наготове оружие. Двадцать пять человек красногвардейцев во главе с комиссаром милиции Оярм бесценно дежурили в своем штабе и в Совете. Женщины носили им пищу. Многие из них, в особенности девушки, готовы были тоже вступить в отряд, но не было оружия. Была принята только Майэ. Пауль дал ей один из своих револьверов.

Совсем притихла и товарищ Рэнэ. Занятия в школе не налаживались. То ли учитель болел, то ли просто не хотел работать. Девочка снова сидела у окна за книжкой. Когда я проходил мимо, ее темная головка обязательно поднималась, и наши взгляды встречались. Я угадывал в зеленых глазах затаенную надежду, но ничего радостного сообщить не мог и только старался улыбнуться как можно спокойнее и ласковее. Иногда она поднималась ко мне наверх и обращалась нежным, просительным тоном:

— Не гоните меня, пожалуйста. Я несколько вам не помешаю. Но мне так грустно смотреть на маму. Раньше хоть Майэ была, а теперь она редко бывает дома и ходит тоже невеселая.

Конечно, я позволял ей, и она усаживалась, тихая, как испуганный мышонок. Но однажды, подождав минут пять, Иренэ вдруг заерзала на табуретке, а затем подбежала и положила руку на мое плечо.

— Товарищ Волли, я должна сказать вам что-то. Вы можете меня послушать?

— Говори, товарищ Рэнэ.

— Ведь это хорошо, когда люди любят друг друга? Ну, конечно, хорошие люди. Вот, например...

Она задумалась на минутку и продолжала:

— Майэ любит Эльмара, а мама папу. И они очень беспокоятся. Они при других людях и даже при мне не плачут и не говорят, но я-то знаю это. И вот...

Девочка запнулась и покраснела от смущения.

— Это хорошая любовь, Иренэ. Ты ведь тоже любишь мать, отца, Майэ, и своего брата, и Эльмара, — сказал я, чтобы поддержать, видимо, сложную тему разговора.

— Вы совершенно правы, — одобрительно кивнула головой моя собеседница. — Но я хочу сказать

про любовь Майэ к Эльмару. Он ей не брат и не отец, а она, по-моему, любит его больше Пауля и отца, и уж, конечно, больше, чем я. А кто, как не я, первая сказала, что Эльмар Бездомный хороший парень и не надо его бояться? И мы всегда были с ним большими друзьями. Помните?

Действительно, разговор принимал несколько сложный оборот, а главное — не было понятно, что имела в виду моя глубокомысленная собеседница. Я промолчал.

— Так вот, — продолжала Иренэ, — мне кажется, что Майэ не имеет права говорить, что она любит Эльмара больше всех на свете.

— А разве она говорит?

Мой вопрос заставил Иренэ вновь покраснеть.

— Да... То есть она говорила матери и при этом плакала, уткнувшись носом ей в плечо, как маленькая. Просто не понимаю, зачем же плакать.

Она развела руками, а потом сложила их, сведя пальцы на груди, и сказала задумчиво:

— Вы, конечно, будете ругать меня, что я подслушала. Но она форменным образом ревела, так что было слышно, вероятно, даже на дворе. Но браните меня сколько хотите, а мне жаль ее. И хотя она не имеет права говорить так про свою любовь к Эльмару, я хочу ей помочь... Во-первых, потому, что я люблю свою сестру Майэ, а во-вторых, потому, что с Эльмаром снова может случиться плохо, если его не предупредить. А он, как назло, после ареста Юрмана в Мыйзама не приезжал.

Тут девочка поведала мне, разумеется, по секрету, о своем плане отправиться в казармы национальной роты, найти Эльмара и передать ему, что у нас делается, предупредить, чтобы он был осторожен.

— Ты не плохо придумала, — ответил я, поразмыслив, и не мог удержаться, чтобы не поцеловать умный лоб чуткой, самоотверженной девочки. — К тому же Майэ не так неправа, как ты думаешь. Но об этом поговорим после, а сегодня надо посоветоваться с Паулем.

Иренэ нахмурилась.

— Он не пустит меня. Я уж знаю... — сказала она. — Разве вы попросите.

В тот же вечер мы переговорили с Паулем и пришли к заключению, что не будет ничего странного и опасного в поступке девочки, которая принесет солдату небольшую посылку. Наши сообщения и указания для Эльмара Иренэ через пять минут выучила наизусть.

Утром она, бойкая, радостная, гордая полученным поручением, быстро пошла в сторону Старой Мыйзама и дальше.

У нас были серьезные основания беспокоиться за судьбу Эльмара. После нашумевшей истории с «Обществом голодающих» бароч фон Тизенхаузен, конечно, не пожелал оставить конюха у себя. Эльмар даже часа не пробыл в имении после своего возвращения, как управляющий, господин Либс, помахивая стэком и прищуриив злые глаза, коротко предложил убираться, куда угодно.

— И чтобы на пистолетный выстрел к владениям господина барона не подходить! — крикнул вдогонку ненавистный немец, хлопнув ладонью по правому боковому карману, где, как обычно, лежало оружие.

Товарищи из Совета порекомендовали парню наведаться в бюро записи в национальные части. Додумался до этого умный и хитроватый шорник Тийк, убедив всех, что Эльмар, пребывая в роте, будет, во-первых, сыт, а во-вторых, полезен, сообщая Совету обо всех ротных новостях. Товарищи

уже знали, сколь неразборчивы были вербовщики. И действительно, мой приятель, придя в бюро, сразу обнаружил, что организаторы дела держались весьма самоуверенно, как видно, считая, что к ним приходят только те, кто против Советов. Вот что рассказал Эльмар о своем поступлении в национальную роту.

— Давно пора взяться за ум, — полупрезрительно, полунаставительно сказал ему вместо приветствия человек в офицерской форме, но длинноволосый и в очках, по виду скорее похожий на доктора из городской больницы или на студента.

— Возьмете, Циммерман? — спросил он затем совсем молодого офицера, сидевшего на подоконнике с папироской в зубах. — Это тот самый, который бабами командовал и грозился оторвать голову Курвицу. Боевой парень. Как видно, после отсидки взялся за ум. На «товарищей»-то не особенно надеется. И правильно делает!

— Зачем он нам нужен? Да еще хромой... — нехотя процедил сквозь зубы поручик Циммерман, не вынимая папиросы изо рта.

— Юрман говорил, что ему нужны нестроевые. Он же отличный конюх. Это может подтвердить сам Либс, — ответил длинноволосый и добавил усмехаясь: — да у вас вообще нехватает людей. А таких, как этот бродяга, лучше иметь у себя под руками, нежели пускать их шататься по всему приходу. Он вам тогда послужит! Только платите да кормите во-время.

Эльмар с трудом удержался, чтобы не обругать офицеров самыми последними словами, но, сделав над собой усилие, сдержался и, потупив глаза, пробормотал:

— Надо же есть человеку. Дайте мне кусок хлеба, и я вам отработаю вдвое.

Циммерман согласился и, пригрозив Эльмару,

что свернет ему голову, если только заметит, что он занимается агитацией или хотя бы мечтает о каких-то обществах, отправил парня в казармы.

В тот же день мой приятель оказался в роте, которая встретила его не особенно приветливо.

— Ведь ты же к строевой службе негоден, на фронт не послали бы, — недоумевающе говорили сдны.

— Ничего, нам нужны настоящие добровольцы, — многозначительно подмигивая, одобряли другие.

— Пускай послужит, — снисходительно пробормотал толстый, упитанный парень; он с завидным аппетитом пожирал колбасу, засев на верхних нарах.

— Не подавись, помрешь раньше своего папы, большевикам наследство достанется, — подал кто-то насмешливую реплику.

— А ты что каркаешь?! — обозлился обжора и, поперхнувшись недожеванным куском, раскашлялся. Но и между приступами кашля он успевал отпускать злые ругательства по адресу тех, кто зарится на чужое добро.

Весь барак начал проклинать, божиться и угрожать немцам-баронам, их управляющим, большевикам, Советам, комиссарам и всем на свете, кто будет им мешать жить. Кто-то размахивал ножом. Было опасно вступить в спор. Конечно, Эльмару, памятуя к тому же наставления товарищей и обещание Циммермана, следовало держаться как можно осторожнее.

Такова была национальная рота: за малым исключением — «серые бароны», одетые в серые шинели. Упрямые, своенравные, однако строго подчинявшиеся унтер-офицерам, которые были из их же среды, но прошли долгую военную службу. Каждый дрожал за свое, но собранные вместе они чувствовали свою силу. Винтовки внушительно

поблескивали затворами в пирамидах. Офицеры усиленно подогревали страх перед большевиками и ежедневно выводили взводы на учения. Во время перекурск унтер-офицеры упорно намекали на то, что скоро потребуете сказать свое слово.

Понятно, что мы беспокоились за Эльмара, который не мог не быть там белой вороной.

7

Установлено, что Отто фон Тизенхаузен прибыл в имение к отцу незадолго до происшествия с Юрманом. Равным образом точно выяснено, что молодой барон, опасаясь встречи с Красной гвардией, миновал обычный путь мимо Мыйзама и, сделав большой крюк, прибыл со станции пешком, одетый в простую солдатскую шинель и в рваной папахе. Один из батраков, работавших у Тизенхаузенов, уверял, что молодой барон пришел хромя и сгибаясь от усталости, походя скорее на безжавшего из тюрьмы преступника, нежели на будущего хозяина богатого имения. Тот же Ян, по прозванию Вдовец, уверял, что старый Тизенхаузен, выйдя погулять и заметив на дороге странную фигуру, не узнал сына. Старик бросился домой, крича, что было мочи:

— Анна! Фрейлин Анна! Пошлите охрану.

Послушная экономка высунула голову из-за двери и приготовилась звать помощь, когда он, Ян-Вдовец, узнал молодого барона и доложил об этом хозяину. Однако, к сожалению, ни в Совет, ни в милицию Мыйзама никто не передал о прибытии поручика фон Тизенхаузена, который до переворота служил в одном из гвардейских полков в Петрограде. Явилось ли его прибытие в имение бегством от заслуженной суровой кары революционного закона, или он специально приехал, вняв мольбам

барона повернуть механизм машины неизвестного нам тогда «Д»? Вернее всего имело место и то и другое. Но самое главное, поручик сумел сохранить в тайне свое пребывание до развертывания событий, которые народная молва уже не облекла в форму интересных историй из жизни Мыйзама, но передает как дорогое сердцу повествование о священной гражданской войне, о борьбе за свою советскую власть, с гордостью перечисляя имена участников.

Первым узнал о присутствии в имении молодого барона и еще каких-то полувоенного вида людей Эльмар Бездомный. Получилось так, что однажды поручик Циммерман, заменивший Юрмана после ареста последнего, приказал заложить розвальни. Пока конюх возился с лошадью, фельдфебель и один из унтер-офицеров собственноручно поставили в розвальни какие-то ящики, накрыли их брезентом, забросали сеном. Циммерман сам сел на эти ящики, и, таким образом, парню сначала не удалось определить их содержимое. Впрочем, он и не удивился: немало вещей, в том числе и в ящиках, бывший командир роты возил к себе на квартиру. Эльмар думал, что и на этот раз придется ехать в Мыйзама. Однако, после того как выехали за ворота, Циммерман приказал свернуть не направо, а налево, и поскорее ехать в имение Тизенхаузена. У поворота в обсаженную елями аллею, которая вела к главному подъезду, сани были встречены людьми в полубубках и в меховых шапках. В одном наш товарищ сразу же признал молодого барона.

— Следуйте за нами, — сказал он Циммерману. — Мы пойдем вперед.

Эльмар быстро сообразил, куда они едут. Обычный подъездной путь находился на виду, просматриваясь и с большой дороги и со двора, а в парке

была пустынная аллея, укрытая от лишних взоров развесистыми деревьями и густым кустарником, зимой обычно занесенная снегом. Ворота, находившиеся в конце этой аллеи, были всегда закрыты, и сейчас могли пригодиться. Действительно, розвальни въехали в чащу парка и остановились, не доезжая дома. Ящики были выгружены и унесены. Циммерман ушел вместе со всеми, приказав Эльмару ждать.

И вот он стоял среди заснеженного притихшего парка, не замечая ни красоты природы, ни холода. Думалось об одном: нашелся бы поблизости хоть один человек из товарищей-батраков, чтобы передать о случившемся, об этом подозрительном грузе, который сильно смахивал на ящики с оружием и патронами, о такой неожиданно явной и прочной связи между командиром роты и бароном. Но вокруг не было ни души. День выдался ясный, морозный. Яркие пятна солнечного света сверкали на оснеженных деревьях и кустарниках. Где-то совсем рядом было жилье и живые люди. Ни крикнуть, ни сбегать было нельзя. Чувства тревоги и одиночества породили растерянность. Понадобилось усилие над собой, чтобы вернуть способность соображать быстро и правильно, а время бежало... Наконец, пришла в голову мысль написать. Ян-Вдовец, его бывший приятель и сосед по койке, продолжал работать у Тизенхаузенов и мог бы принять меры. Эльмар стал шарить по карманам. На счастье нашлись обрывки какой-то старой записки Юрмана и огрызок карандаша. Тогда удалось нацарапать:

«Ян. Бароны привезли оружие. Берегитесь. Скажите Виро. Эльмар».

Едва он успел спрятать записку в рукавицу, как послышались звонкий скрип снега и громкие голоса. Вернулись Циммерман и один из встречав-

ших. Оба сели в розвальни, и командир роты приказал возвращаться в казармы. Поехали. Эльмар выдумывал предлог остановиться в нужный момент, однако дорога, пролежавшая мимо имения, была пустынна, только на повороте у главной аллеи стоял вооруженный винтовкой охранник. Записка осталась лежать в рукавице.

Эта поездка произошла утром того дня, когда Иренэ отправилась навестить своего друга. Вот почему она не застала его в казарме и, получив ответ, что он повез куда-то самого командира роты, стала раздумывать, что ей делать. Наконец, она хлопнула себя по лбу и назвала дурой. Ведь если бы Эльмар поехал в Мыйзама, то они встретились бы на дороге. Значит, он поехал в другую сторону. Этот путь вел к Тизенхаузенам.

«Квартира Циммермана в Мыйзама, а не в имении. Значит, он самое большое будет обедать у барона, ну, поужинает, а после поедет обратно», подумала девочка и решила пойти навстречу.

Стоять на месте, да еще в старом пальтишке, было очень холодно. Товарищ Рэнэ быстро зашагала. Она не ошиблась. Не прошло и часа, как показалась знакомая лошадь. Но тут девочку охватило сомнение: Эльмар ехал не один, — важный, совершенно необходимый и секретный разговор мог срваться.

«Или вернуться к казарме? — подумала Иренэ.— Но вдруг Циммерман проедет прямо в Мыйзама...»

Она чуть не расплакалась от досады.

— Вот, швырну посылку прямо под ноги лошади, — пробормотала она в отчаянии и... радостно засмеялась. Капризная, сумасбродная мысль пришла очень кстати. Девочка быстро ослабила узел, стягивавший концы платка, в который была завернута посылка, и приняла вид ротозея, заглядевшегося на приближавшуюся резвую лошадку. Когда

розвальни были достаточно близко, она выпустила ношу из рук, взвизгнула, заметалась и, как бы растерявшись, присела на корточки на краю дороги. Лошадь остановилась, не добежав несколько метров.

— Рёнэ, глупая девочка, — пробормотал Эльмар, узнав свою маленькую приятельницу и считая, что она в самом деле едва не попала под лошадь.

— Ай, помогите мне! — умоляюще крикнула Иренэ, и по ее многозначительному взгляду Эльмар понял, что девочка пришла неспроста.

— Господин поручик, разрешите помочь, — обратился он к Циммерману. Последний, как и его спутник, сидел, подняв большой меховой воротник, и что-то пробормотал в ответ, очевидно, мало интересуясь происшествием.

Так состоялось свидание Эльмара и товарища Рёнэ. Оно продолжалось ровно столько, сколько требовалось, чтобы собрать рассыпавшуюся посылку.

— Эльмар, — сказала Иренэ, — будь осторожен. Пауль ждет выступления роты. Надо наших предупредить. А Майэ о тебе очень беспокоится и ведет себя, как маленькая. Но я тоже люблю тебя, а ведь не плачу.

— Передай Паулю, — ответил Эльмар, — что буду наготове. Поцелуй Майэ от меня. И вот еще что... Эту записку снеси в имение Яну-Вдовцу. Так и спросишь. Барак для бессемейных. Тут недалеко. Пускай прочтет, а потом, когда вернешься в Мыйзама, о том, что сказано в записке, расскажешь Паулю и Ояру. До свиданья.

Они расстались. Розвальни быстро проехали дальше. Иренэ гордо оглянулась вокруг, как бы призывая в свидетели всю природу. Девочке показалось все хорошим и даже почти веселым: спо-

койное голубое небо, подчеркивавшее чистую белизну сугробов, рослые сосны, величественно вознесшие к небу развесистые ветви, накрытые снеговыми шапками, и даже крики галки, пролетевшей где-то за деревьями. Товарищ Рёнэ засмеялась, потерла красной варежкой нос и, довольная собой, снова зашагала навстречу событиям.

8

Эльмар вновь оказался изолированным на территории казармы. С исчезновением из роты Юрмана (об его аресте в роте ничего не говорили), со вступлением в должность поручика Циммермана посещение Мыйзама командиром роты сразу прекратилось. Новый командир не стремился ни к себе домой, ни к Пюману. Зато он в первый же день съездил к Тизенхаузенам, и вот сегодня... Эльмару стала вырисовываться особая значимость этих поездок. Предупреждение, переданное Паулем, подтверждало подозрение. В довершение всего с Циммерманом приехал незнакомый человек, и сейчас они сидели вместе и, вероятно, о чем-то совещались. Эльмар торопливо закончил работу в конюшне и вышел во двор; внимательно осмотрел все его пространство в поисках пути, по которому можно было бы выбраться. Вывод из наблюдений еще более беспокоил парня. Кругом возвышались заостренные бревна, едва ли ему доступные, — принимая во внимание хромую ногу. А самое главное, посередине широкого двора стоял часовой. Это было новостью, но, без сомнения, вооруженный солдат топтался, ежась от холода, на самом видном месте, откуда, конечно, мог держать под надзором все возможные пути бегства. Тогда стало окончательно ясно, что если события еще не начались, то должны начаться в ближайшие дни, а может быть и часы.

Напряженное ожидание чувствовалось и в бараке. Но, как ни странно, никто не делал предположений, никто не спорил. Наглухо закрытые ворота и часовой посреди двора дали без слов понять то, что следовало, а может и унтер-офицеры уже шепнули своим людям все необходимое. Солдаты коротали остаток дня лежа, явно нарушая распорядок. Начальство, видя это, не кричало и не ругалось, но прислушивалось и присматривалось мрачными глазами седого краснолицего фельдфебеля. Ранние сумерки внесли еще больше томления. Казалось, ночь спустится на эти проклятые, холодные бараки и больше не уйдет... Все обитатели их, и Эльмар Бездомный вместе с ними, напряженно ждали сигнала, который должен был, казалось, положить предел этой безотрадной жизни под запором. И сигнал прозвучал.

Явно недоспав положенного числа часов, Эльмар был разбужен криками и тумаками дневального.

— Вставать! Вставать! В ружье!

Солдаты торопливо поднимались, прислушивались, протирали глаза, хватались за одежду и сапоги. При слабом свете единственной лампы виднелись две офицерские фигуры. Один из них был поручик Циммерман, второй — вчерашний незнакомец. На этот раз он был в форме капитана. За ними следовал фельдфебель.

— Вставать! — гаркнул поручик таким тоном, какого от него никогда не слыхивали; и сразу быстро замелькали штаны, гимнастерки, портянки.

— Вставать, пить чай и строиться во дворе, — густым басом повторил команду фельдфебель.

Эльмар вскочил быстрее всех. Ковыляя, он пробжал через весь барак туда, где должен был находиться председатель ротного комитета. Все же следовало что-то сделать, — если не сорвать высту-

пленение, то хотя бы задержать и выиграть время... Но, добежав до пустых нар, наш товарищ вспомнил, что председатель, толстый и хитрый Пееть, заболел третьего дня и лежит в лазарете. Тогда, наскоро проглотив завтрак, он устремился в ротную канцелярию под предлогом спросить, нужна ли лошадь. Циммерман и незнакомый капитан были там и, нетерпеливо поглядывая в темное окно, усиленно дымили папиросами. В ответ на вопрос конюха поручик коротко бросил:

— Нет, оставайся здесь.

Пропал еще один шанс. Собираясь с мыслями, Эльмар вышел в сени. Со двора из утренней темноты доносились крики. Шеренги выстраивались и снова почему-то ломались. Унтер-офицеры стаяли отдельной кучкой. Фигуры людей стали легко различимы; на фоне неба четко вырисовывались зубья забора. Начинался рассвет. Медлить было нельзя.

Проскользнув с крыльца, Эльмар краем двора прсбрался к конюшне. Пока унтер-офицеры производили расчет и приводили в порядок ряды, он вывел кобылу и поставил за сараем. Когда послышалась команда «смирно», он притаился наготове рядом с лошадью. По шагам и голосу он угадал, что вышел поручик Циммерман, который поздоровался. Рота ответила. Потом снова послышался голос ротного. Циммерман говорил о приезде, представляя его как члена ландтага, разогнанного большевиками. Затем невнятным баском заговорил капитан. Его речь была коротка. По отрывочным, долетавшим за угол здания словам Эльмар понял, что он призывает солдат выступать «на защиту интересов эстонского народа», против тех, «кто хочет отнять нажитое трудами отцов и дедов». При первых словах оратора по шеренгам пробежал шум голосов, а при последних раздалось мрачные ругательства. Порох заго-

релся. Эльмар готов был кинуться вперед, чтобы разоблачить, откуда привез он неизвестного офицера, но разве послушались бы его сыновья «серых баронов» в солдатских шинелях, злые до умопомрачения?.. А рота шумела, стуча прикладами, заглушая слова оратора. Слова команды, произнесенные резко и нараспев поручиком, восстановили порядок. Стало зловеще тихо. Даже на учениях так не бывало. Явственно слышалось, как унтер-офицеры прошагали на свои места.

«Пора! Сейчас откроют ворота», — сообразил Эльмар, вскочил на лошадь, рванул поводья и стремительно вылетел наперерез роты, перестраивавшейся в походную колонну.

— Стой! — закричал, что было мочи, парень. — Стой! Это обман! Они стоят за немецких баронов!

Головное отделение остановилось, не успев пройти ворота. На него надвинулись последующие ряды. Строй сломался. Несколько винтовок опустилось.

— Держите его! — завопил Циммерман, хватаясь за кобуру. Двое солдат подскочили к лошади. Один из них схватил всадника за ногу. Но время уже было выиграно. Эльмар круто повернул кобылу, сбивая с ног противников, и рванулся вперед, минуя ворота.

— Стреляй! — крикнул Циммерман и выстрелил.

Однако стрелять было трудно и опасно, так как солдаты теснились в узком проезде, а дальше начиналась извилистая лесная дорога. Кольцо было прорвано. Когда стрелки выбежали за первый поворот, всадник скрылся за следующим. Не замечая мороза, Эльмар мчался с тревожной вестью в Мыйзама.

Как уже было сказано, последние дни мы проводили в состоянии непрерывной готовности. Поэтому никто из нас не удивился, когда на стенах домов, наконец, обнаружались воззвания, обращенные ко всем желающим постоять «за свободу эстонской земли» и подписанные уже знакомым псевдонимом «Комитет спасения родины и революции». Это были точно такие же прокламации, какие захватили на квартире у Юрмана. Но, главное, на этот раз они назначили определенный срок демонстрации, причем синим карандашом от руки была проставлена дата следующего дня. Развязка близилась. Пауль порадовался, что во-время послал Иренэ к Эльмару; мы с нетерпением ждали ее возвращения. Ей были оставлены самые вкусные кусочки незатейливого обеда. Майэ много раз выбегала к воротам, чтобы посмотреть в дальний конец улицы, но девочка не приходила. Наше приподнятое, боевое настроение постепенно упало и заменилось самым настоящим волнением и беспокойством. В сумерки ко мне поднялись Пауль и Майэ. Девушка усиленно терла глаза, а ее брат выглядел суровым. Мне показалось, что они пришли укорять меня, и я сидел за столом, зажав виски кулаками, в бесплодных попытках найти выход из положения, но Пауль только сказал:

— Наш товарищ осмотрел всю дорогу до казарм и даже спрашивал охрану. Иренэ нет... Трудно допустить, что ее задержали. В таком случае с Эльмаром тоже неладно... Мы сказали матери, что послали ее в соседнюю деревню Силля и что она наверное там заночует... А завтра надо искать, искать...

А что должно было принести это «завтра»? Оно близилось, скрытое за наступающими сумерками. Оно готовило нам что-то, может быть совсем рядом, на соседних улицах, на площади.

Я молча кивнул головой в знак понимания и стал собираться. Было решено с наступлением темноты занять посты в Совете и в штабе Красной гвардии, имея под наблюдением площадь и мост, а вместе с тем и район, где расположились самые богатые дома, в первую очередь бледногубое обиталище Пюмана. Мы почти не спали в ту ночь, но об Иренэ больше не говорили.

Наступило утро. На наше счастье враг оказался неторопливым, но точным. Демонстрация состоялась в назначенный день и началась только тогда, когда стало совсем светло.

Сначала у моста и в городском саду появились небольшие кучки людей. Они как бы прогуливались, нарочито громко смеялись, вызываясь показывая пальцами в сторону дома Совета. То ли красногвардеец в рваной шубе вызывал у них такое веселое настроение, то ли они издевались над новым, яркокрасным флагом. Виро, Тийк, Ояр и другие товарищи узнавали в этих гуляющих людях местную «золотую» молодежь, сыновей богатых родителей.

После молодежи стали появляться граждане солидней. Там были лавочники, которые привели своих приказчиков, группа зажиточных хозяев из Старой Мыйзама; показались главные гвсруны: адвокаты Рыук и Тамм и разжалованный судья с красным носом. Наконец выползла крупная фигура с лунообразным лицом владельца универсального магазина. Позже всех появились официальные представители политических партий — Пюман и Ребанэ.

— И эта лисица с ними! — сказал Виро, добавляя скверное ругательство по адресу учителя, и вдруг закричал: — Эльмар! Смотрите! Это наш Эльмар верхом!

— Удрал, — удовлетворенно откликнулся кто-то. Однако мы невольно сдержали проявление чувств.

Поведение всадника ясно показывало, что он везет важные новости. Даже Майэ не произнесла ни слова и стояла, заглядывая из-за моего плеча в окно; только глаза ее сияли восторгом. Первые слова, с которыми мы обратились к нашему товарищу, когда он пробился сквозь толпу и вбежал в дом, были:

— Что случилось? Где рота?

— Рота идет, — почти прохрипел Эльмар и стал растирать заочиненные пальцы рук и колени.

— Сколько в роте? — спросил Пауль.

— Почти семьдесят.

— Пулеметы есть?

— Нет. Но все с винтовками.

— Двадцать пять против семидесяти, — пробормотал, хмурясь и почесывая небритый подбородок, Тийк.

Старый рабочий был осторожен, но смел и хитер. Он уже что-то придумывал и нашептывал комиссару милиции Ояру. Впрочем, глядя на его обычно угрюмое, скуластое, неподвижное лицо, почти всегда полузакрытое седой щетиной, меньше всего можно было заподозрить его в хитрости.

— А у нас есть пулемет, — робко заметила Майэ.

— Правильно, — одобрительно крикнул Тийк: — я об этом и говорю.

— Но у нас нехватит сил, чтобы защищать все учреждения, обезопасить все улицы, — заметил Пауль.

— Мы будем не защищаться, а нападать, — возразил Ояр и сообщил план действий.

— Кроме того, наши женщины тоже сумеют постоять за себя, и не только такие, как Майэ, — закончил он свои соображения.

Комиссар милиции был прав. Повсюду возле скромных домиков уже собирались хозяйки. Они обсуждали возможные последствия демонстрации.

Многие из них потом признались, что готовили острые и тяжелые предметы хозяйственного обихода, которые могли бы пригодиться в рукопашной схватке.

Когда на другом берегу показалась национальная рота, толпа горожан-демонстрантов заволновалась и отхлынула в стороны, к магазину Ландсдорфа и к дому Пюмана, пропуская вооруженную силу вперед. Когда спины солдат заслонили толпу со стороны Совета, люди вновь придвинулись к высокому крыльцу бледноголубого обиталища бывшего главы местечка, и на этой импровизированной трибуне появился в длиннополой шубе и большой меховой шапке сам Пюман.

— Отлично, — сказал Ояр Паулю. — Они собираются поболтать. Действуй со стороны Совета, а я разверну своих парней вокруг площади.

Комиссар милиции ушел в штаб Красной гвардии, и вскоре мы заметили, как группы красногвардейцев появились на ближайших углах улиц. Это были слабые силы, но, в крайнем случае, они могли засесть во дворах и домах, ведя перекрестный огонь. Незанятым остался только мост — путь отступления для роты и путь возможного прибытия поддержки отряда Каро, который раньше других выполнил свою задачу в приходе. Туда еще вчера был послан нарочный, и Каро ожидался вечером. Однако дело окончилось раньше.

Мороз не благоприятствовал митингу. К тому же с речами подвизались известные говоруны: господа Тамм, Рук и Ребанэ. Глядя в окна, мы видели, как солдаты, ломая строй, начали притоптывать ногами, похлопывать руками. Разгоряченные скорым маршем, которым рота следовала из казарм в Мыйзама, они начали зябнуть. Когда топот превратился в непрерывный гул, Пауль скомандовал:

— Пулемет на позицию! Пора разгонять!

— Давай, я разгоню! — спохватился Эльмар.

— Нет, это дело милиции. Майэ, иди к Ояру и передай, чтобы действовал строго по плану. Огонь откроем только в случае стрельбы с той стороны. Девушка быстро ушла, а Пауль и Эльмар вытащили пулемет на крыльцо. Несколько красногвардейцев и я вместе с ними, вооруженные винтовками, заняли места вдоль по фасаду дома, укрывшись за кучами снега.

Услышав стук выкатываемого «максима», солдаты, а за ними и остальные участники митинга стали оборачиваться. В это время на трибуне снова красовался господин Пюман. Его речь звучала боевыми нотами и, вероятно, была заключительной. Однако Пюман невольно замолчал, тоже засмотрелся в сторону пулемета и даже забыл опустить величественно поднятую вверх правую руку.

Наступила пауза, после которой толпа дрогнула, задвигалась, а некоторые солдаты сами, без команды, взяли винтовки на изготовку. Рота не была готова к бою. Сломанные шеренги стояли кучно, а офицеры были прижаты к трибуне.

Пюман что-то закричал. Густые голоса неясно прогудели в ответ и затихли. Снова последовала пауза. Потом вперед выбрался Циммерман и звонким срывающимся голосом стал вызывать офицеров. Но не успели те выйти вперед, как один из солдат обернулся к руководителю митинга. Не было видно лица говорившего, но ясно был слышен его резкий сердитый голос:

— Мне советская власть пока ничего плохого не сделала. Я лучше домой уйду.

Все уловили и поняли его характерный безнадежный жест. Солдат махнул рукой, вскинул винтовку за плечо, растолкал соседей и пошел к мосту. Циммерман выхватил пистолет.

— Стой! Назад! — крикнул он. — Арестуйте его.

Он не нашел ничего лучше, как дать выстрел. Правда, он стрелял вверх, но это было сигналом. Наш пулеметчик дал очередь, и грохот пулеметной стрельбы прозвучал потрясающе. С крыши бледно-голубого дома полетел снег (по приказанию Пауля прицел был взят выше толпы); стая галок взлетела с деревьев сада. Толпа метнулась, как стадо. Раздался чей-то истерический крик и плач. Циммерман, явно волнуясь, скомандовал: «Ложись» — и повалился впереди своей роты. Некоторые солдаты легли, а несколько человек шарахнулось назад. Убедившись, что стрельба прекратилась, они оглянулись, обменялись мнениями, вскинули винтовки за плечи и тоже пошли вслед за первым, который уже стоял на мосту, с любопытством наблюдая ход событий, происходивших на площади. А на ней осталась наполовину лежавшая, наполовину топтавшаяся у бледно-голубого дома пресловутая национальная рота да кучка молодых людей гимназического вида. Остальные граждане исчезли. Только кое-где из калиток высовывались головы любопытных. Зато заметно выделялись группы красногвардейцев на углах улиц.

Поручик Циммерман приподнялся, оглянулся, встал и начал смущенно отряхивать снег.

Снова наступила томительная пауза. Мне уже стало неудобно стоять на одном колене; без приказа я не решался ни лечь, ни встать, а сам думал, в кого именно стрелять, если начнется перестрелка. Пока я размышлял, рота пришла в движение. Послышалась солдатская брань. Люди медленно, шаг за шагом, стали отходить за угол дома, по направлению к мосту, все время оглядываясь на пулемет. Офицеры попытались скомандовать, но их не слушали. В это время из двора штаба Красной гвардии на площадь выехал комиссар милиции Ояр. Он сидел на маленькой, белой с черными пятнами ко-

было, подгибая свои длинные ноги, чтобы не загрести снег. Это было почти смешно. Зато Ояр был увешан револьверами и ручными гранатами, а за плечами болтался карабин. Серьезное, хмурое лицо, которому рыжие усы придавали воинственный вид, дополняло впечатление силы. Товарищ Ояр уверенно и торжественно восседал на кобылке и так же уверенно, но презрительно-сурово крикнул демонстрантам:

— Эй, вы! Советская власть спрашивает вас, кто вы такие и кто вам разрешил устраивать митинги, да еще с оружием и стрельбой?

— У нас теперь свобода, — ответил какой-то гимназист.

Ояр вспыхнул.

— Я спрашиваю, поставлены ли в известность о вашей демонстрации милиция и Совет депутатов?

Глядя на лица поручика Циммермана и других офицеров, можно было сразу убедиться в их желании стащить с лошади нашего товарища, избить его и даже прикончить. Но... пулемет упорно глядел прямо на них.

— Расходись с богом! — благочестиво напутствовал товарищ Ояр. И рота ушла беспорядочной толпой, кляня большевиков, баронов и все на свете.

Когда последние солдаты скрылись за Палайеги, мы вновь собрались в доме Совета, поздравляя друг друга с победой. Стало шумно и весело. Товарищи трясали друг другу руки и хлопали по спинам, пока не прозвучал тревожный голос Майз:

— Где же моя сестренка?

Эльмар с удивлением взглянул на нас.

— Разве она не вернулась? — спросил он.

Наше радостное настроение сразу исчезло. Все недоумевающе переглянулись.

— Я попросил ее снести записку Яну-Вдовцу в имение Тизенхаузена, только снести, сразу вер-

нуться и рассказать вам, — пояснил Эльмар, тяжело опускаясь на стул. — Неужели что-нибудь случилось?..

— Вот как... Ты послал... — пробормотал Пауль.

Майэ со страхом посмотрела брату в глаза и положила руку на его плечо.

— Не волнуйся, — сказала она, — я сейчас же пойду туда и приведу. Ничего серьезного не могло случиться. Она же маленькая...

— Нет, я сам пойду! — твердо сказал Эльмар. — Я послал, — я и найду ее.

Он немедленно встал, застегнул шинель, надвинул на уши папаху. Следовало подумать, как опасно было Эльмару Бездомному появляться у своих прежних хозяев.

— Эльмару лучше не ходить, — заметил я.

— Тебе, что ли, итти? — грубовато оборвал меня Пауль. Все же, подумав, он спросил: — Кто пойдет к Тизенхаузенам, товарищи?

Ответило несколько голосов, но Эльмар не стал дожидаться и спорить. Крепко пожав руку Майэ, он быстро ушел, и мы увидели напоследок только его спину, когда он, прихрамывая, шагал через площадь к мосту. Небо очистилось от туч. Солнце ярко озарило городок, но солнечный свет был холоден, так же как и бледноголубое небо и белые сугробы, лежавшие под ним. Мороз крепчал и, казалось, еще больше закалял, делал более суровыми сердца людей, начавших гражданскую войну. Твердо и сурово уходил в сторону Старой Мыйзама наш смелый товарищ; сурово провожали его наши взгляды. Только один взгляд, взгляд девушки-красногвардейца отразил не то испуг, не то просьбу, молчаливо обращенные к старшему, который приходился ей братом. Но и она сдержалась, промолчала и лишь потупила печальные глаза.

Под покровом темноты хромой парень в солдатской форме все-таки сумел незаметно пробраться в барак бессемейных имения Тизенхаузена. Обитатели барака, среди которых нашлось немало старых знакомых, уделили ему кое-что из остатков своего скудного ужина и устроили тайком на ночлег.

— Приходила девочка? — прежде всего спросил Эльмар.

— Она у Тони. Нельзя же было оставлять ее в нашем бараке, — ответил Ян-Вдовец.

— А зачем оставлять?

— Вчера вечером управляющий запретил выход с охраняемой территории имения и взрослым и детям. Мы побоялись пускать девочку. Охранники, когда пьяны, стреляют без предупреждения. Что-нибудь случилось в Мыйзама?

— Да, — ответил Эльмар, облегченно вздохнув, и рассказал про роту и про события на площади.

— Об этом надо знать всем, — сказал Ян-Вдовец. Его худое, с впалыми щеками лицо загорелось необычным румянцем, оживилось. — Надо, надо, — повторял он, покачивая головой и нервно потирая руки. — Сейчас будем спать, а утром, после завтрака, расскажешь. Все ждут, когда же начнем жить по-новому... После этого мы поедem в лес на работу, а ты с девочкой пойдешь в Мыйзама. Вот только не знаю, как выпустят.

— Посмотрим... Теперь и бароны должны быть посмирнее... Передай Ирэнэ, что я здесь, — ответил, зевая, Эльмар. Смертельная усталость внезапно охватила его, и уже не хотелось думать, как он будет действовать завтра.

Между тем весть о приходе Эльмара Бездомного быстро облетела рабочие бараки, и утром у бессемейных стало тесно от посетителей. Люди сидели

и полулежали на топчанах, плотно окружив нежданного гостя, рядом с которым гордо восседала товарищ Рёнэ в красной шапочке. Своими взглядами она как бы приглашала всех быть особенно внимательными к словам ее старшего друга, а также убедиться в правоте ее собственных слов. Собравшиеся так увлеклись беседой, что даже не обратили внимания на то, что колокол ударил сигнал на работу.

— Скоро будут делить землю? — допытывались безземельные. — Сколько раз обещали!

— Делить ее незачем, — важно ответил Эльмар: — баронов прогоним и будем владеть имением сообща.

— Непонятно, — заметил Ян-Вдовец, но Эльмар не успел объяснить, так как в дверь просунулся какой-то человек и крикнул:

— Поторапливайтесь, ребята! Управляющий идет.

Толпа зашевелилась. Кое-кто стал натягивать шапки, но рассказы о том, как по всей стране Красная гвардия уничтожает немецкую баронскую кабалу, забирая имения и передавая их в руки безземельных, были интереснее работы. Мужчины и женщины продолжали толпиться, и в дверях было так тесно, что подошедший господин Либе не мог добраться до человека, сидевшего в глубине барака.

Управляющий приказал еще раз бить в колокол, а сам пошел к хозяевам, а может быть просто за охранниками, так как минут через десять он вернулся в сопровождении шестерых молодых.

Между тем Эльмар, видя, что люди не расходятся, невольно продолжал отвечать на вопросы. Он не заметил, как его отдельные ответы и рассуждения превратились в горячую речь. Парень даже встал и, увлеченный глубочайшим вниманием окружающих, стал объяснять, как надо выбирать батрацкий комитет.

— Вы можете выбрать комитет даже теперь. К тому времени, как подоспеет Красная гвардия, вы будете готовы взять хозяйство в свои руки. И жизнь пойдет, как по маслу. Довольно жрать пустую хапу-пийма!

Так убеждал Эльмар. Многие из его бывших товарищей по бараку удивлялись и спрашивали сами себя, тот ли это Эльмар Бездомный, который ни с кем не хотел разговаривать и больше думал о выпивке. Речь возымела такой успех, что Ян-Вдовец влез на табурет и, став от этого таким высоким, что мог достать до потолка, сорвал с головы ушастую шапку и взмахнул ею, требуя внимания.

— Я давно говорил о том, что пора взяться за дело, — заявил он. — Видите, везде наши безземельные действуют. Пора и нам. Сегодня же вечером обсудим этот вопрос, здесь, у меня. Выберем комитет, а Красная гвардия из Мыйзама нам поможет.

Едва он успел сказать, как на дворе грохнул выстрел.

— Охранники идут!.. — предупреждающе прокричал тонкий женский голос.

Люди, стоявшие у крыльца и в дверях, инстинктивно кинулись внутрь барака, так как свирепые молодцы с отъевшимися наглыми рожами, одетые в полушубки и солдатские папахи, щелкали затворами, наводя винтовки на толпу.

— Не смейте стрелять! — кричал стоявший впереди всех пожилой Михкель Тони из семейных батраков. — Здесь простые разговоры... Здесь дети... Сейчас все пойдут.

Тони распростер руки, заслоняя собою вход.

Эльмар хотел пробиться к дверям, но толпа теснее сжала его со всех сторон.

— Эльмар, — в испуге окликнула его Иренэ, но она осталась сзади. Даже не было видно ее красной шапочки.

— Не бойся, Рэнэ, — ответил Эльмар.

Его голос потонул в общем гуле. Послышались испуганные женские крики. Несколько ребят, затесавшихся между взрослыми, плакали и просили их выпустить. Но выхода не было..

Охранники подняли ружья и дали беспорядочный залп. Так как никто не упал, все поняли, что стрельба производилась холостыми патронами. Шум стих. Тони опустил руки. Тогда из-за шеренги охранников вышел управляющий господин Либе. Он был в своем обычном тирольском костюме и держал в одной руке хлыст, а в другой — браунинг. Щеки управляющего ярко пылали, глаза лихорадочно блестели. Когда немец, подойдя вплотную, начал говорить, Михкель Тони явственно разобрал запах водки. Батрак сказал возмущенно:

— Вы пьяны, господин управляющий. Прекратите опасную забаву. Может случиться несчастье.

— Арестуйте его! — крикнул в ответ Либе, храбро наводя пистолет на безоружного седого человека. Молодцы в папахх подхватили Михкеля под руки и оттащили в сторону.

— Теперь выходите! — приказал Либе.

— Выходите, выходите! — повторили вперебой люди. — Он всех перестреляет с пьяных глаз.

— Не давайте им товарища Тони! — закричал Ян-Вдовец. — Он не имеет права арестовывать свободных граждан.

— И его забрать! — скомандовал Либе.

Охранники вновь направили винтовки на толпу и сделали шаг вперед, но с людьми вдруг что-то случилось. Они не отступили и даже не расступились.

Мужчины, угрюмо насупившись и оттеснив женщин, встали перед баракom плотной стеной. Однако у них не было никакого оружия, кроме ножей и нескольких топоров.

— Бей прикладами! — приказал Либе.

— Пустите! — вмешался Ян-Вдовец и вырвался вперед.

— А где главный? — спросил управляющий.

Под ударами прикладов люди подались в стороны, и Эльмар Бездомный лицом к лицу столкнулся со своим старым знакомцем господином Либе.

— Так это ты?! — криво усмехаясь и с некоторым удивлением спросил немец. — Значит, снова устраиваешь бунты? А ты забыл, что я тебе сказал напоследок...

— Подлая, немецкая, баронская свинья, — с ненавистью сказал Эльмар. Гнев порохом вспыхнул в его душе, и чувство жгучей злобы заставило забыть все. Холеное, словно бархатное лицо с бакенбардами маячило перед самыми глазами. Парень рванулся к нему, хватая руку врага, в которой было зажато оружие, и одновременно нанося удар прямо в нос. Прежде чем хлопнул выстрел, те, кто стояли поближе, ясно услышали, как хрустнули зубы управляющего.

Все же схватка окончилась не в пользу Эльмара. Правда, пуля прошла мимо, и господин Либе сам упал, как мешок, но охранники не зевали. Один из них так двинул парня прикладом в бок, что Эльмар только охнул и почти без сознания опустился на ступеньки крыльца.

Неравный бой окончился. Батраки, стоя в снегу, широким полукругом обступили место сражения и группу арестованных товарищей. Немец, прикрывая нос и рот платком, осторожно поднимался, подбирая тирольскую шляпу. Один из охранников совал ему в карман браунинг. Остальные стояли с винтовками наготове. На снегу ярко выступали красные пятна, обозначающие место падения господина Либе. Зловещее безмолвие охватило всю уличку, на которой вытянулись жилые дома бат-

раков. Молчали люди, притихла природа. Ясное небо дышало морозом, но никто не замечал холода. Ярость и ненависть согревали людей. Теперь они и под угрозой наведенного оружия не хотели повиноваться ненавистным баронам.

— За невыход на работу штраф! — глухо крикнул управляющий и, махнув охранникам окровавленным платком, поспешно пошел прочь.

Арестованных увели. Батраки долго смотрели вслед и, вместе с ними, девочка в красной шапочке.

Пораженная испугом, она, как статуя, стояла в оставшихся распахнутыми дверях барака. Ее глаза были широко открыты. Наконец она не выдержала, опустила голову и горько заплакала, закрывая лицо красными варежками. Так стояла она, убитая горем, пока чья-то ласковая рука не увела ее в дом.

11

Отряд товарища Каро, как мы и ждали, подошел к вечеру дня вышеописанного столкновения с национальной ротой. К этому моменту уже был разработан план ликвидации враждебных нам сил и были заняты красногвардейскими заставами дороги. С наступлением темноты товарищ Ояр произвел аресты. Знаменитый глава местечка и прихода Пюман, не менее знаменитые адвокаты Тамм и Рюк, прославленный учитель Ребанэ, наконец ротные офицеры, поспевшие после неудачи покинуть вверенное им воинство, — все они нашли свое место в том самом подвале, где когда-то мне довелось познакомиться с Эльмаром Бездомным.

Позднее, ночью, Каро, собрав усиленный отряд красногвардейцев, совершил марш к казармам, захватил врасплох сонных, и без того уже потерявших уверенность и боевой дух солдат, отобрал вин-

товки и приказал с утра расходиться по домам. Сыны «серых баронов» угрюмо подчинились, а некоторые парни из бездомных и малоземельных робко попросили принять их в Красную гвардию. Таков был бесславный конец национальной роты, и в начале нового дня красногвардейский отряд гордо вступил в Мыйзама. Снег скрипел под дружными шагами. Услышав мерный, по-военному крепкий марш, граждане выходили к калиткам, улыбаясь своему маленькому, но храброму войску. Приподнявшееся над крышами солнце тоже приветствовало победителей-бойцов. Его лучи казались сегодня более теплыми и ласковыми, но вид бойцов был суров. Несмотря на усталость, они были готовы к новым схваткам. Им не пришлось долго ожидать.

Вот снова сидели мы, — то есть Пауль, Тамм, Ояр, Майэ и я, — в кабинете predisполкома. Сидели и думали об одном. Цикл событий закончился, и до начала второго (а мы были уверены, что таковой последует) можно было бы отдохнуть, если бы не это «одно»: Эльмар и Рёне не возвращались. Оставалось силою торгнуться в имение Тизенхаузена. Такое решение уже было принято, но следовало дать хотя бы небольшой отдых красногвардейцам. День прошел в томительном ожидании. К вечеру Майэ начала все чаще утирать набегавшие слезы. За обеденным столом мы старались подкреплять друг друга нарочито спокойными взглядами, но не заговаривали о случившемся. Не теряя надежды выручить нашего маленького товарища, мы воздерживались тревожить мать. Анн, словно догадываясь, была особенно сдержанна; ее тонкие бледные губы тесно сомкнулись.

Вечером, когда звезды усыпали черное небо и узенький серп зарождавшейся луны робко осветил городок и окрестные поля, когда граждане приготавливались коротать холодную зимнюю ночь, мы

уселись вокруг стола Виро. Натопленная печь излучала приятное, размаривающее тепло. Истошив темы для разговоров, мы начали дремать, как пдруг Майэ насторожилась, поднялась со стула и, подойдя к окну, прислушалась.

— Кто-то бежит, — прошептала она.

Сон слетел с наших глаз, но мы ничего не могли различить.

— Тебе приснилось, — сказал Пауль, но Майэ, не отвечая, побежала к выходу...

Тогда мы услышали жалобный детский голос.

— Рэнэ! — вскрикнул Пауль, устремляясь вслед за сестрой.

А та уже шла навстречу, ведя рыдающую Иренэ и плача сама. Девочка была без шапочки, без варежек. Обессиленная, она опустилась прямо на пол у наших ног. Крайнее утомление и рыданье лишили ее способности говорить. Она тряслась и только, как бы умоляя, протягивала нам обмороженные руки. Слезы бесконечным потоком катились по пылавшим щекам...

Мы влили ей в рот несколько ложек горячей воды, растерли пальцы и уши. Майэ долгими, согревающими поцелуями уняла дрожь. Тогда, вновь обретя самообладание, девочка прошептала:

— Скорее поезжайте туда... Они убивают... Там Эльмар и еще другие.

Слезы вновь хлынули из глаз Иренэ. От ее слов нас тоже охватила дрожь.

— Ояр, вызывай Каро с отрядом... — приказал Пауль: — Мобилизовать лошадей! Выезжать как можно скорее!..

Ояр мгновенно исчез, а мы обступили нашего маленького товарища, пытаюсь успокоить и расспросить о случившемся. Рэнэ сидела перед печкой, закрыв лицо ладонями, и хотя уже не плакала, но безмолвно покачивала головой. Должно быть, перед

ней вставали картины пережитого. Наконец, она глубоко вздохнула, опустила руки и взглянула на нас.

— Как хорошо, что я все-таки добежала, — начала она тихим, слабым голосом свой рассказ. — А Эльмару не удалось... Они схватили его. И может быть уже убили его. Тоже и Яна-Вдовца и Михкея Тони, у которого я ночевала. Они злые, очень злые, и имеют при себе ружья и револьверы, а пушки, конечно, нет... Когда они сделали это, никто не захотел идти на работу. А после обеда, которого не было, — барон запретил кормить, и мы ели, у кого что было, — сговорились напасть на баронов, когда станет темнеть, и освободить наших. Но у тех были ружья, а у нас топоры да вилы. Охранники заметили и стали стрелять из окон. Все побежали назад, а кто-то так и остался лежать у самого подъезда... Совсем мертвый... Это было очень страшно: огонь, дым, стрельба, потом крик... Я больше не пойду туда... Не надо меня туда посылать... Пускай красногвардейцы идут поскорее. Красногвардейцы — сильные, и у них тоже есть ружья. — Иренэ сделала паузу и закончила свое сбивчивое повествование: — Когда все снова собрались в бараке, стали говорить, что надо послать кого-нибудь в Мыйзама за помощью. Я сказала, что лучше всех смогу пролезть мимо охраны. Товарищи меня отпустили, приказали спешить. И я бежала, бежала. Кто-то кричал мне вслед. Я даже спряталась за сосну. А может быть мне показалось... Я очень устала и хочу домой, Майэ.

Девочка спрятала свою растрепанную головку на груди у сестры и закрыла глаза.

— Лошади готовы, — объявил, входя, Ояр.

— Ты, Ояр, оставайся с девочками здесь, — решил Виро. — Отрядом будет командовать Каро.

Мы попрощались, и дровни, наполненные вооруженными людьми, быстро помчались. Снег летел

из-под копыт лошадей. В бледном свете луны тускло отсвечивали штыки и затворы винтовок, а люди сидели, прижавшись друг к другу, спрятав лица. Казалось, они спали, но на самом деле никто из нас не смыкал глаз. Лютая ярость против ненавистных немцев, веками угнетавших страну, необычная, укрепляющая дух, зовущая на борьбу злора против кровавых злодеев накапливались, искали выхода, не давая покоя. Гнев горел под нашей бедной, изношенной одеждой, которую продувал встречный ветер, но никакая стужа не могла охладить это захватывающее чувство ненависти к врагу... Сани летели быстро, но путь казался долгим. Я крепко сжимал винтовку в руках. Снова я не знал, как буду убивать, но я знал, что буду.

В ту ночь баронская охрана все же не рискнула стоять открыто на дорогах. Мы доехали, не встретив никаких препятствий, почти до главного въезда, когда Виро приказал остановиться. Оставив Каро с отрядом в тени сосновой рощи, сам он, в сопровождении одного красногвардейца и меня, вступил на территорию имения. К нашему удивлению, к дому бессемейных удалось пробраться тоже без труда. Только там нас остановили часовые, вооруженные топорами. Остальное мужское рабочее население и кое-кто из женщин собрались в бараке, с угрюмым видом сидя на топчанах и глядя на раненого, который лежал с окровавленной повязкой на предплечьи.

Когда приклад винтовки красногвардейца стукнул о пол, кто-то тревожно вскрикнул: «Идут!» Должно быть, люди ждали расправы, и наше появление вызвало скорее недоумение, нежели радость. Но так продолжалось только мгновение. Через минуту повсюду зазвучали оживленные голоса; уже нашлись охотники показать пути для захвата баронского гнезда.

— Они собрались все вместе в одном доме, и охранники с ними, — сообщили товарищи.

Пауль не стал медлить. Приказав раненого везти в больницу, он вместе с группой добровольцев вернулся к ожидавшему приказаний отряду.

Осталось в памяти, как холодный свет высоко поднявшейся луны озарял местность, как тени причудливыми узорами лежали на белом с голубым отливом покрове, как снег предательски скрипел под ногами... Прижимаясь к темным пятнам, мы прошли мимо жилых домов батраков, мимо риги, амбаров, еще каких-то построек, которые вытягивались в целую улицу. Казалось, конца не будет этому пути! Наконец Каро подал команду, и цепь бойцов стала охватывать главный дом и сад.

Но мы не успели завершить окружение. Сверкнули огни выстрелов. Их внезапный грохот заставил вздрогнуть; пули пропели в темноте свою несложную мелодию, и я помимо воли наклонил голову.

— Ложись! — приказал Каро.

Мы ответили беглым огнем. С жалобным звуком посыпались раздробленные стекла.

Не помню, сколько времени продолжалась перестрелка, но в конце концов разбойничье гнездо замолчало. Кажется, это произошло после того, как Каро крикнул, чтобы несли солому и начинали поджигать. Черная громада дома, притаившись в сугробе, поднималась острой крышей вверх, отбрасывая тень. На ее краю, посередине широкой площадки перед подъездом, лежал труп убитого, — результат предвечерней схватки. Пользуясь затишьем, красногвардейцы спешили переползти в эту темную полосу и, попав туда, подбирались к дверям и окнам. В это время выстрелы вновь нарушили воцарившуюся тишину, но огня не было

видно. Стреляла где-то за домом, очевидно, наша обходная группа.

— Они в парке! — крикнул один из проводников: — Они бегут!

Мы кинулись к главному входу, вышибли прикладами дверь и гурьбой ворвались в темный вестибюль. Держа винтовки наготове, пробежали в полной темноте дальше. И вдруг увидели полоску света, падавшую через приоткрытую дверь. Остановились, прислушались. Ни звука не раздавалось из комнаты. Свет пробивался неяркий, должно быть, горела свеча или ночник. Каро быстро открыл дверь и замер.

— Смотрите... — прошептал он.

Мы вошли в комнату. Сначала в полумраке бросилось в глаза белое пятно скатерти большого, накрытого для ужина стола. Тусклые отблески играли на графинах и рюмках. Потом в глубине комнаты привлекло внимание красное мерцание раскаленных углей в камине, которые и были источником света.

— Там люди... — срывающимся голосом сказал Каро. — Они успели убить их...

Я взгляделся в темное нагромождение, видневшееся перед камином, и вдруг понял, что это лежали три человеческих тела. Рука сама собой поднялась к похолодевшему лбу. Какой-то клубок подкатился и застрял в горле. Нет, это не мерещилось. У камина действительно лежали трое. Их руки были связаны за спиной. Одежда была порвана. Лица обезображены ударами. А ноги с обнаженными ступнями были всунуты за решетку камина. Жертвы зверской расправы — Ян-Вдовец, Михкель Тони, Эльмар Бездомный — лежали со слабыми признаками жизни.

Мы вышли из нашего невольного оцепенения от характерного запаха паленого...

Несколько красногвардейцев и Пауль остались около замученных, другие кинулись дальше, через дом в парк. У самого выхода мы наткнулись на упавшего ничком человека, одетого в хороший полушубок. Его сразила пуля красногвардейца. Еще дальше, между молодыми елями, уткнувшись головой в сугроб, лежал старик в богатой длиннополой шубе. Должно быть, он запутался в ней и умер от страха, так как на теле не было найдено никаких следов ранения.

Больше никого не нашли. В старике опознали барона Хуго фон Тизенхаузена, а человек в полушубке никому не был известен. Вероятно, это был один из тех людей, которых видел Эльмар, когда возил Циммермана в имение. У него обнаружили документы: и на демобилизованного раненого солдата Марта Мюлли и на председателя отделения общества любителей природоведения фон Мюлендорф. Кроме того, в подкладке брюк у него оказалось зашитым письмо, которое пролило свет на события в местечке и в приходе Мыйзама и которое поэтому стоит привести, пользуясь черновиком сохранившегося у меня перевода, сделанного тогда же.

«Моя девочка!

Мужайся. На время ты должна остаться среди врагов, если только не найдешь способа выбраться к своим. Но куда идти, когда фронт возникает в каждом городе, в каждой деревне? Так получилось и со мной. Бежав из Петербурга после всех провалов, я не осмелился подвергать тебя опасности попасть в руки хитрому, а главное, неумолимому Кингисеппу. У меня все время было такое чувство, словно за мной следят. Совсем, как тогда, в июне, когда я пришел к Д. Этот день запомнился мне, потому что я встретил свою белокурую девочку.

Помнишь, как мы ехали в конке, еще незнакомые, но уже купидон единой стрелой пронзил наши сердца? Помнишь, как остановилась конка, сжатая толпой, запрудившей улицу? Люди двигались без конца. Это была чернь со всех окраинных кварталов Ревеля. Соседние улицы изливали на главную артерию бесчисленное множество буйных людей, которые что-то кричали о разгоне министров. Эти дикие толпы оттеснили нас от театра «Эстония», мимо которого мы хотели идти. Тогда я взял тебя под руку. Я, потомок рыцарей-меченосцев, не мог оставить даму среди разбушевавшихся злодеев. Так началось наше знакомство, подарившее нас немногими счастливыми часами. Если помнишь, мы стали проталкиваться по Лем-штрассе, мимо угрожающе-красных знамен и плакатов с дерзкими лозунгами. Когда я, расставшись с тобой, моя милая девочка, пробрался сюда, я попал словно в осажденную крепость. Большевики оказались спаснее, чем мы думали, — даже здесь, в провинции. Мой отец, по поручению Д., все лето старался объединить силы и предотвратить переворот, но тщетно. Хорошо, что я не внял твоим просьбам и не взял тебя с собой. Каждый день, каждую ночь можно было ожидать нападения. Если бы не вооруженная охрана, которую организовал наш управляющий, батраков бы не удалось удержать в повиновении. И вот, все-таки случилось то, чего мы ждали. Поднялись многие крестьяне, не только безземельные батраки. По всем окрестностям действуют красногвардейцы, которые выгоняют благородные семьи дворян из замков и отдают имения, наши старые родовые поместья, на разграбление. Сегодня начался бунт и у нас. Даже если мы перестреляем бунтовщиков, все равно нас слишком мало, чтобы долго сопротивляться и выдержать осаду до прихода солдат императора. Нас могут сжечь живьем. Поэтому мы

решили отступить. Мой отец, фон-М., фон-П., фон-Ш., наш управляющий и я. Обязательно обо всем этом передай Д. Скажи, что мы не бежали, но отступили с развернутыми знаменами. Мы избрали Пярну. Лошади хорошие, и за ночь мы надеемся добраться до безопасных мест и встретить наших защитников. Уже все готово к отъезду, и экономка фрейлейн Анна приглашает к столу выпить прощальный бокал шампанского. Заодно мы устроим маленькое, но примерное наказание захваченным в плен большевикам. Я еще точно не придумал, что мы сделаем с ними, но мне поможет мой любимый отец. Ведь у него старые счеты с этими мужиками.

И все-таки жаль покидать родной угол. Я уверен, что мы скоро вернемся, и я снова поцелую в самые вкусные места мою девочку, но все же жаль, жаль. И вместе с тем душит злорадия! Кто имеет право поднимать руку на нас, которые исторически призваны повелевать над низшими?!

Передай Д., что если что-нибудь случится, то я до последней минуты буду помнить его и слова, которые он говорил мне во время июньского свидания. Опять возвращаюсь к этому дню. Невольно.. Потому что думаю о тебе, о твоих голубых глазах, светлых кудрях, теплой женской ласке, которой так хочется и так нехватает последние месяцы. И вот, не могу оторваться от письма. Все хочется что-то сказать, говорю — и все не то. Извини меня, моя милая, за это несуразное письмо. Все же я хочу записать тот день — наш день.

Мы расстались с тобой у самого дома Д., но долго не хотели расходиться. Помнишь, смотрели друг другу в глаза, пока, наконец, ты не сказала: «Жду вас вечером, в восемь, у «Золотого льва». Только без опоздания». Как ясно запомнились мне эти слова. Я дал слово, а сам, негодный, чуть не

опоздал. Но уверяю тебя, что это была вина Д., который говорил очень медленно и все хотел, чтобы я лучше понял и по-настоящему занялся великим делом создания герцогства Эстляндского. После моей предыдущей походной жизни было так интересно, когда плешивый лакей почтительно повел вверх по полутемной лестнице. Внезапно лихорадочный, шумный день остался где-то вдали. Только твой стройный образ спутствовал мне, когда я шествовал мимо старых стен, с которых глядели древние гравюры. Потом — приятная, прохладная и вместе с тем уютная комната, тоже полная тишины, фарфор умывальника, плеск воды, шелк одеяла на широкой перинной постели, на которой только не хватало тебя... Когда я привел себя в порядок и снова стал похож на дворянина, Д. принял меня в своем чудесном кабинете, представил супруге, познакомил с детьми. Затем пошли обедать, и только после этого наш предводитель заговорил о делах. Вот почему я опоздал на целых пять минут на наше первое свидание. Я был в полном отчаянии, когда устремлялся к назначенному месту по узким переплетающимся улицам, непривычным после петербургских проспектов. Но ты была так мила, что дождалась. Но, я думаю, ты не пожалела, моя девочка?

И вот передай, пожалуйста, Д., что я запомнил его слова и верю в него, понимаю, какую ответственность взял он на себя, собирая на борьбу остзейское баронство. Мне не хотелось бы, чтобы он подумал, что мой отец и я изменили данному слову, трусили и бежали. Я верю его словам, что Берлин поддержит нас.

Пусть Д. будет спокоен. Я думаю, что просчета нет и на этот раз. Обязательно передай ему все это, моя умная девочка. Учти, что если осуществится наш смелый замысел, то Д. из предводите-

лей дворянства превратится, по крайней мере, в премьер-министра при герцоге Эстляндском и не забудет нас с тобой. Но я боюсь за Д. Ради бога, пускай он остерегается и не думает, что большевики не умеют действовать. Я видел их в Петербурге и вот снова столкнулся здесь. А если Д. будет схвачен, наш план потерпит полный крах.

Все же, моя милая девочка, тебе лучше оставаться на месте и ожидать прихода войск императора. Фон-М. подтвердит тебе это. Только не вздумай увлечься им. Он страшный ловелас... И пока эти дни жил у нас, сумел обольстить двух крестьянских девушек. Впрочем, для них это честь, а ты — моя.

Боже мой, какое громадное и неделовое письмо я написал! Впрочем, это так понятно в моем положении. Я тебе всегда писал большие письма. Тем более, я не знаю, что может произойти сегодня ночью или завтра днем. Сколько бы я дал, чтобы получить от тебя хоть пару строчек!.. Фрейлейн Анна опять зовет к столу. Слышу смех отца и крики. Должно быть, мальчики притащили наших пленников. Сейчас можно будет дать разрядиться злему настроению. О, как клоочет у меня в груди! Целую миллион раз, моя девочка! Не смей позволять целовать себя другим. Я все равно узнаю, и тогда будет драма.

Твой Отто

Р. С. Д. предупрежден, что ты будешь заходить к нему с поручениями. Адрес прежний. Письмо, разумеется, уничтожь, хотя оно написано кровью сердца».

Объемистое письмо влюбленного баронского отпрыска было важным документом как для Виро, так и для меня. Оставив с него копию Ояру, который уже занялся следствием над врагами советской

власти и эстонского народа, я на другой день срочно выехал в Таллин, чтобы доставить материал товарищу Кингисеппу.

Я еще раз увидел этого неутомимого большевика. Он встретил меня очень приветливо, выслушал, внимательно прочел привезенное письмо и сказал:

— Спасибо за помощь. Мы тоже кое-что обнаружили. Д. — это предводитель Остзейского дворянства, барон фон Деллингсхаузен. Жаль только, не сказано, кто эта «милая девочка».

Он крепко пожал мне руку, и я ушел, удовлетворенный полученной похвалой, но отчасти и с чувством досады, что дело кончилось и Кингисепп не дал мне нового поручения. Признаться, в продолжение всего пути от Мыйзама до Таллина у меня в голове рисовалась заманчивая перспектива того, как я разрабатываю хитрый план разоблачения врагов народа, нахожу эту «милую девочку» и принимаю участие в аресте немецкого главаря. Досада усиливалась еще и тем, что я неожиданно быстро должен был расстаться с моими друзьями из Мыйзама, с которыми меня уже связывали боевые дела.

Все же перед отъездом я успел навестить в больнице Эльмара и его товарищей. Им было трудно говорить, но они пытались улыбаться в ответ на мои ободряющие слова и пожимать мою руку. Пауль и его сестры усадили меня в розвальни деда Пихо, но на этот раз никто не пошел провожать за мост. Иренэ была бледненькая, слабая, молчаливая. Слезинки навертывались у нее на глазах. Она стыдливо смахивала их, прикусив нижнюю губу. Майэ держала ее за руку, словно боялась, что я увезу девочку. Пауль пытался шутить, но всем было ясно, что это он делал больше для того, чтобы самому казаться веселым. Анн вынесла мне на дорогу маленький узелочек с едой, пожала мне руку, улыбнулась, пожелала счастливого пути.

Тогда Пихо дернул вожжи, и мы расстались. Я глядел назад, пока был виден конец улицы. Мои друзья все время стояли у калитки. Товарищ Рёнэ, закутанная в платок, махала рукой.

12

То, что описано дальше, я узнал из отдельных рассказов случайно встреченных товарищей. Поэтому, будучи не в состоянии воссоздать полную картину дальнейших событий, вынужден ограничиться небольшими отрывками.

В ночь на двадцать восьмое января восемнадцатого года, в связи с раскрытием контрреволюционного заговора, организованного немцами-баронами, советская власть произвела массовые аресты врагов революции, веками издевавшихся и насильничавших над эстонским народом, а восемнадцатого февраля германские войска вторглись на эстонскую землю, перейдя с островов по льду Моонзунда и Рижского залива.

Закаленные в жестокой трехлетней войне, немецкие полчища, как неумолимый вал, накатились на маленькую, искавшую мирной жизни страну. Предатели из так называемых национальных полков и просто из белогвардейцев помогали им, пытаясь наносить удары в спину красногвардейских отрядов. На последних легла вся тяжесть неравной борьбы, пока, наконец, орды грабителей и наемников не встретились под Псковом и Нарвой с передовыми отрядами только что возникшей Красной Армии. Двадцать третьего февраля они получили первый удар, который остановил их кровавое шествие, но это произошло только на самой границе с Россией. Тихая Мыйзама, растоптанная сапогами солдат германского императора, осталась в руках врагов.

Немцы пришли в Мыйзама по той же дороге, по которой шли рыцари-меченосцы, их была всего рота, но у них были тяжелые и легкие пулеметы. В сборном красногвардейском отряде Каро был всего один «максим». Тем не менее, заняв сильную позицию на холмах Мызла, защитники Мыйзама крепко держались целый день. Однако, к ночи стало ясно, что если во-время не уйти, отряд будет отрезан со стороны Силла и погибнет.

Каро вызвал легко раненного парня, который не потерял способности ходить, и приказал ему как можно скорее идти в Мыйзама к Паулю Виро с устным донесением.

И молодой красногвардеец, имя которого мне так и не удалось установить, двинулся в путь. Морозная ночь дышала на него холодом. Усталость и боль в бедре заставляли веки смыкаться, в ушах стоял какой-то звон. Дневная стрельба повторялась в мозгу. Раненому казалось, что он идет быстро, а на самом деле он просто брел, ничего не видя, кроме смутных очертаний деревьев по сторонам дороги. Он очнулся внезапно, услышав человеческий голос у самого уха. Голос был нежный, детский.

— Товарищ, зачем вы уселись здесь? Вам плохо?

Маленькая рука девочки легла ему на плечо.

— Встаньте, а то вы замерзнете. Я — товарищ Рэнэ, сестра Пауля Виро. Я шла к товарищу Каро. Брат приказал узнать, чем кончился бой. У нас больше нет красногвардейцев... А мой отец в отряде у товарища Каро.

— Да, он там и, кажется, жив еще, — машинально откликнулся красногвардеец. Потом он с трудом поднялся, подумал и, внимательно вглядываясь в лицо девочки, медленно сказал: — Правильно, ты не врешь, я узнаю тебя, Иренэ. А мне действительно плохо... Еще далеко до Мыйзама?

— Ты только что прошел мост через ручей. Разве ты не видишь?

— Хорошо... Я все-таки попробую дойти. А ты иди вперед и передай брату то, что сказал мне командир нашего отряда: за два часа до рассвета Каро начнет отступать... Прямо на деревню Силла... Иначе обойдут... Нам один путь: на север, к Тапа. Там, вероятно, встретим своих и русских. Только русские могут помочь нам... У них есть пушки и броневики... И Пауль пускай уходит туда же. Пускай сейчас же увозит все ценное и раненых... Ты запомнила, что я сказал?... Повтори... Если успею дойти, расскажу подробнее.

Через минуту тьма разделила их, а подробности боя так и остались недосказанными. Однако Иренэ поручение выполнила во-время.

Псы-рыцари в облике немецких пехотных солдат вошли в тихое местечко Мыйзама. Вместо лат у них были грязно-зеленые шинели. Вместо шлемов — помятые, поцарапанные снарядами осколками каски. Неровными шеренгами выстроились солдаты на площади перед Народным домом. Стоявшие впереди устало глядели, как двое гимназистов карабкались из слухового окна к флагштоку, на котором замер, словно замерз, красный флаг Совета. Стоявшие сзади нетерпеливо разглядывали граждан, осторожно собиравшихся уворот и на углах. Их внимание особенно привлекали дородные, закутанные в платки торговки, вынесшие корзины со снедью. Вероятно, этот заснеженный маленький городок казался тихим, странным фантастическим сном, который мучил их страшными кошмарами еще сегодня утром, когда они подходили и вступали в местечко. В качестве доказательства этого два немецких трупа валялись на

площади у столба. Когда, казалось, все было кончено, выстрелы из окон Совета поразили их наповал, а стрелявшего не нашли. Безусый ротный командир стоял впереди шеренги среди площади и наблюдал за работой на крыше: там выполнялось первое распоряжение военно-оккупационных властей.

Лейтенант стоял, слегка расставив ноги, засунув руки в широкие карманы шинели, задрал лицо кверху; и все граждане, которые привыкли, чтобы их считали почтенными, а поэтому осмелились выйти на площадь, терпеливо смотрели на чужестранца, который держался как завоеватель и который, думалось им, должен был вернуть потерянную жизнь и наказать виновных. Безусый мальчишка, сам недавний гимназист, вдруг превратился в повелителя. Он чувствовал это и важничал еще больше, время от времени бросая по сторонам как бы невидящие взгляды. Все смотрели на него и ждали его приказаний, поеживаясь от холода, потирая раскрасневшиеся носы и уши.

— Хорошо, — произнес, наконец, по-немецки лейтенант и, не вынимая рук из карманов, повернулся в сторону толпы. — Кто говорит по-немецки? — спросил он.

Граждане смутились. Не потому, что среди них не было знающих немецкий язык, а просто не решились заговорить с тем, кто, судя по всему, смотрел на них как на побежденных. Наступила продолжительная пауза, которую разрядило появление господина Ландсдорфа. Дверь универсального магазина внезапно широко распахнулась, и огромный, представительный мужчина, сияя лунообразным ликом, широкими шагами, растопырив в знак гостеприимства руки, двинулся к офицеру, а вслед заколыхалась в большом меховом воротнике не менее внушительная супруга, держа в руках тщатель-

но закутанного в яркоголубое одеяло ребенка, а за нею запрыгал весь выводок шестерых сыновей.

— Добро пожаловать! — заговорил, кланяясь, господин Ландсдорф, снимая большую пушистую шапку и еще шире разводя руками. — Все мое семейство — дети нашей матери Германии — приветствуют своих доблестных братьев по крови. Дети, приветствуйте же господина офицера, который снова вернул нам радость.

И все семейство защибетало:

— Добро пожаловать, добро пожаловать!

— Приятно видеть соотечественников, — важно ответил лейтенант. — От чашки кофе и даже от обеда не откажусь. Но кто здесь представитель самоуправления?

— Увы, борцы за свободу — господа Пюман, Тамм, Ребанэ и другие — не дождались своих освободителей и еще в январе были отправлены в тюрьму! Но здесь все-таки остался кое-кто из уважаемых людей. Вот, например, бывший председатель продовольственного комитета господин Ленц. Господин Ленц, куда же вы? Стойте! Господин офицер хочет с вами говорить.

— О, — сказал не без удовлетворения лейтенант, — председатель продовольственного комитета! Это очень хорошо и даже самое главное.

Пойманный за рукав колбасник предстал перед офицером.

— Мы очень рады, — пролепетал господин Ленц, страшась взглянуть в лицо немца, — наши женщины готовы за сходную плату...

При этом он махнул рукою в сторону торговок, которые уже обступили строй солдат, соблазняя немцев содержимым приоткрытых корзинок.

— Стой! — гаркнул вдруг лейтенант. — Шмидт, отгоните эту сволочь от строя. Команды «вольно» не было! А вы, — обратился он к Ленцу, дерзко

усмехаясь, — слушайте, что я прикажу. . . Кажется, моя рота заняла вашу деревню. Так вот: сейчас же откройте и покажите служебные здания. Этот дом мне не нравится. . . Вы говорите, это был Народный дом? Он будет лишним, но он подойдет для арестованных, раз у вас нет настоящей тюрьмы. Для солдат подберете что-нибудь потеплее. Наверное, есть школа? Все равно учиться некому. А я пока пойду к этому господину.

Он указал на Ландсдорфа, подумал и добавил:

— Сегодня же сообщите список большевиков.

— Они убежали, — пролепетал бледный господин Ленц.

— Найдутся, — убежденно ответил лейтенант. — У меня есть опытные люди. Но это еще не все. В городе и в приходе объявляю осадное положение. Прекратить всякое хождение по улицам после восьми вечера и до шести утра. Подождите, говорю вам! Я еще не кончил. Все запасы продовольствия сдать в комендатуру. Завтра назначу цифру для поставок. И имейте в виду — неисполнение распоряжений будет караться по законам военного времени. И за этих, — офицер указал на убитых, — вы тоже заплатите. Вот теперь все! Можете говорить.

Но господин Ленц забыл, что хотел сказать. Он попытался найти пенсне, но не нашел. Он оглянулся назад и по сторонам, как бы ища поддержки у сограждан, и увидел, что люди, медленно птясь, отходят дальше и дальше. Только торговки продолжали топтаться на месте пестрой толпой. Лейтенант усмехнулся и скомандовал:

— Роту отвести на отдых! Шмидт, действуйте! А теперь можно и к вам, — обратился довольный произведенным эффектом офицер к Ландсдорфу. — У вас найдется что-нибудь согревающее?

— Добро пожаловать, — пробормотал Ландсдорф, но как-то неуверенно и без сияния на лице. Пропустив гостя вперед, он выхватил ребенка из рук жены и шепнул: — Беги вперед. Прикажи убрать с глаз все лишнее.

*Так совершилось торжественное вступление новоявленных псов-рыцарей. В тот же вечер Анн Виро с младшей дочерью были разбужены сильным стуком в дверь. Иренэ проснулась и заплакала.

— Мама, не ходи!

Анн все-таки встала, так как дверь уже трещала под ударами прикладов. Она открыла дверь и отступила назад, сложив руки на груди. Унтер-офицер осветил женщину карманным фонарем. От яркого света Анн опустила веки и стала похожа на покойницу.

— Кого прячешь, старая ведьма? Где твой муж и сын? — услышала она вдруг чистую эстонскую речь. Анн открыла глаза и увидела знакомую мясистую рожу штабс-капитана Юрмана. Женщина вздрогнула, поняв всю безнадежность положения. Стало ясно, что враг уже захватил и уездный город, раз Юрман гулял на свободе... Этот ублюдок, которого называли полунемцем-полуэстонцем, что-то объяснял, указывая пальцем на нее.

— Ищите, — спокойно ответила Анн.

— Найдем! Далеко не убегут.

Пятно света упало на рабочий стол сапожника Виро, накрытый газетой с ясным заголовком «Луч».

— И после этого ты будешь утверждать, что ты не большевичка! — закричал, злорадствуя, Юрман. Он скомкал газетный лист и ткнул им в лицо Анн. Потом кинулся в другую комнату.

— Кто там у тебя шевелится?

— Дочь...

Солдаты, громыхая тяжелыми сапогами и прикладами, двинулись вслед за Юрманом. Анн зажгла лампу. Старший что-то сказал своим, и все грубо засмеялись.

— Маленький еще! — заметил один на ломаном эстонском языке.

— Мы возьмем только тебя, — перевел Юрман приказание унтер-офицера, а солдат взял Анн под руку.

— Не смей трогать мать! — крикнула Иренэ.

В одной рубашке, не замечая холода, она выбежала вслед за матерью в переднюю комнату и встала перед унтер-офицером, подняв к его подбородку сжатые кулачки.

— Лохматая обезьяна, — сказал по-немецки старший и дернул ее за черные растрепанные волосы.

— Сволочь и падаль! — дико закричала девочка. Внезапно она крепко ухватила за тяжелую, большую руку, и впилась зубами в ладонь. Немец завопил, выругался и, схватив свободной рукой черную копну волос, рванул голову девочки от себя. Анн охнула, сделала движение вперед с желанием кинуться к дочери, но ее не пустили. Иренэ была уже без сил, без памяти и не видела, как гордо пошла мать, окруженная конвоем солдат.

Затихла перестрелка на опушке леса за деревней Силла. Ночь прекратила неравный бой. Прикрываясь темнотой, горсть красных бойцов уходила на север.

— Когда нас соберется достаточно, мы снова вернемся, как настоящая армия, — говорили бойцы всем встречным, призывая настоящих сынов родины идти на священную войну.

У Тапа отряд Каро застал последних, отходив-

ших из Таллина красногвардейцев. Паровоз с поставленными на тендере пулеметами прикрывал отступление.

Повернули на восток.

У Раквере дали бой «серым баронам» из остатков национального полка, пытавшимся предательски отрезать путь в Страну Советов, где граждане уже собирались под знамена Красной Армии.

Туда, за Нарву, ближе к городу Ленина прорывались красногвардейцы, чтобы примкнуть к красным рабоче-крестьянским батальонам.

Кругом лежали снега, стояли молчаливые леса, дремали пашни, погруженные в зимний сон. Бойцам надо было бы тоже отдохнуть, но сон грозил гибелью. Красногвардейцы, повинаясь приказу, вставали и шли дальше, не переставая думать о покинутой родине, о своей оставленной в руках врагов Мыйзама, которая попрежнему тихо лежала, притаившись среди сугробов...

Да, она лежала, молчаливая, потрясенная, и слепые окна домиков угрюмо глядели на немецкий патруль, медленно проходивший по заснеженным улочкам.

Мерно шагал патруль, и ножевые штыки поблескивали под лунным лучом. Белые и черные полосы света и тени лежали поперек дороги, словно желая замедлить тяжелые шаги. Нет, Мыйзама не спала, но слушала скрип снега под солдатскими сапогами. Слушала и думала. А больше всех товарищ Рэнэ и ее немногие уцелевшие друзья, которые верили, что наступит лучшее время.

Прошло два года после того, как в Мыйзама снова утвердились господа Пюман, Тамм, Ребанэ и другие, а крепче всех Юрман, которого немцы

сразу вернули из тюрьмы. Юрман остался на своем месте и после ухода немцев и завел такие порядки, что даже воробей не мог сесть на забор без его разрешения. Не мало людей, и старых, и молодых, и мужчин, и женщин, было зарыто за это время у кладбищенской стены. Многие суеверные и боязливые крестьяне даже опасались проезжать мимо страшного места в темноте, но никто не смел сказать этого вслух.

Однажды, когда сумерки спускались на Мыйзама, когда зимняя дорога опустела, мимо кладбища шла девочка. Она была в старом, коротком, не по росту пальто, в шапочке из потертого меха, в домашних вязаных рукавичках. На худеньком личике выделялись большие зеленоватые глаза, которые смотрели вдумчиво, почти строго. Временами в них вспыхивал как бы огонек. Тогда выражение лица становилось задорным и бойким.

— Здравствуй, милая тетя Марта, — приветствовала девочка старую, неряшливо одетую женщину, которая вышла из ворот кладбища.

— Здравствуй, Рэнэ, — ответила старуха. Она остановилась и поманила девочку к себе. Ирэнэ послушно приблизилась.

— Опять никого не нашли? — спросила она с участием.

— Никого... — угрюмо ответила старуха, и вдруг ее глаза загорелись злым упрямством. — Но я найду их! Найду!.. Я докажу всем, что они убиты самым подлым образом. Я принесу их всех на своей спине и положу перед окнами Пюмана и Юрмана. Я покажу всем...

Старуха, дрожа всем телом, крепко вцепилась в плечо девочки.

— Тише, тише, тетя Марта! Услышат! Я верю, что вы так сделаете. И я даже помогу вам. Но вы

застегните пальто. Так можно простудиться, и вы не успеете их найти...

— Да, да... Ты права, девочка. Ты одна веришь мне. И я за это люблю тебя. Тебя одну...

Марта отпустила плечо, умолкла на минуту, потом строго посмотрела в глаза Рэнэ и прошептала:

— А ты знаешь, где они? Они здесь. В общей могиле. Но лежат на самом дне. Поэтому мне не достать. Никому не говори. Я все-таки наберусь сил и вытащу их. Но надо напомнить всем людям, что кровь загубленных ждет мести. Ты понимаешь, что надо сделать?

— О, я очень хорошо понимаю.

— И ты мне поможешь, девочка? Я верю только тебе. И если ты не поможешь, я и тебя перестану любить.

— Я помогу, тетя Марта!

— Так ты не боишься?! — старуха в восторге засмеялась, показывая на редкость крепкие зубы, и в этот момент, когда улыбка украсила ее лицо, каждый мог увидеть, что она не так уж стара и что горе сделало ее страшной старухой.

— Не боюсь, — ответила Иренэ; в ее глазах мелькнул вдохновенный огонек. — И я даже знаю, как мы это сделаем.

— Мы придем сюда ночью, накануне дня, который эти дьяволы называют днем освобождения. Мы принесем ведро крови. Я уже приготовила ее. Ты тоненькая и ловкая. Ты пролезешь через лазейку, которую я нашла в задней ограде кладбища, и проберешься вот сюда так, чтобы никто не увидел, и помажешь камни снаружи. А я буду ходить возле, чтобы тебе не помешали...

Так состоялся заговор помешанной Марты Каху и дочери партизана и красногвардейца Рэнэ Виро. Они показали кровь замученных людей, которые погибли за свободу родной страны от рук палачей.

баронов. Молва о крови убитых прошла далеко по деревням и мызам. Когда на следующий год пятна крови снова появились в ту же ночь и на тех же камнях ограды, многие стали говорить о том, что скоро наступит новое время и Красная гвардия вернется, чтобы отомстить за казненных.

Никто из кайцелийтовцев не рискнул сидеть на кладбище, никто из них не знал тайной тропы, по которой кралась ночью, как кошка, ловкая зеленоглазая товарищ Рэнэ с ведерком краски. И когда она делала торопливые мазки, когда после закапывала в дальнем конце кладбища ведерко в сугроб, ей казалось, что она водрузила красный флаг, под которым сражались ее отец, брат и сестра и который вновь принесут они, когда могучая Красная Армия придет освободить от баронов измученную Эстонию.

Такова повесть о тихом, но способном на большие дела местечке Мыйзама и вместе с тем о моем маленьком товарище Рэнэ. С того времени, как мы познакомились и расстались, прошло много лет. Никто не мог сообщить мне, что стало с ней после этой истории с кровавыми пятнами на кладбищенской стене. Не смог ничего узнать я и сейчас, в дни Отечественной войны, о ее судьбе. Быть может она, скрываясь в лесах Мыйзама, взрывает фашистские составы. Но я знаю, что товарищ Рэнэ не осталась в стороне от великой борьбы, и верю, что если мы с ней останемся живы, то после того, как затихнет грохот сражений, после того, как над Народным домом в Мыйзама вновь будет поднят красный флаг власти Советов, мы с ней снова встретимся у моста через Палайеги, и она мне расскажет повесть своей благородной жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ОБЩЕСТВО ГОЛОДАЮЩИХ

Часть вторая

НАВСТРЕЧУ СОБЫТИЯМ

Редактор А. Голубева

Обложка Т. Цимберг

М — 00167.

Подписано к печати 23-1-945 года.

Тираж 15000 экз. Уч.-авт. лист. 8,3 Печ. лист. 5³/₄. Зак. 2670.

Тип. № 1 Управл. издательств и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета